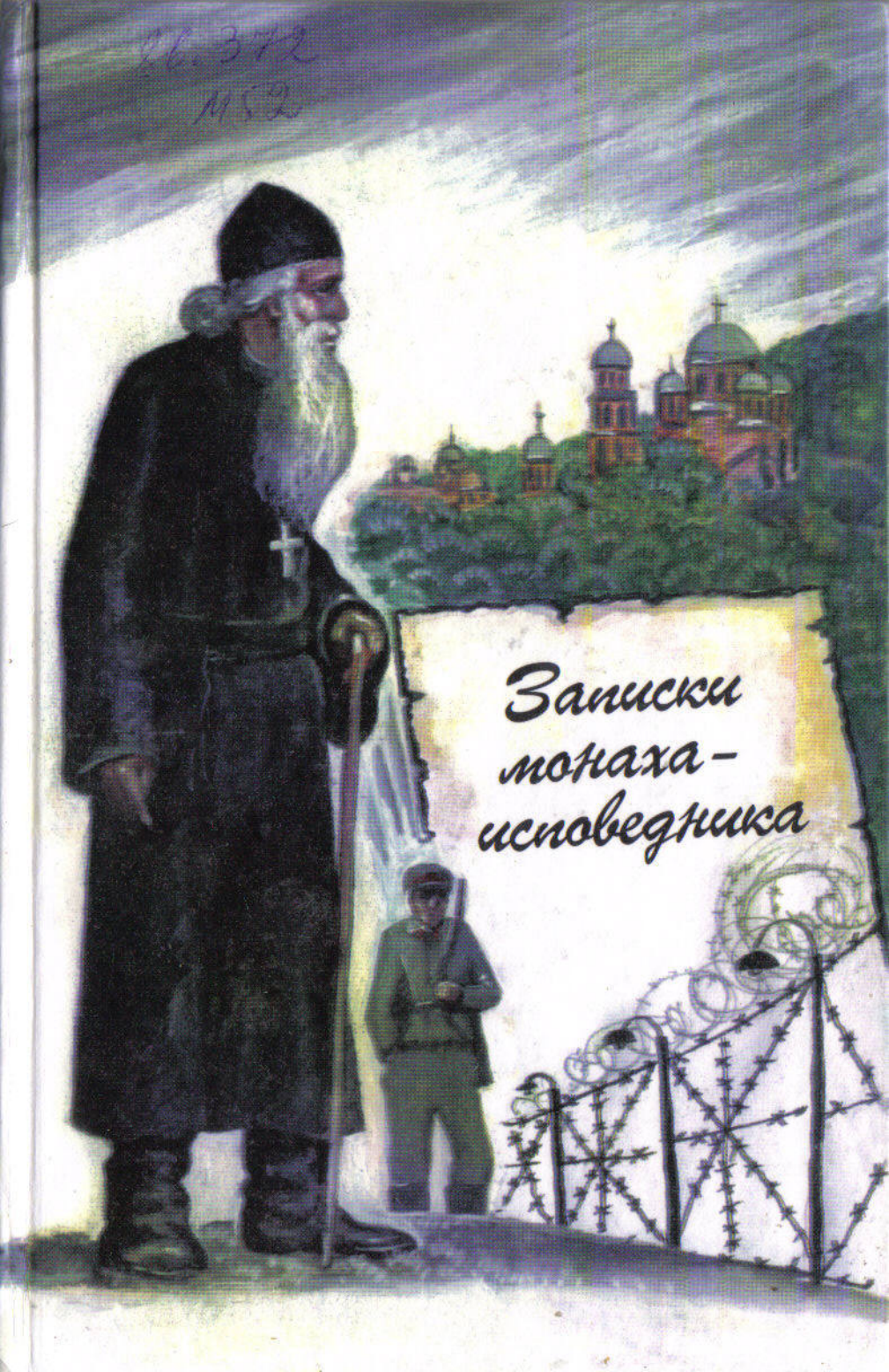

Рис. 372
М.С.С.

Записки
монаха -
исповедника

Содержание

Закрытие Ново-Афонского монастыря	3
Возникновение пустынной обители	10
Разгром братства на Псху	14
Камера смертников	17
Разговоры отца Парфения	21
Ночи в камере смертников	23
Прощенные и непрощаемые	39
Расстрел	44
В общей камере	56
Рассказ плотника	60
Рассказ русского американца	67
Рассказ сексота	76
Уголовники	92
Попытка побега	103
Добровольные страдалцы	110
Дети-убийцы	118
Этап. Побег	125
Пересыльный лагерь	134
На работах	139
Верховодство уголовников	145
Внезапный расстрел	152

Этап на прииск	158
Столетний мертвец	168
Самородки	177
Людоед	181
Берзин и Колымские прииски	186
Гаранинский террор	190
Каюры	199
Толик-чистодел	206
Самородки в отбросах	215
Война и новые тяготы	218
Смертность	229
Слабкоманда	233
Зайцеловы	237
Спектакль для американца	243
Маленькое послесловие	266

Монах Меркурий
(Попов)

86.372

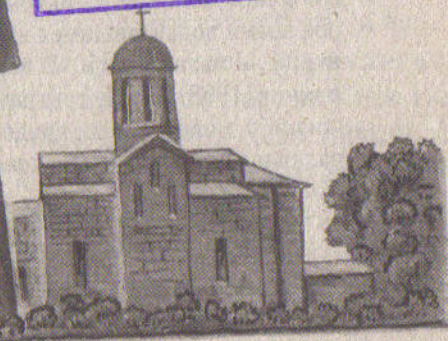
M52

Записки
монаха-
исповедника

РБаб - 98801

Муниципальное учреждение
культуры городского округа
Балашиха "Централизованная
библиотечная система

Издательство
Московской Патриархии
Москва 2001

Одобрено Издательским Советом
Московского Патриархата

“Записки монаха-исповедника” — воспоминания инока Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, пережившего закрытие обители, тюремное заключение, камеру смертников и Колымские прииски, вернувшегося после освобождения на Кавказ и там, в горах, окончившего свою жизнь пустыником. Воспоминания пережитого были записаны с его слов монахом Меркурием (Поповым), некоторое время подвизавшимся вместе с ним. Отец Меркурий — автор книги “В горах Кавказа” (М.: Паломник, 1998). После тридцати лет отшельнической жизни и молитвенных трудов на Кавказе он скончался в 1996 году в Лукиановой пустыни Владимирской епархии.

ISBN 5-88017-069-1

© Издательство Московской Патриархии, 2001

*Нет ничего тайного, что
не сделалось бы явным.*

Мк. 4, 22

Закрытие Ново-Афонского монастыря

В 1924 году в трапезную Ново-Афонского монастыря, где была в сборе вся монастырская братия, вошел председатель Совета народных комиссаров Абхазии Нестор Лакоба и при наступившем всеобщем молчании обратился к насельникам:

— Дорогие отцы, в Москве мне категорически предложили закрыть ваш монастырь. Я долго протестовал, отстаивая его; вы знаете, что он дорог мне так же, как и вам, потому что я ученик монастырской школы, учрежденной в былые годы дорогим покойным отцом-настоятелем Иероном для абхазских мальчиков, там когда-то воспитывался и я на полном монастырском содержании. Абхазы с благоговением вспоминают о вашей миссионерской деятельности среди нашего народа и о том, что ваши ученые монахи, в совершенстве изучив наш язык, изобрели нам абхазскую письменность, благодаря которой проглянул луч света в среду наших людей. Но простите меня, отцы, потому что я не властен отменить или хотя бы даже отсрочить на некоторое время это решение.

Постояв несколько секунд, он повернулся и вышел из трапезной. После его ухода воцарилось гробовое молча-

ние и печаль сдавила сердце каждого насельника, прожившего долгие годы в этой обители. Растерянность выразилась на лицах всей братии. Как быть? Что предпринять? Выход был один — уходить подобру-поздорову, не дожидаясь насильственного изгнания. Но никто не решился бы уйти самовольно за стены монастыря без благословения отца-настоятеля.

На другой день из Сухума приехал отряд милиции. Всем молящимся было известно, что с вечера в соборе начнется последняя служба — прощальное всенощное бдение.

В десять часов вечера с колокольни раздался звон набатного колокола, тяжелый язык которого раскачивали два монаха. Мерные могучие звуки призывно понеслись вдоль гор, наполняя тревогой людские сердца. Народ Афона и ближних к нему селений — Анухвы Абхазской и Анухвы Армянской — толпами поспешно устремился к монастырю.

Ворота во внутренний двор, где находился собор, были заперты, и их охраняла милиция. В ответ на просьбу пропустить всех в собор на прощальную службу собравшиеся прихожане услышали от милиции издевательства и насмешки. Некоторые женщины в толпе зарыдали. Вдруг молодая девушка-абхазка громко крикнула на русском языке:

— Абхазы, на вас надо надеть юбки!

После этого выкрика на мгновение наступило общее затишье, затем раздался призывный клич какого-то абхаза: “Ахахайт!” — то есть бросайся в атаку, и мужчины-абхазы, расшвыряв милицию, навалились на ворота. Задвижка сломалась, ворота распахнулись, и людская волна хлынула в монастырский двор. Около входа в собор иеромонахи раздавали всем свечи из стоявших возле них ящичков. Один из иеромонахов, обратившись к толпе, сказал:

— Братья и сестры, вы сейчас будете присутствовать на службе, которая совершается на утопающем военном корабле, там она длится не более двадцати минут, и, про-

слушав ее, редко кто из смертных остается в живых. Но у нас эта служба будет длиться до утра...

Все зашли в собор, и он до предела заполнился молящимися. На хорах стояли монахи-певчие, держа в руках зажженные свечи. Службу начал настоятель монастыря архимандрит Иларион в сослужении иеромонахов. Весь народ, находившийся в храме, опустился на колени. Хор численностью в тридцать голосов, в состав которого входили мальчики из абхазской школы, запел вступительное песнопение: “Благослови, душе моя, Господа...” Стройная мелодия в спокойном темпе тихо, но потом постепенно усиливаясь, плавно понеслась к под-купольным высотам храма. С начала последующего стиха: “Господи Боже мой, возвеличился еси зело...” — хор с воодушевлением запел широкой гармонией. Изумительно нежное звучание детских голосов в верхнем регистре наполнило сердца всех молящихся чувством не выразимого словом умиления.

Все бывшие в храме понимали, что это действительно последняя, заключительная служба. Мальчики-певчие, исполнявшие партию альтов и дискантов, никогда так прежде не пели — без единой ошибочки, как в ту последнюю ночь. А когда на середину храма вышел архидиакон Питирим и своим дивным басом запел: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром”, то хор, многозвучными тихими аккордами сопровождавший его сольное пение, придавая ему дополнительную духовную выразительность. После первого стиха отец Питирим сделал небольшую паузу, и хор, как бы доканчивая его гармоническую фразу, пропел ее с постепенным замиранием, предоставляя ему возможность неспешно сделать очередное вступление. Архидиакон продолжил: “Яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей...” И снова чуть приостановился, делая паузу. Хор в несколько иной вариации, но все так же тихо, сдержанно, с мягкой гармонией, сливающейся

мися друг с другом мелодическими аккордами, то как бы удаляясь, то с новым возрастанием звучания продолжал свой аккомпанемент. Выждав в соответствии с тактом должное умолкание хора, отец Питирим пропел заключительный стих: "Свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля" — и умолк. Хор в течение длительного времени продолжал свое музыкальное завершение по дополнительной нотной приписке, повторяя часть стиха: "славу людей Твоих Израиля, славу людей Твоих Израиля..."

Богослужение длилось до пяти часов утра. Находившиеся в храме монахи-населенники сознавали, что потеряли свою обитель — самое дорогое, самое милое, что у каждого из них было... Уход из обители — это ничем не восполнимая утрата, это как покидание любимой родины. В ней они провели многие годы. Находясь в этой большой семье, живя совместно, они постепенно сроднились друг с другом, а их сердца горели ревностью к богоугодной жизни, стремлением к спасению души. Но теперь их принуждают возвратиться в мир, который они давным-давно покинули. Теперь настало время куда-то в неведомое направить стопы ног своих. В монастыре они привыкли к общежительному образу бытия. Каждый, находясь на определенном послушании, выполнял ту или иную работу: одни трудились на рыбных промыслах, другие возделывали виноградник или маслиновую рощу, третьи занимались благоустройством огородных участков, и каждый знал свое дело, у каждого была своя келья — свой жилой уголок. Но вот сейчас вышедшим за монастырские ворота уже этим вечером нигде будет устроиться на ночлег, каждому в отдельности придется искать пристанище и трудоустройство... Но где? В какой стороне? В каком краю?

После окончания службы настоятель отец Иларион обратился с амвона к братству с напутственными прощальными словами. Послушникам, не принявшим еще постри-

га, он благословил устраивать свою жизнь среди мира, как они найдут нужным, по своему усмотрению, но только с обязательным исполнением своего коротенького молитвенного правила, которое будет напоминать им о цели, ради которой они когда-то пришли в монастырь и доброхотно трудились в нем. Монахов же призвал свято хранить свой ангельский чин при всех жизненных испытаниях и невзгодах до самой смерти. После этого он коленапреклоненно просил прощения у всех присутствовавших в храме монахов и мирян, а они взаимно просили прощения у него. Затем отец Иларион удалился в алтарь, и царские врата затворились. Через некоторое время из боковой двери алтаря иеромонахи стали выносить церковную утварь, иконы и книги и раздавать прихожанам, прося свято хранить их. Однако при выходе из собора милиционеры все это отнимали у людей, силой вырывая из рук.

В тот же день архимандрит Иларион и архидиакон Питирим были арестованы и утром следующего дня в сопровождении конвоиров отправлены в Сухум.

Изгоняемые монахи со слезами обнимали и целовали стоявшие во многих местах кипарисы, посаженные ими в давнее время, и уходили, навсегда расставаясь с обителью, оставив там решительно все из общественного приобретения и продукты питания, запас которых находился в кладовых.

Все новоафонское братство устремилось в Сухум. Вечером они пришли в кафедральный храм и после богослужения были разведены по городу сострадательными русскими прихожанами по двое, по трое в их жилища, где и нашли временный приют.

В одном из домов, куда пришли на ночлег двое изгнанников, случайно оказался монах-пустынник, пришедший в город по своей житейской нужде и у благодарного странноприимца нашедший для себя пристани-

ще. За вечер монахи хорошо познакомились с пустынножителем и рассказали ему о печальной истории закрытия монастыря и о своем бедственном положении. Пустынножитель, выслушав их, сказал:

— Любезные отцы, моя пустынная келья находится недалеко от высокогорной дороги, которая идет в межгорную долину Пеху. Сейчас там уже многие годы никто не живет — это безлюдное запустевшее место почти никому не известно. Вам можно было бы уйти туда всем вашим монастырским братством, поселиться там и основать свой скит.

Обрадованные этой благой вестью, собеседники стали задавать ему один за другим многочисленные вопросы. Прежде всего спросили, каким образом было найдено это скрытое место? Кем и когда? В какое время? Кто строил туда дорогу и для какой цели? И прочее, и прочее...

Пустынножитель рассказал им давнее повествование, слышанное когда-то от прежних монахов-отшельников, что во времена царствования государя Александра III на Кубани во многих местах стали появляться незнакомые всадники, которые захватывали пасущийся возле станиц скот и угоняли его неизвестно куда по вершинам хребтов. Об этом было донесено царю, и он вскоре прислал группу вооруженных разведчиков в то место, где было обнаружено начало тропы, тянущейся в горы. Разведчики с осторожностью стали продвигаться по ней. В некоторых местах тропа спускалась в низовья, ее пересекали реки и их притоки, так что приходилось переправляться через них вброд, а потом опять взбиралась на вершины хребтов и опять тянулась вперед.

Через пять или шесть дней разведчики вышли в широкую долину, где увидели пасущийся скот и горское селение, которое не значилось на имевшейся у них топографической карте Кавказа. Им стало ясно, что это и есть то таинственное место, где проживают грабители, которых они разыскивают. Чтобы не быть замеченными, они стали об-

ходить селение вокруг и с южной стороны от него наткнулись на тропу, подобную той, по которой только что шли. Разведчики догадались, что по этой тропе жители селения угоняют краденый скот для продажи в приморские города, а потому решили продолжить разведку.

Через три-четыре дня опасного странствования по перевалам они пришли в Сухум, откуда по почте направили государю подробный отчет о своей разведывательной миссии и просили прислать в Сухум инженеров для строительства горной дороги, отряд солдат и вместе с тем кирки, ломы, лопаты и динамит. В короткое время все это было привезено в Сухум пароходом из Одесского морского порта. Разведчики провели приехавших инженеров по тропе до горского селения, те сделали соответствующие замеры, после чего солдаты стали строить дорогу шириной в сажень с расчетом, чтобы по ней могла свободно пройти пара запряженных лошадей. Через некоторое время дорога кривой лентой протянулась в даль гор, то поднимаясь чуть ли не до самых вершин хребтов, обходя неприступные скалы, то спускаясь вниз к долине, где протекала река Гумиста, то снова поднимаясь на возвышенности и потом опять спускаясь вниз, во многих местах перебрасываясь с берега на берег через притоки этой реки и горные ручьи. На расстоянии примерно семидесяти километров от Сухума она поднялась на высоченный хребет, перевалив через который, опустилась в ту широкую долину, где находилось таинственное селение.

После окончания строительства дороги из Сухума на лошадях привезли пушки и, окружив населенный пункт, дали несколько залпов мимо него. Все жители без особого сопротивления сдались, за исключением немногих всадников, которые хотели было известной им горной тропой умчаться прочь, но были задержаны перегородившими им путь солдатами. По ходу расследования выяснилось, что в этой горной долине проживало полудикое племя абазинов,

прозывавшихся "псха". Этим именем и назвали прежде неизвестную местность, нанеся ее на карту. Многие из жителей селения могли свободно изъясняться по-русски.

На другой день все жители селения от мала до велика со всем движимым имуществом, которое только смогло уложиться на арбы, были по новопостроенной дороге этапированы в Сухум, откуда на пароходе их со всеми пожитками и скотом увезли в Новороссийск и переправили для поселения на Кубань, где по указу царя были отведены для них земельные участки. Однако в тот же месяц все они сбегали куда-то в неизвестном направлении.

С той давней поры, заверил слушателей пустынножитель, в долине Псху никто не живет, сам он там никогда не бывал, но, если монахи пожелают пойти туда, он отправится вместе с ними на розыск этого пустынного места. Как горный житель, он, конечно, более сведущ и лучше ориентируется в той местности, притом втроем пускаться в путь гораздо безопаснее, нежели вдвоем.

Возникновение пустынной обители

В скором времени, взвалив на плечи мешки с провиантом, три бородатых человека в монашеском одеянии поздним вечером вышли из Сухума.

Пропутешествовав всю ночь, перед рассветом они пришли к келье пустынножителя, находившейся недалеко от греческого селения Ахалшени, провели в ней день и ночь, а утром следующего дня продолжили свой путь. Пустынножитель взял с собой имевшийся у него небольшой шатер на случай дождя в ночное время, а также походный котелок и маленький топорик.

Взбираясь по зигзагообразной дороге, они к полудню достигли высшей точки возвышенности, находившейся в сто-

роне от Ахалшени, после чего пошли под уклон и поздно вечером пришли к широкому притоку, впадавшему в реку Гумисту. Перейдя его вброд, на правом берегу раскинули шатер и провели там ночь, а утром пошли дальше вверх по течению Гумисты. Дорога беспрестанно то подымалась на возвышенности, то вновь спускалась к берегу реки, то опять вилась по косогору. К вечеру второго дня они пришли к подножию перевала и, переночевав, утром стали преодолевать самый трудный участок дороги, состоящий из цепи беспрерывных зигзагов, тянущихся к вершине перевала. Изнемогая от усталости, обливаясь потом, садясь через каждые пятнадцать-двадцать минут на отдых, они продвигались вперед черепашьим шагом и далеко за полдень наконец-то перешли через тянувшийся с востока на запад гребень хребта и, спустившись в долину, весь остаток дня и следующий день бродили там, изучая эту необитаемую местность.

Ранним утром следующего дня они отправились в обратный путь. Идя теперь почти порожняком, они за два дня прошагали это большое расстояние и к вечеру пришли к келье пустынножителя. Отдохнув там, два изгнанника ночью ушли в Сухум, оставив пустынножителя в его келье.

Через десять-тринадцать дней к нему явилась целая группа монахов, нагруженных тяжелыми походными мешками и плотничьим инструментом, предводительствуемая известными ему горнопроходчиками. Через день они рано утром ушли по дороге на Псху. А еще через неделю знакомые пустынножителю монахи возвратились к его келье и попросили нанять в селении четырех лошадей с вьючными седлами и закупить для братства у местных жителей продукты питания, в основном кукурузную муку и фасоль, так как растительное масло и сахар были приобретены еще в городе. (Ушедшие на новое местожительство монахи имели при себе денежные сбережения, ибо монастырская казна перед закрытием обители была распределена настояте-

лем между братией.) Купленное продовольствие было перевезено в монашеский стан.

В осенний период на Псху завезено было не только продовольствие, но и строительный материал: стекло, гвозди, дополнительный плотницкий инструмент, железные печки с трубами, два котла, ведра, вся хозяйственная утварь и прочее.

За короткий промежуток времени братство смогло построить несколько жилых помещений, в которых на первое время разместились все насельники. После этого приступили к строительству деревянной церкви в виде молитвенного дома первоначально небольшого размера. Но впоследствии храм удлинени, привезли для него колокол и завели распорядок дня в соответствии с правилом Пахомия Великого, которое сообщено было в далекой древности явившимся к Пахомию ангелом Божиим.

Правило это заключало в себе набор известных всей Церкви молитв, начиная с Трисвятого по "Отче наш", затем двенадцать раз "Господи, помилуй", "Слава, и ныне", потом "Приидите, поклонимся" трижды и 50-й псалом царя Давида "Помилуй мя, Боже" — весь, с начала до конца, за ним Символ веры, после него сто молитв Иисусовых и по окончании их "Достойно есть". Это правило велено было совершать по всем монастырям, находившимся под управлением Пахомия по двенадцать раз в течение дня и по двенадцать раз в течение ночи. В начале каждого часа звонарь ударами колокола извещал о начале молитвословия, братство приостанавливало свою работу, и все те, кто находился вместе, сообща прочитывали упомянутые молитвы, а работавшие поодиночке прочитывали их каждый сам для себя.

Ночами же в период крайне тяжелых работ, при которых вся братия уставала до изнеможения, правило это читалось с некоторым замедлением во времени, но все равно без изменения и сокращения. А когда закончились спеш-

ные работы по строительству, то его стали совершать так, как о нем было заповедано.

Немало хлопот доставило монахам, исполнявшим обязанность рассыльных, приобретение для братства зимней одежды и обуви. Все догадывались о том, что в тех местах должна быть суровая многоснежная зима, поскольку Псху находилась высоко над уровнем моря. В декабре начался обильный снегопад, и долину завалило глубоким снегом, так что все насельники оказались до весны плененными снежными заносами.

При наступлении весны у братства появились заботы по разработке целины для посадки картофеля, посева кукурузы, фасоли и прочих огородных культур. Живущие в Сухуме участливые братья и сестры во Христе, не считаясь с трудностями, приобрели для поселившихся в долине Псху монахов все необходимое, прежде всего семена, потом нужные материалы и прочий скарб и даже саженцы фруктовых деревьев. Все это в ночное время отправлялось по назначению. Пустынножитель, находясь вблизи селения, заказал в кухне сошники для сох и зубья для бороны и все это переправил на Псху, где братия смастерили сохи и бороны. Нанятыми в Ахалшени лошадьми они вспахали и засеяли целое поле новоразработанной земли и по краям его посадили привезенные саженцы слив, груш, яблонь и грецких орехов.

С течением времени возникла нужда в постройке водяной мельницы, жернова для которой заранее были приобретены в городе. За летний период построены были и хранилища для овощей.

После Петрова дня братство стало вкушать ранние плоды своего урожая: огурцы, помидоры, молодой картофель, зеленые стручки фасоли и молодые початки кукурузы. С той поры не стало нужды в продовольственной помощи извне, за исключением соли, растительного и коровьего масла и кое-какой мелочи. Осенью сняли обильный урожай

капусты, засолили ее в объемистых кадках, изготовленных летом примитивным способом на деревянных обручах, засолили также огурцы и помидоры. Еще в середине лета молодые зеленые стручки фасоли, слегка отваривая, складывали также в кадки, приготавливая из них кавказскую туршу.

К концу осени прекратилась наконец эта непомерная спешка, издегавшая все нервы сообществу насельников, и распорядок дня вошел в нормальную колею, все стали посвящать сэкономленные минуты богослужению. И так спокойно потекли день за днем, месяц за месяцем...

На следующий год несколько расширили посевную площадь, устроив виноградник, потом завели несколько пчелосемей, найденных в дуплах деревьев, которые в результате заботливого ухода дали многоотводчатый пасечный приплод, так что в короткое время образовалась огромная пасека, приносящая в последующие годы большие материальные доходы братству. Медом стали рассчитываться за все общекратские издержки и траты, а также за наем лошадей. Часть меда увозили в город и там раздавали братьям и сестрам во Христе, вознаграждая их этим за постоянную помощь братству. Пчеловоды научились со временем извлекать из ульев большое количество воска, так что пустынная церковь с излишком снабжена была восковыми свечами, часть которых увозили даже в городской храм, где возжигали их от имени скитского братства.

И так эта мирная жизнь монашеской общины без малейших преткновений продолжалась более двенадцати лет.

Разгром братства на Псху

Во второй половине 30-х годов каким-то неведомым путем до правительства дошла сокровенная весть, что в одном из междугорий, в плодородной долине Псху недалеко

от Сухума, укрылось новоафонское монастырское братство и продолжает вести свою монашескую жизнь, как и в былые годы.

В летнюю пору в середине дня неожиданно-негаданно на Псху заявила экспедиционная группа численностью одиннадцать человек, откомандированная Народным комиссариатом внутренних дел. Все они были вооружены винтовками, ручными пулеметами и даже бомбометами, с ними были сыскная собака и три поводыря с навьюченными лошадьми. Оцепив место жительства насельников, они собрали их вместе и в тот же день этапом погнали в Сухум. Избежали этой участи лишь четыре человека, заготавливавшие в то время в лесу клепки для новых кадок.

Так сто четырнадцать монахов, взяв с собой продовольствие, какое смогли найти в ту пору дня, пошли в неизвестность, повинаясь требованиям конвоиров. Одолев перевал, на небольшой равнинке разожгли костры и провели там ночь.

Рано утром командир группы скомандовал:

— Пулеметчики, бомбометчики — к бою! — И те, взяв наизготовку оружие, впятером пошли впереди этапируемых, а шесть человек, в том числе и сам командир, сзади.

Арестованное братство медленно двигалось по косограм, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь в долину, по которой течет река Гумиста с ее притоками, временами останавливаясь на отдых.

Престарелый схимонах Матфей, выбившись из сил, еле-еле тащился среди идущих братьев. После каждого привала он обычно начинал идти впереди, но в течение часа его постепенно обгоняли один за другим все идущие, и наконец он оказывался самым последним. Тогда по необходимости делали привал, и после кратковременного отдыха он опять начинал идти в числе первых, но через ко-

роткий промежуток времени снова оказывался позади всех. Из-за этого за весь день было пройдено не более пятнадцати километров.

Найдя удобное низменное место, командир решил остановиться на ночлег. Снова разожгли костры, и все, кто сидя, кто лежа, разместились возле них. Конвоиры, сменяясь, по двое всю ночь сидели на карауле. Утром командир опять скомандовал:

— Пулеметчики, бомбометчики — к бою!

И все повторилось, как и в предыдущий день.

После ночного отдыха отец Матфей шел вроде бы бодро, не отставая от других, но, как только солнце начало пригревать, он опять поплелся в хвосте и, когда оказался самым последним, командир остановил этап на отдых.

После привала он, обратясь к отцу Матфею, сказал:

— А ну, старик, шагай один вперед!

И тот, поднявшись, пошел по тропе медленным шагом. Чуть только он несколько отдалился от сидевшей братии, командир, взяв винтовку, прицелился и выстрелил в него. Отец Матфей, споткнувшись, взмахнул руками и упал навзничь. Разрывная пуля, угодив ему в затылок, размозжила всю голову. Два конвоира поспешно подбежали к убитому, схватили его за ноги и волоком потащили вниз по склону.

Вся трава на косогоре, по которому волочили тело отца Матфея, обагрилась кровью. Невдалеке оказалась небольшая ложбинка, на краю которой был случайный навал каменной разной величины. Конвоиры, затащив тело в это естественное углубление, забросали его камнями. За пятнадцать-двадцать минут погребение было окончено, и этап немедленно двинулся в путь.

После этой изуверской расправы монахам стало понятно, для какой цели их ведут в город и что ожидает их в будущем.

Камера смертников

Еще дважды они останавливались на ночлег и только в середине пятого дня наконец прибыли в Сухум, к зданию управления милиции.

Там пригнанную толпу арестантов разделили пополам: одну часть в количестве пятидесяти шести человек сразу же отправили в Тбилиси, а вторую — пятьдесят семь человек — посадили на пароход и увезли в Новороссийск.

По прибытии в порт их посадили в кузова подъехавших грузовиков и привезли в тюремный двор, где на каждого стали заполнять личное дело, указывая фамилию, имя, отчество, место и год рождения; затем в отдельную графу вносили внешние приметы: рост, сложение, цвет волос; каждого обнажали до пояса с целью выявления каких-либо отличительных признаков на теле: родинок, шрамов, может быть татуировок, то есть наколок, какие обычно бывают у воров-рецидивистов. Все эти особенности записывались на случай побега из тюрьмы, чтобы опознать личность бежавшего, даже если он скроет себя под вымышленной фамилией. Затем у арестованных сняли отпечатки пальцев и каждого сфотографировали.

После этого дежурный по корпусу завел всех в коридор тюрьмы и сказал стоявшему там ключнику:

— Размести их по смертным камерам.

Ключник привел всю толпу во второй не особенно длинный коридор, где виднелся ряд дверей, и, отворяя их одну за другой, впускал в каждую камеру по несколько человек, пока не разместил всех. Дежурный по корпусу стоял тут же, внимательно наблюдая за происходившим разводом.

Внутренний вид камер наводил ужас на всякого входящего туда. Прежде всего бросалась в глаза затемненность окон, в проемах которых было установлено по четыре ряда толстых решеток, закрепленных длинными шпиглями. Сна-

ружи на окна были навешены наклонные козырьки-ставни, нижняя часть которых несколько не доходила до подоконников, чтобы можно было раскрыть створки рам для проверки камер. Верхняя же часть ставней позволяла свету через неширокие отверстия проникать в помещение.

По всему полу камеры, поперек настила из досок на расстоянии двадцати пяти — тридцати сантиметров одна от другой, лежали толстые ленты из шинового железа шириной в четыре с половиной сантиметра, прибитые шпиглями к полу. Такими же железными полосами по бдительной предусмотрительности начальника тюрьмы, расчерчен был и весь потолок. Туалетный бачок, стоявший в углу около двери, железной дужкой был притиснут к стене и закрыт на замок.

Братьев-монахов развели по камерам во второй половине дня. С удивлением они увидели, что все находившиеся в камерах арестанты спали крепким сном. На двойных нарах едва хватило места, где можно было бы лечь вновь пришедшим. Через какое-то время спавшие один за другим стали просыпаться. Они сидели молча, с потупленными глазами, никто из них не поинтересовался у вновь пришедших, кто они и за какое преступление водворены в камеру смертников. И так все молча сидели до конца дня.

Вечером открылось раздаточное оконце, устроенное в середине двери на высоте примерно полутора метров от пола, и через него стали подавать из коридора миски, наполненные баландой из ячневой крупы-сечки без малейшего признака содержания жиров. После ужина все опять легли на свои места в молчаливой задумчивости, каждый был удручен ожидаемой участью.

С наступлением темноты в коридорах зазвонили электрические звонки, их резкий звук слышен был по всем камерам — они возвещали о времени поверки. Через некоторое время дежурные поочередно стали заходить во все

камеры и проверять их исправность. Прежде всего тщательно осматривали решетки, затем пол, после этого сгояняли в одну сторону камеры всех находившихся там людей и по картотекам производили переключку, называя только фамилию, а каждый из окликаемых, отзываясь, называл свое имя, отчество, номер статьи уголовного кодекса, по которой был осужден, и поспешно переходил на другую сторону камеры.

По окончании поверки звонки возвестили о времени отбоя, после которого смолкли разговоры и прекратилось хождение внутри камер — все должны были ложиться спать.

Но в смертных камерах наступало время неусыпного бдения в течение всей ночи, потому что смертники находились в непрестанном боязливом ожидании той неведомой минуты, когда откроется застекленное отверстие в двери — волчок, через который наблюдают за обреченными, после чего тихо отворится дверь камеры и кого-то вызовут в коридор.

Перед полуночью все бывали особенно встревожены. Два человека посменно через каждый час или полтора становились на колени возле порога и, приложившись ухом к нижней части двери, прислушивались к тому, что происходило в коридоре. Остальные же, сидя бок о бок на краю нижних нар, не отрывали взора от прикивших к двери наблюдателей... Все непрерывно курили папиросу за папиросой, бросая окурки под ноги, вследствие чего к утру весь пол был покрыт сплошной белой массой папиросных гильз.

В камере, куда водворили нас, шесть братьев-монахов, находилось двадцать уголовных преступников, приговоренных к расстрелу за различные тяжкие преступления, в частности за бандитизм и за убийства, совершенные с особой жестокостью. Были там и заведующие складами, приговоренные к расстрелу за крупные растраты; и политические преступники, присужденные спецколлегиями к “выс-

шей мере социальной защиты" за шпионаж, за принародное разглашение государственных тайн, за попытку забраться на иностранное судно; были также обвиненные за вредительство и прочее, и прочее.

В первую ночь нашего пребывания в камере не случилось никаких происшествий, но мы тоже всю ночь не спали, охваченные общим психозом, за исключением одного лишь схимонаха Парфения, душевное состояние которого ни на йоту не было потрясено тем обстоятельством, что его ни за что ни про что без суда и следствия водворили в камеру смертников. Он, будучи на положении заживо погребенного, чувствовал себя абсолютно спокойно, его сердце не тревожило это общее напряжение, каким преисполнены были все находившиеся там. Вечером он долго молился, потом немного поспал, затем, проснувшись, исполнил правило полунощницы, после чего молча сидел на нарах, занимаясь, по всей вероятности, Иисусовой молитвой, тогда как остальные пятеро монахов, и особенно я, малодушный, не только что не совершали должное молитвенное правило, а даже забыли призвать в помощь себе имя Божие или Пресвятой Богородицы.

Всю ночь я был обуреваем одними и теми же недоуменными помыслами, я просто терялся в догадках: на основании чего и за какую именно вину нас сразу же всех до единого разместили по смертным камерам? Ведь мы не совершили никакого преступления и никаких нарушений законов, установленных властью... Мы вели мироотреченную жизнь в соответствии с монашеским обетом, который обязывал нас к уединению ради внимательного бытия, при котором несомненно яснее предоставлялась возможность к самопознанию, вследствие которого доброхотно усиливались подвиги наших покаянных трудов при нравственном самовоспитании. В пустыни нам было удобнее достигать духовного приближения к Богу. Поэтому мы отстранились

от всего, что препятствовало этому приближению. И я никак не мог понять, в чем же именно исполнительные органы власти усмотрели погрешность в образе нашего бытия.

Разговоры отца Парфения

В течение следующего дня, когда выспавшиеся обреченники сидели молча на нарах, отец Парфений, приметив одного человека с интеллигентным лицом, подсел к нему и обратился с вопросом:

— За какую вину, любезный, приговорили тебя к расстрелу?

Тот не особенно охотно, но все-таки стал ему рассказывать:

— Я исполнял должность заведующего элеватором. В минувшем году из управления области было разослано указание совершить уборку урожая хлебов в сжатые сроки. Ради этого они пустили на поля комбайны намного раньше должного времени, зерно было еще недозревшим. Я принял его, не зная об этом, вследствие чего на элеваторе завелся клещ, за что меня и моих сотрудников в числе трех человек обвинили во вредительстве и приговорили к расстрелу. По сегодняшней день не могу равнодушно вспоминать о возмутительно наглom поступке. В зал суда, где спецколлегия при закрытых дверях производила разбор нашего дела, были приглашены от многих организаций города одни лишь члены партии. Когда по окончании суда нам зачитали смертный приговор, они все как один устроили бурную овацию, выражая этим свою солидарность необоснованному приговору. Это ли не безумие, какого нельзя себе представить?!

После разговора с заведующим элеватором отец Парфений подсел к молодому парню, сидевшему в молчаливой задумчивости на краю нар, и обратился с вопросом:

— А тебя за что, молодой человек, приговорили к расстрелу?

Тот тихо стал говорить:

— В минувшую весну я решил ограбить одну квартиру в многоэтажном доме. Выследив момент, когда хозяин квартиры ушел на работу, я подошел к двери и, постучав в нее, сказал: “Вам телеграмма”. Хозяйка открыла дверь. Быстро войдя в комнату, я оттолкнул хозяйку в сторону и закрыл дверь на крючок. Она, видя это, догадалась, что я ее обманул, и громко закричала. Вытащив из-под пальто привешенный в потайном кармане маленький топорик, я, размахнувшись, ударил ее обухом по голове — хозяйка, вскрикнув, упала. Кровь ручейком потекла по полу от двери к противоположной стене. Бывшая в комнате маленькая дочь, увидев кровь и лежащую без движения мать, тоже стала от испуга громко кричать и плакать — волей-неволей пришлось убить и ее. В квартире я нашел лишь несколько облигаций и, взяв их, поспешно удалился. Через продолжительное время я решил проверить облигации, для чего пришел в сберкассу и отдал их контролерше. Она, посмотрев номера по имевшейся у нее таблице, отложила облигации в сторону и на несколько минут вышла куда-то из служебного кабинета, затем вернулась, неся в руке еще несколько таблиц и, сев за стол, продолжала искать номера, а я стоял в ожидании. Вдруг в помещение сберкассы вошли два милиционера и, подойдя ко мне, взяли меня за руки и защелкнули на них браслеты наручников. Оказывается, номера облигаций были записаны их владельцем на листке бумаги, по которому он и сверялся относительно выигрыша, принося листок в сберкассу. Милиция, переписав эти номера, сразу же поставила об этом в известность все сберегательные кассы. И вот контролерша, распознав разыскиваемые облигации, вышла из кабинета и позвонила по телефону в милицию, а чтобы

задержать меня на время в помещении сберкассы, принесла с собой старые таблицы тиражей, делая вид, будто бы продолжает искать номера.

— Какого ты возраста? — осведомился у него отец Парфений.

— Да мне только еще семнадцать лет, — ответил парень.

— Можно надеяться, что твой смертный приговор отменит кассационная коллегия Верховного суда с заменой его на десятилетнее лишение свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере. Я заключаю об этом на основании личной убежденности, потому что в давно минувшие годы мне пришлось долгое время быть судебным заседателем и с подобными явлениями встречаться несколько раз.

После этих слов парень несколько ободрился.

Ночи в камере смертников

Время шло медленно, но вот наконец-то на подоконнике показался луч солнца, проглянувший на несколько минут с высоты небес через узкое пространство верха ставней, и арестанты поняли, что настала обеденная пора. В коридоре тюремный повар загремел железным черпаком и пустыми мисками. Вскоре открылось раздаточное оконце и в нашу камеру и началась раздача баланды, сваренной из ячменной сечки. Пайки хлеба весом по шестьсот грамм раздавались вместе с маленькой кружечкой чая еще утром, и изголодавшиеся люди съедали его за один раз. Во времени обеда ни у кого уже не оставалось ни единой крошки хлеба, и поэтому порцион баланды просто-напросто выпивался из мисок в течение минуты. На этом процедура раздачи, длившаяся не более пятнадцати-двадцати минут, закончилась.

После принятия пищи все легли на свои места в ожидании вечернего времени, и, когда наступило время ужина, произошла такая же история с получением порциона ячменной баланды и быстрым опоражнением мисок через край без употребления ложек.

Но вот приблизилось время вечерней поверки, после проведения ее зазвенел звонок, извещающий о времени отбоя, а смертникам возвещающий о приближающихся муках беспрепятственной нервной напряженности в ожидании смерти, потому что над каждым из них невидимо висел дамоклов меч, и в эти часы многим приходила на ум одна и та же мысль, что, может быть, сегодня почтальон спецсвязи вручил начальнику тюрьмы письмо под сургучной печатью из Московской кассационной коллегии Верховного суда, где пишущей машинкой на листке бумаги напечатаны касающиеся лично его убийственные слова: "Кассационная коллегия нашла нужным приговор утвердить". И в эту приближающуюся ночь, как только часовая стрелка покажет полночь, должны будут исполниться над ним страшные роковые слова: "Приговор приведен в исполнение".

Вскоре после отбоя в камере опять началось посменное дежурство возле порога: два человека, как и в прошлую ночь, прикинув ухом к двери, прислушивались ко всяким звукам, возникающим в коридоре, все же остальные заключенные, участвуя в общем страдании, с настороженностью взирали на своих наблюдателей и курили папиросу за папиросой.

Хотя была летняя пора, но исполнители расстрелов, заходя в коридор тюремного корпуса, специально надевали валенки, чтобы бесшумно подходить к камерам смертников, и потому приход их не был слышен изнутри. Пора расстрелов начиналась с полуночи и заканчивалась в четыре часа утра. Все смертники, зная об этом, особенно напряжены были в эти тревожные часы.

Вдруг оба подслушивателя враз отпрянули от порога и прошептали страшные для всех слова: "Принесли носилки". Все оцепенели и устремили взоры на волчок.

Вдруг из коридора послышался душераздирающий вопль и сразу же смолк. Всем стало понятно, что из противоположной камеры кого-то взяли на расстрел, и этот человек, не помня себя, закричал было от ужаса, но пришедшие за ним неумолимые исполнители приговора навалились на него и втолкнули ему в рот специально сделанное резиновое устройство, называемое лягушкой.

После этого подслушиватели снова прижались к двери и шепотом стали осведомлять всех о совершающихся в коридоре событиях:

— Затворили камеру... Уложили его на носилки... Наверное, привязывают к ним веревками... Понесли...

Прошло не более тридцати минут, как наблюдатели опять отпрянули от порога, прошептав:

— Снова принесли носилки!

Потянулись долгие, томительные минуты... Один из подслушивателей нерешительно приблизился к двери и через две-три секунды шепнул:

— Кого-то вывели из соседней камеры.

После этого сообщения все с облегчением вздохнули и даже с некоторым оживлением стали тихо перешептываться, на какое-то время забыв о двери.

Вдруг неожиданно открылся волчок, а следом и дверь. Все увидели стоявшие в коридоре носилки и трех человек из вольнонаемного персонала тюремных работников: ответственного дежурного и охранников.

В течение десяти-пятнадцати секунд общего молчания дежурный обвел суровым взглядом всех находившихся в камере. У каждого перехватило дыхание и на лицах отобразился испуг. Дежурный медленно и тихо проговорил по слогам:

— Со-мы-лин.

Заведующий элеватором, сидевший в оцепенении на нарах, вдруг содрогнулся всем телом, как будто его ударили по спине каким-то тяжелым предметом, и так при этом громко вскрикнул, что все, бывшие в камере, невольно вздрогнули. Двое охранников, моментально вбежав в камеру, схватили его один за одну руку, другой за другую и завернули их назад, при этом он вскрикнул опять, но не так громко, как в первый раз. Глаза у него вылезли из орбит, он, бессознательно протестуя, крикнул еще раз, но дежурный, подскочив, втолкнул ему в рот резиновую лягушку, затем защелкнул на завернутых за спину руках браслеты наручников. Сомылин, желая воспротивиться своим недругам, опустил на пол и стал отбиваться от них ногами, но охранники, подхватив его под мышки, волоком утащили в коридор, после чего дверь тихо затворилась и щелкнул замок.

Многие из очевидцев этой сцены дрожали всем телом и стучали зубами, как после сильного озноба, не имея сил овладеть собою. После этого до самого утра все сидели не шелохнувшись. Наконец раздался звонок, известивший всех о наступлении утра, а в камерах смертников вселяющий покой успокоение от тягостей ночных душевных мук.

В коридоре послышались быстрые шаги хлебореза, разносившего ящики с пайками хлеба. Открылось раздаточное оконце, и через него стали подавать нарезанные крохи вместе с кружечками чая.

После завтрака страдальцы, как и обычно, легли спать, бодрствовал один лишь отец Парфений. Вечером минувшего дня он ненадолго уснул, потом сел на нарах и молча совершил свое молитвенное правило. Закончив правило перед полуночью, он сидел в молчаливой задумчивости, глядя на происходившие события до времени подъема. После завтрака, когда все уснули, он молча совершил утреннее правило и, несколько помедлив, разбудил своих братьев-монахов, а когда они поднялись, предложил:

— Давайте, возлюбленные, совершим чин исповеди. Неровен час, может быть, в следующую ночь кого-то из нас уведут на расстрел и он должен будет умереть без покаяния.

Вспомнив об этом душеспасительном таинстве, братья сперва молча помолились, прочитав по памяти известные им молитвы, какие только знали, после чего стали исповедовать один другому все свои сокровенные помыслы, какие только могли припомнить за истекший период времени. Когда кающийся заканчивал свою исповедь, слушавший его, обратясь лицом к окну, говорил:

— Господи, прости брату все его согрешения вольные и невольные, словом, делом, помышлением совершенные, и святыми молитвами его прости и меня, грешного.

После этого сам начинал исповедоваться брату о всех своих сокровенных помыслах и грехах, и по окончании исповеди слушавший его брат читал над ним такую же молитву, прося ему у Господа разрешения всех исповеданных согрешений. После исповеди все прочитали 50-й псалом, затем Символ веры и “Достойно есть...”, после этого каждый, поочередно кланяясь в ноги каждому брату, просил прощения во всем. Затем братья опять легли спать, отец же Парфений продолжал сидеть на краю нар.

Утром после подъема надзиратель-ключник, поочередно раскрывая одну за другой двери общих камер, выпускал арестантов на оправку в туалет, где имелся и умывальник. После оправки и завтрака он опять поочередно выпускал заключенных из камер на прогулку в тюремный двор, где для этого было отгорожено высоким забором специальное место, и они один за другим ходили возле забора вкруговую в течение тридцати минут.

Из камер же смертников не выпускали ни одного человека ни на оправку, ни на прогулку. К ним приходили уборщики из тюремной обслуги, жившие на территории тюремного двора, они выносили бачки с туалетной скверной и,

ополоснув их, наполняли водой и заносили в камеры, а там уже арестанты сами поочередно каждое утро производили уборку, выметали окурки и тщательно мыли пол.

И в то утро в камеру принесли бачок, наполненный водой, и отец Парфений, не желая никого будить, вымыл пол вне своей очереди, после чего сидел, занимаясь Иисусовой молитвой.

Перед полуднем в камеру водворили какого-то молодого паренька. Он, переступив порог, стал осматриваться и, увидев сидящего на нарах отца Парфения, спросил его:

— Батя, есть ли тут свободное местечко на нарах, где ночью можно было бы лечь спать?

Отец Парфений указал ему пальцем на свободное место, где раньше спал Сомылин, но прибавил, что ночью здесь никто не спит. Парень с удивлением спросил:

— А почему?

— Когда настанет ночь, сам в этом убедишься, — ответил отец Парфений и спросил его:

— За какую ж вину тебя, молодой паренек, приговорили к расстрелу?

Тот, усевшись возле отца Парфения, вполголоса стал рассказывать.

В конце минувшей весны они, три родных брата, решили “вымолотить одну работу с мокрухой”. Этот блатной жаргон в переводе на обыкновенную речь означает ограбить дом с убийством. Придя туда в глухую полночь, вынули из рамы одно стеклышко, просунув руку, отомкнули шпингалеты, растворили окно и забрались внутрь. Хозяин, проснувшись, хотел было обороняться, но один из братьев ударил его по голове железным гвоздодером, и тот упал на пол. Хозяйка же, успев раскрыть окно в спальне, выпрыгнула на улицу и громко закричала. Братья через входную дверь поспешно выскочили из дома. По соседству с ними жил милиционер. Услышав крик, он выбежал из

своей квартиры и, увидев грабителей при свете горящих на дворе электролампочек, крикнул: “Стоять!” Но никто не подумал остановиться. Тогда он выстрелил из нагана и убил старшего брата, другие же двое сумели скрыться.

Боясь выдать себя, грабители никому не говорили об убитом брате и даже не стали разыскивать его тело, хотя мать постоянно посылала их в город на поиски. Но они обманывали ее, говоря, что справлялись во всех больницах и моргах. Так он и считался без вести пропавшим.

Через некоторое время два брата смогли увидеть в лицо милиционера — своего врага — и стали его выслеживать. Он же, не догадываясь об этом и не зная их, ходил не остерегаясь. В одну из ночей, повстречав его на одной из темных улиц возле какого-то недостроенного дома, они напали на него сзади. Брат ударил его по голове железным гвоздодером, милиционер упал, тогда оба навалились на него, он хотел было крикнуть, но молодой успел заткнуть ему рот тряпкой и стал наносить глубокие ножевые раны. Затем они заволокли его в подвал недостроенного дома, обыскали, но при нем не оказалось ни оружия, ни денег. Напоследок молодой отрезал ему ножом нос и уши.

Когда бандиты уходили, милиционер вдруг очнулся, вытащил тряпку изо рта и так громко закричал, что убийцы от неожиданности оторопели и бросились бежать. Молодой где-то второпях обронил свой нож, а брат, не придав этому значения, оставил там свой гвоздодер. Прибежавшие на крик люди вызвали скорую медицинскую помощь и милицию. Милиционера увезли в амбулаторию, где он и “дубаря врезал”. Милиция, тщательно обследовав место, где было совершено нападение, обнаружила гвоздодер и нож. Была произведена дактилоскопическая экспертиза, и оба брата, имевшие уже по два привода в милицию, были уличены в убийстве. Молодого парня, как главного совершителя убийства с особой жестокостью, суд приговорил к

“высшей мере социальной защиты” (расстрелу), а его брата — к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере.

— Но я не боюсь, меня не расстреляют, — с уверенностью сказал парень, — потому что я несовершеннолетний, мне всего-навсего семнадцать лет.

Отец Парфений ничего не ответил ему на высказанную обнадеженность.

После того как выпавшиеся арестанты по одному стали подниматься со своих мест и молча садились на краю нар, отец Парфений подсел к человеку интеллигентной внешности и задал интересующий его вопрос:

— За какую ж вину, любезный, приговорили тебя к расстрелу?

— В давние годы, когда я был еще студентом, сумел в институте организовать вокруг себя небольшой кружок единомышленников с критическими воззрениями, и мы составили из себя мизерную партию под названием ПИК, что означало Партия интересов крестьянства. Время от времени собираясь вместе, мы выступали с докладами по поводу шумных событий, происходивших в стране, и высказывали свои несогласия по тем или иным мероприятиям нашего правителя Иосифа Сталина. Но, надо сказать, что все это было только лишь мимолетным юношеским увлечением. По окончании же курса обучения все мы разъехались по разным городам страны и наши связи постепенно ослабели. Время от времени мы писали друг другу письма, но и то лишь по долгу бывшего товарищества. С течением времени все мы обзавелись семьями, явились супружеские заботы, сделавшиеся тормозом в нашей деятельности, которая к тому времени из-за всевозможных препятствий приходила уже в затухание, а впоследствии и вообще угасла, и мы прервали всякие сношения и даже потеряли из виду один другого. Но, удивительное явление! В нынешний год органы НКВД разыскали всех членов нашего бывшего

кружка и привлекли к судебной ответственности за причастность к партии ПИК, которой давным-давно уже не существовало. Всех до единого подвергли аресту, произвели следствие, после чего всех осудили на десятилетний срок заключения в исправительно-трудовом лагере, ну, а меня, как организатора этого кружка, приговорили к расстрелу.

С другой стороны от этого интеллигентного человека на нарах сидел мужик-простолудин крупной комплекции и заурядного внешнего вида. Отец Парфений, обратив на него свое внимание, спросил:

— А тебя за что же суд приговорил к расстрелу?

— Да меня без суда втокнули в камеру смертников, — ответил тот и с возмущением стал говорить:

— Всех подсудимых обычно содержат сперва в камерах предварительного заключения, пока ведется следствие относительно совершенного преступления, и по окончании следствия отправляют в тюрьму, где они содержатся в общих камерах до судебного разбирательства их дела. А когда суд вынесет смертный приговор, тогда осужденных водворяют в смертную камеру до времени, пока приговор суда вместе со следственным делом отсылается на утверждение в Московскую коллегия Верховного суда, которая производит повторное разбирательство дела и выносит окончательное решение: либо утвердить приговор местного суда, либо отменить. Мне же не было ни того, ни другого, то есть ни следствия, ни суда.

— Но все-таки что же послужило поводом к твоему аресту? — допытывался отец Парфений.

— В нынешнюю весну, — сказал мужик, — я долгое время ожидал очереди, когда мне должны были дать из колхоза лошадь для вспахивания моего огорода, и так, не чая конца этому ожиданию, махнул на все рукой. Сам я кузнец, ну вот взял да и сковал себе маленький плужок. И этим плужком мы с женой начали вспахивать огород: я вместо

лошади тянул, а она направляла его, держась за ручки. В нашу станицу по какому-то делу приехал из города прокурор и, увидев случайно, что мы с женой на себе вспахиваем огород, подойдя к нам, сказал: "Вот если какой-нибудь шпион, увидев эту вашу затею, сфотографирует вас и потом этот снимок появится в каком-нибудь иностранном журнале, так над этим смеяться будет весь мир, скажут что в СССР пашут на людях, и в этом выразится поклеп на всю страну". Тут же он арестовал меня и произвел обыск в нашем доме. При обыске обнаружилась запретная книга под названием "Протоколы сионских мудрецов"...

— О, вот в этом-то и вся суть, — сказал ему отец Парфений, — потому что этими протоколами изобличается все зверство большевистского террора.

Мужик ничего не ответил на это, так как только сейчас уяснил ошеломившую его истинную причину своего пребывания в камере смертников.

Наступивший день, так же как и прошедший, с обыкновенной медлительностью совершал свое течение постепенно, час за часом, и так приблизилось время обеденной поры с ее обычной очередностью получения баланды, сваренной из ячменной крупы-сечки без малейшего признака каких-либо жиров, и быстрым опорожнением мисок при выпивании содержимого через край, затем с такой же медлительностью приблизилась пора ужина, и через некоторое время звонок известил о часе общетюремной поверки, и, наконец, отбой.

Несколько повременив, дверные наблюдатели приступили к своему дежурству возле порога, а остальные, сидя на нарах, пребывали в общекамерной настороженности и с трепетанием сердец переживали это мучительное время от полуночи до четырех часов утра — период, когда каждому из них могла внезапно явиться смерть.

В этой юдоли плача и сетования никогда не было ни смеха, ни шуток, ни гнилых слов, ни громких разговоров.

Там царил общая угнетенность духа, приключаящаяся при неотступной памяти смертной, заставляющей трепетать все фибры души при осознании факта приближающейся кончины, когда вот-вот остановится чье-то дыхание и прекратится биение сердца...

Через довольно продолжительное время после полуночи подслушиватели вдруг резко отстранились от двери, прошептав: "Пришли". Все сидящие замерли. Кого-то из них должны вызвать на расстрел, и чья-то жизнь должна оборваться вот в этот час глухой, непроглядной ночи в каком-то никому из них не известном месте...

Открылся волчок, через пятнадцать—двадцать секунд после этого тихо раскрылась дверь, в камеру вошли ответственный дежурный и два охранника. Подойдя к одному из арестантов, дежурный спросил:

— Как твоя фамилия?

Тот назвал ее. Затем спросил сидящего рядом с ним:

— А твоя как?

Тот также назвал свою фамилию. Тогда дежурный кивнул головой охранникам, те, подойдя к спрошенному, завернули ему руки назад, дежурный надел на них наручники и сказал:

— А ну, идем!

Неожиданно скованный человек, растерявшись, не произнес ни единого звука, так его вывели за дверь, и все смолкло.

По всей вероятности, исполнители расстрела применили новый метод: дежурный, прежде внимательно присмотревшись к человеку, обреченному на смерть, во время общетюремной поверки и запомнив его лицо, теперь, не называя фамилии, сразу ошеломил его внезапностью, и все обошлось тихо, без шума.

Через тридцать-сорок минут дверь снова открылась, дежурный и охранники опять вошли в камеру и, подойдя к то-

му человеку, что прежде первым назвал свою фамилию, увели его, используя момент неожиданности, так же спокойно, как и первого.

Все оставшиеся в камере, застыв, сидели на краю нар до того времени, пока зазвеневший звонок не известил о времени подъема. После звонка все успокоенно зашевелились, не произнося при этом ни единого слова.

Прошло время завтрака, после которого уборщики принесли в камеру бачок с водой для мытья пола. Один из арестантов сказал находившемуся возле него молодому парню:

— Сегодня твоя очередь мыть пол.

Тот ответил:

— Я пол мыть не буду.

— То есть как это так — не буду? — в недоумении спросил тот.

— Да так, не буду, да и все тут! — принципиальным тоном ответил парень.

— Ну, а с какой же это стати? — настойчиво допытывался спрашивающий.

— Я вор, и мне работать не положено.

— А кто ж вместо тебя будет пол мыть, я что ли?

— Да, ты, потому что — фраер, а потому и должен производить всякую грязную и низкую работу, — ответил парень высокомерным тоном.

Отец Парфений, желая прекратить их препирательство, сказал:

— Я за него вымою пол, — и, взяв веник, вымел валяющиеся окурки, затем стал мыть пол.

Закончив это дело, он сел на нары и стал молча, как и всегда, совершать свое утреннее правило. Через некоторое время один из спавших проснулся и, спустившись с верхних нар, подошел к нему и сказал:

— Отец, я сейчас видел какой-то необыкновенный сон. Как будто бы летел на высоте по воздуху и потом призем-

лился на каком-то обширном поле, где все цвело и зеленело, притом слышал издалека звон церковного колокола.

Отец Парфений ответил:

— Тебе вроде бы должно быть какое-то известие издалека и перемена жизни, притом ты должен куда-то полететь, вернее, поехать.

— Вот уже полтора месяца томлюсь в этой камере, ожидая московского решения относительно своего дела, — вздохнув, сказал арестованный, — и нет никакой надежды на отмену приговора.

— А за что ж тебя приговорили к расстрелу-то? — спросил отец Парфений.

— Да я был директором животноводческого совхоза, — отвечал тот. — В минувшем году у нас было не весьма благоприятное лето, а потому мы не смогли полностью обеспечить сеном имевшийся у нас скот, к тому же при многих безуспешных попытках не смогли приобрести его со стороны, вследствие чего в зимний период случился большой падеж скота. Вот за это нас обвинили во вредительстве и все руководство совхоза в числе трех человек приговорили к расстрелу. Соседний совхоз сумел выйти из затруднительного положения благодаря своей находчивости. У них были старые гуменники, построенные еще лет двадцать тому назад индивидуальными владельцами, накрыты они были толстым слоем соломы. И вот при недостатке корма работники раскрыли эти гуменники, почерневшую от времени солому порезали на солеморезках, потом пропарили ее кипятком, промыли и этой старой соломой, добавляя в нее немного соли, кормили всю зиму скотину и тем сохранили ее от падежа. Подобное могли бы сделать и мы, потому что у нас тоже были два старых гуменника, но нас никто не надоумил относительно этого благоразумного мероприятия, вследствие чего и постигло нас это великое горе.

Окончив свой рассказ, бывший директор опять полез на нары, желая еще немного поспать, но в это время надзиратель-ключник, открыв дверь выкрикнул его фамилию. Директор отозвался. Ключник сказал:

— Забери с собой все вещи и выйди на коридор.

Тот, взяв лежавшее на нарах пальто и маленький рюкзачок, вышел из камеры.

Впоследствии выяснились обстоятельства этого совхозного дела, закончившегося вполне благополучно. Оказалось, что жена одного из двух сотрудников директора была еврейка. После того как ее мужа приговорили к расстрелу, она, поспешно собравшись, уехала в Москву, сумела пробраться в Кремль, где жили ее близкие родственники-евреи, рассказала им о своей горе, и те стали хлопотать. В результате закулисных переговоров в судебных инстанциях этому делу сумели придать иной оборот, вследствие чего смертный приговор был отменен, статья Уголовного кодекса РСФСР за № 58, пункт 7 (вредительство) переклассифицирована на статью № 111 (халатность), и следственное дело возвратили на пересмотр. После нового судопроизводства их осудили на два года с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере. Но, учитывая проведенные ими в смертных камерах сорок шесть дней, засчитали это время в пропорции один день за тринадцать, приплюсовали сто восемьдесят дней предварительного следствия и в конечном счете выпустили их из зала суда на свободу. Так пророческий сон директора исполнился въяве. Если бы не расторопность женщины-еврейки, расстреляли бы их всех так же, как расстреляли заведующего элеватором вместе с его сотрудниками.

В тот же день отец Парфений, желая познакомиться с парнем, который признавал за собой некоторое достоинство и потому претендовал на привилегированное положение в камере, выделяя себя из круга обыкновенных людей, присев возле него, стал расспрашивать о совершенном им преступ-

лении, за которое он был приговорен к расстрелу. Тот вроде бы с неохотой, но все-таки высокомерным тоном, снисходительно и с кичливой медлительностью стал рассказывать:

— В минувшем году нас, трех воров (причем слово "воров" он проговорил со своеобразным произношением, делая ударение на первом слоге, желая этим отделить себя от мелких воров и воришек. — *м. М.*), зачислили рабочими на стройку одного многоэтажного дома.

— И по какой же специальности? — желая уточнить существо дела, оживленно спросил его отец Парфений.

— Да ни по какой, — с гордой грубостью ответил парень и потом, как бы поясняя, добавил: — Мы, воры, люди свободной профессии, наше дело — воровать, грабить и играть в карты, а не мантулить, подпрягшись в одно ярмо с дурными фраерами. Бригадир был наш человек, он производил на нас списание работ за счет выполненных всеми остальными строителями, а мы ежемесячно полностью отдавали ему начисляемую нам зарплату. И так это продолжалось более года. Но вот недавно прораб, желая с точностью уяснить количество рабочих, занятых на стройке, сумел дознаться, что нас никогда не бывает на производстве, уличил в этом бригадира и вознамерился отстранить его от руководства бригадой. Из-за этого нас постигло бы краховое обстоятельство. И вот, чтобы спасти свое положение и избавить бригадира от неминуемой беды, мы решили уничтожить прораба. Ночью сели играть в карты. Первоначально мазь (козырная карта) шла мне, и я обыграл обоих своих партнеров, но вот внезапно характер игры изменился, и мазь пошла сперва одному из них, а затем другому, и они отыграли у меня все деньги, вследствие чего я остался ни с чем. Но, ожидая, когда должна была опять пойти мне мазь и шанс склонился бы на мою сторону, я решился на крайность, метнув в банк условленную цену за отсечение головы прорабу, надеясь, что дождусь времени, когда пойдет наконец козырная карта и я смогу с успехом отыграться. Но, од-

нако, этого не получилось. В конце игры партнеры сказали: “Вот тебе три дня сроку, в течение которых ты должен принести сюда в мешке голову проигранного человека”.

В то же утро я положил топор в мешок и, придя с ним на стройку, целый день дожидался прихода на объект прораба, но он туда не пришел. На другой день я пришел к его квартире, находившейся на восьмом этаже, нажал кнопку звонка, жена его открыла дверь, я сказал: “Мне нужен прораб”. Она ответила: “Он только что уехал на техсклад”. Поехал туда и я, но его там не застал — сказали, что уехал на лесосклад. Приехал на лесосклад — и там его не оказалось. В общем, проездил весь день туда да сюда, не осуществив своего намерения.

Рано утром на третий день опять пришел к дому, где находилась его квартира, и стал ожидать прораба возле лифта, но он почему-то спустился вниз по лестнице вместе с тремя другими людьми, один из которых имел собственную автомашину. Они сели в нее и уехали. Желая узнать, куда он поехал, я снова поднялся в его квартиру и спросил у хозяйки, дома ли прораб? Она ответила: “Только что уехал на стройку”. Тогда я помчался туда же.

Приехав на объект, я увидел его там рассматривающего привезенные раковины для умывальников и ванны, а потом он пошел в дом и стал заходить в одну за другой комнаты первого этажа, проверяя качество отделки. Я спрятался за растворенной дверью и, когда он, выйдя из комнаты, проходил мимо, я, подскочив к нему сзади, ударил обухом по голове. Он, вскрикнув, упал. Тогда я одним взмахом топора отрубил ему голову, вынул из мешка пластиковую сумку и, взяв отрубленную голову за волосы, опустил ее туда, сумку положил в мешок и, оставив топор возле обезглавленного трупа, быстро пошел к выходу. За дверью я столкнулся с женщиной-крановщицей, разыскивающей прораба и спросившей, не видел ли я его где-нибудь. Не ответив на ее вопрос, я быстро пошел к шоссе.

Крановщица обратила внимание на мой мешок, из которого сочилась кровь, оставляя на тропинке кровавую полоску, — сумка оказалась дырявой. Не замечая этого, я быстро шел к шоссе, надеясь сесть в первое попавшееся такси, но оно мне не попадалось. Тогда я решил пойти к автобусной остановке. Крановщица же, зайдя в дом и увидев в одной из комнат обезглавленного прораба, подняла неистовый крик, на который сбежались все бывшие на стройке люди. Она рассказала им о случившемся, притом назвала мою фамилию и указала пальцем на меня, идущего с мешком по обочине дороги. Двое рабочих побежали вслед за мной, я побежал от них, но мешок с поклажей тяготил меня, и пришлось его бросить. Навстречу мне шел один из людей, работавший на той стройке. Рабочие стали кричать ему, чтобы он задержал меня. Тот удачно сделал мне подножку, когда я пробегал мимо, и я упал. Он насел на меня, но я, сбросив его с себя, хотел было вновь побежать, однако подоспевшие рабочие совместно осилили меня.

Вся беда была в том, что я не взял с собой нож, рассчитывая на удачный исход дела. С ним бы я, конечно, никогда не попался им в руки. Кто-то вызвал по телефону милицию, и подъехавшая черная автомашина доставила меня и мешок с отрубленной головой в отделение.

После произведенной экспертизы отказываться от улик было невозможно, а потому я признался в совершенном преступлении, и суд приговорил меня за убийство, совершенное с особой жестокостью, к “высшей мере социальной защиты”.

Прощенные и непрощаемые

Как-то раз после обеденной поры в камеру смертников вошел прокурор с начальником тюрьмы и каким-то с виду обыкновенным гражданским человеком, одетым в костюм

с галстуком. Прокурор, вынув из портфеля большой список, посмотрел в него и назвал фамилию молодого парнишки, который при грабеже квартиры убил женщину с ребенком. Тот откликнулся, произнес свое имя и отчество, притом встал. Затем прокурор назвал фамилию парнишки, изуверски зарезавшего милиционера. Тот откликнулся так же, как и первый. И наконец, прокурор назвал фамилию парня, отрубившего голову прорабу. Тот также встал, проговорив свое имя и отчество.

Гражданский человек несколько помолчал, глядя на этих парнишек, и стал говорить:

— Вы совершили тягчайшие преступления и в возмездие за них народный суд приговорил вас к расстрелу. Но великий вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин по своей отеческой заботливости о вас, молодых людях, совершивших те или иные злодеяния, несмотря на все это, дал вам частную амнистию, отменив ваши смертные приговоры. По своему великодушию он помиловал вас, простив ваши тяжкие уголовные преступления, но только при условии, что вы станете жить и трудиться в специально для вас организованной Болошевской коммуне. Осознайте же и оцените по достоинству это великое благо, что Иосиф Виссарионович, помиловав вас, подарил вам жизнь. И если бы не эта его щедродательность, то вас на этих днях не было бы уже в живых и о вашем бытие не осталось бы даже и помину.

И, сделав паузу, сосредоточенно добавил:

— Однако предупреждаю, что копии с ваших смертных приговоров будут храниться в спецчасти коммуны, и, если только вы не будете добросовестно трудиться, мы приведем эти приговоры в исполнение без всякой оговорки непосредственно там, в самой коммуне.

— Будем трудиться, будем! — заговорили в один голос все трое.

— С течением времени, — продолжал свою речь гражданский, — учитывая ваше поведение в стенах коммуны и добросовестное отношение к труду, вас восстановят во всех гражданских правах, и вы сделаетесь равноправными советскими людьми.

После окончания своих назидательных слов он спросил:

— Дошло ли это до вашего сознания и поняли ли вы все то, что я сказал вам?

— Поняли, поняли! — дружно ответили они.

Тогда гражданский, взмахнув рукой,скомандовал:

— Выходите из камеры!

Они вышли в коридор, за ними — пришедшие, и надзиратель-ключник затворил дверь.

Через несколько минут после их ухода организатор партии ПИК сказал:

— Вот производят уже третий набор в Болошевскую коммуну. Первый набор они делали по тюрьмам из мелких воришек, имевших малые сроки заключения — от года и до трех лет, думая, что те будут очень и очень благодарны за оказанную им учтивость и будут добросовестно работать наравне с прочими людьми. Однако воришки недолго думая на первых же порах своего житья в коммуне разбежались кто куда без зазрения совести, и гениальная идея высокоумников потерпела банкротство. Рассчитывая на великий успех в своей новаторской деятельности, умники ожидали бурной овации со стороны сочувствующих наблюдателей, следивших за их проповеднической миссией среди преступного мира. Но их бредовый эксперимент провалился. Однако фантазеры не охладели и, желая восстановить свой престиж, вознамерились повторить свою ослоумную выдумку и стали набирать заключенных, осужденных на длительные сроки заключения — от восьми до десяти лет. Через некоторое время разбежались и эти. Так вот теперь они упорно пытаются воссоздать коммуну уже из смертников и под

страхом расстрела их в случае, если те вздумают саботировать предлагаемые им коммунальные условия бытия.

После ухода трех освобожденных парней двое суток во всех смертных камерах прошли в относительном спокойствии, и у многих даже появилась мысль, а не будет ли и им какой-либо льготной уступки со стороны власти имущих, изменивших свою методику во внутренней политике? Но нет, в третью ночь увели на расстрел организатора партии ПИК, а через двое или трое суток — и мужика-простолюдина, у которого при обыске обнаружили запрещенную книгу “Протоколы сионских мудрецов”.

В следующие ночи, иногда через одну, иногда через две, все также одного за другим уводили из камеры людей, полных сил и здоровья, обреченных на расставание с жизнью в цветущие годы. Однако камера не становилась опустевшей — на место вычеркнутых из списка живых приходило пополнение. И так это колесо человекоубийни безостановочно вращалось и вращалось.

В один из последующих дней в камеру водворили человека средних лет. Он, войдя, крайне смутился, оказавшись в непривычном и темном помещении, и так стоял несколько минут в растерянности возле порога, не решаясь проходить дальше. Отец Парфений, сидевший на нарах недалеко от двери, сказал ему спокойным голосом:

— Проходи, проходи вперед, присаживайся возле меня, вот тут есть свободное местечко.

Тот нерешительно подошел и сел. Тогда отец Парфений спросил:

— За какую ж вину тебя приговорили к расстрелу?

Вновь пришедший смущенно стал рассказывать:

— Я был председателем колхоза. У нас на скотоферме имелись два племенных быка-производителя, причем один из них был несколько больше другого, и я даже не знал, что кто-то из колхозников, додумался дать им свои клички: того,

что был крупнее по виду, он назвал Сталин, а другого — Гитлер. Эти клички со временем самопроизвольно закрепились за быками, и кто-то из конторских служащих впоследствии так и записал их в ведомость поголовья скота. Все члены колхоза обычно с усмешкой говорили: “Ух, как Сталин бодает Гитлера, ух, как он гоняет!” Я по своей беспечности не обращал на это внимания, не придавал значения этой нелепости и не вникал также в суть ее оскорбительного смысла. Приехавшая из города ревизионная комиссия, просматривая ведомости, изобличила всех нас в факте таившегося в этих кличках политического преступления, составила соответствующий акт и передала его органам НКВД. Те тут же арестовали все правление колхоза и привлекли к судебной ответственности за дискредитацию вождя партии, истолковав по-своему всю историю безалаберного возникновения злополучных кличек. Нас назвали врагами народа, и спецколлегия вынесла нам смертный приговор.

В начале следующего дня, когда все были объаты крепким сном и только один отец Парфений, как и обычно, молча исполнял свое утреннее молитвенное правило, в камеру водворили нового арестанта-смертника. И он, очутившись внутри, смутился, когда обозрел взглядом этот мрачный каземат. Отец Парфений пригласил его присесть возле себя и обратился к нему со своим любимым вопросом: за какую вину его приговорили к расстрелу? Тот, с удивлением посмотрев на отца Парфения, недоуменно спросил:

— К расстрелу?

— Да, — сказал отец Парфений.

— Я ничего не знаю, — ответил тот.

— Ну за какую ж вину тебя арестовали-то? — допытывался отец Парфений.

— Я баптист по христианскому вероисповеданию, — ответил вновь пришедший. — Наша община недавно сумела нелегальным путем приобрести маленький типограф-

ский печатный станок. Для установки его мы сообща в ночное время вырыли под землей небольшое помещение, соорудили там подпольную типографию и стали выпускать для баптистских общин, находящихся в разных местах страны, карманное Евангелие. Там же, в подzemелье, делали переплет и затем рассылали эти Евангелия почтой в посыльных ящиках по разным направлениям во многие города, причем писали вымышленные обратные адреса, оберегая себя от обнаружения. Но получилась непредвиденная случайность: в нашем почтовом отделении при погрузке на автомашину грузчик уронил одну из этих посылок. Она лежала на самом верху и, упав на цементный пол, развалилась, а бывшие в ней Евангелия рассыпались. Заведующий почтой вызвал милицию, которая активно взялась за поиски типографии и, разумеется, вскоре обнаружила ее. Печатный станок конфисковали, а нас всех арестовали.

Слегка махнув рукой, отец Парфений сказал:

— Твоя участь такая же, как и моя. Теперь ты, как социально опасный элемент, ожидай из Москвы приговора спецсовещания тройки НКВД, а их приговор известен — это одно из двух: либо десять лет заключения в концлагере, либо расстрел.

Расстрел

В одну из очередных томительных ночей после знакомых уже оповещений: “Пришли... Увели... Опять пришли, но только к дальним камерам... К соседним... К противоположным...” — подслушиватели вдруг одновременно отстранились от двери, громко прошептав:

— Подошли к нашей камере!

Через две-три секунды открылся волчок, после чего дверь бесшумно растворилась, в камеру вошел дежурный

с двумя охранниками и, подойдя ко мне, стоявшему недалеко от двери, спросил:

— Как твоя фамилия?

Я ответил. Охранники сразу схватили меня за руки и завернули их за спину. При этом я настолько испугался, что потерял самообладание, у меня затряслись все поджилки, ноги в коленях как будто подломились, и наступило какое-то исступленное состояние. Через пятнадцать-двадцать секунд общего молчания, когда все обреченники с затаенным дыханием смотрели на очередное приготовление одного из них к экзекуции, дежурный защелкнул на моих руках браслеты наручников и сказал:

— А ну, выходи на коридор!

После этой команды я будто опамятовался, и ко мне вернулась способность рассуждать. Выйдя в коридор, я остановился, дежурный, обойдя меня, пошел впереди, сказав:

— Следуй за мной!

Я пошел, охранники шли сзади. Пройдя один коридор, дежурный повернул во второй и, пройдя его до конца, повернул еще в какой-то коротенький коридорчик. Подойдя к двери, открывающейся наружу, он вынул из кармана шинели ключ, отомкнул им внутренний замок, распахнул дверь и по невысокой лестнице спустился на землю. Я последовал за ним, но из-за скованных за спиной рук оступился, потерял равновесие и стал падать. Один из идущих сзади охранников поддержал меня. Сойдя со ступенек, я невольно обратил внимание на ярко горящие по тюремной территории электрические лампочки, так что все было видно, как днем. По углам высокого забора виднелись четыре сторожевые вышки с установленными на них прожекторами, освещавшими забор и линию запретной зоны, несколько отстраненную внутрь ограды и сплошь затянутую колючей проволокой. Меня повели по асфальтовой дорожке, затем мы повернули за угол корпуса и, пройдя несколько вдоль стены, остановились воз-

ле железной двери, прикрывавшей вход под здание корпуса тюрьмы. На эту дверь я обратил внимание еще в тот день, когда нас привезли на автомашине. Я долго присматривался к ней, желая понять, почему она железная, и заключил, что, стало быть, там нежилое помещение. На ней висел тогда большой замок, теперь же этого замка не было. При подходе к этому месту один охранник, отделившись, пошел, как видно, в канцелярию тюрьмы, которая отстояла от корпуса на расстоянии не более двадцати метров. Дежурный потянул за скобу двери, она с лязгом растворилась, затем повернул пристроенный с внутренней стороны дверной коробки выключатель, вдали зажглась огромная электролампа и осветила находившийся на большой глубине подземный коридор. Дежурный спустился по широким ступеням цементной лестницы, за ним последовал и я, поддерживаемый сзади идущим охранником. Очувтившись в этом нешироком низком коридоре, я, помнится, обратил внимание на то, что стены выложены из белого камня, а пол деревянный и чисто вымытый. Пройдя до конца коридора, дежурный нащупал на стенке другой выключатель, после чего зажглась вторая такого же размера электролампа, осветив в конце коридора небольшое четырехугольное подземное вместилище в виде комнаты (куда строго воспрещен был вход даже лицам из вольнонаемного штата тюремных работников). Моим глазам открылось ужасное зрелище, которое вряд ли может представить себе не побывавший в этом адском заклёпе. Возле одной из стенок этого потаенного вместилища лежала целая груда расстрелянных людей, набросанных один на другого головами туда и сюда, чтобы груда эта, как штабель, имела выровненную форму. Деревянный пол в этом специально сооруженном вертепе больше чем наполовину был залит кровью, уже сгустившейся за ночь. Люди, принявшие мученическую кончину, были исключительно из монашесствующих, это видно было по их одеянию — все они были об-

лачены в подрясники, но распознать, кто они, было невозможно, хотя лица некоторых были видны. Дело в том, что волосы на головах, усы и бороды у всех нас были острижены сразу же перед водворением в тюремные камеры, вследствие чего внешний облик у каждого изменился до неузнаваемости; к тому же лица у всех этих лежавших мертвецов были сплошь окровавлены.

Ни один художник не смог бы запечатлеть эту ужасающую картину, не увидев ее воочию! Кровь первых расстрелянных в полуночные часы и брошенных в первый ряд этого людского штабеля растекалась по полу. От убитых же после и брошенных вверх их кровь стекала на лежащих внизу, пропитывая всю их одежду, а расстрелянные еще позднее заливали своей кровью всех нижележащих... Свежая кровь, стекая на пол, наплывала на сгустившуюся прежде и сама постепенно затвердевала, растекаясь все дальше и дальше по полу... И так снова, и снова, и снова...

О Боже, Боже! что натворили эти служители зла — палачи 20-х и 30-х годов, уничтожавшие своих же, русских, людей!.. Ведь эти вольнонаемные работники, поступившие сюда на службу по добродетному согласию, были первоначально обыкновенными людьми, может быть даже и сострадательными, но постепенно на этом поприсе, ожесточаясь душой, превратились незаметно для самих себя в бесчувственных двуногих зверей с львиными сердцами.

Через десять-пятнадцать минут после того, как меня завели на эту человеческую бойню, пришел начальник тюрьмы, за ним спецврач, потом экзекутор, то есть совершитель расстрелов, и охранник, который ходил в канцелярию. Начальник, вынув из папки с бумагами какой-то листок, повелительно сказал мне:

— Становись к стенке! — и указал пальцем место, где пол не был еще залит кровью. Я встал туда. В голове моей закружился рой мыслей, обгоняя одна другую: “Сейчас...

вот сейчас, через пять-десять минут, надо мной совершится великое таинство, — таинство насильственной смерти. Пуля оборвет мою жизнь, тело, упавшее на пол, будет осмотрено спецврачом, после чего он даст указание охранникам, и они забросят его на самый верх этого трупного штабеля. Душа, отделившись от тела, будет находиться здесь же, и я увижу глазами души все то, что будет происходить после моего расстрела. Я буду все осознавать, слышать и видеть всех и все, меня же никто из присутствующих тут видеть не будет. Сейчас, вот сейчас, в эти минуты...”

Начальник, не спеша, стал внятно читать: “Именем Союза ССР закрытое спецсовещание тройки НКВД, заседающее в городе Москве, рассмотрев состав группового преступления, совершенного по согласованности многими единомышленниками, удалившимися в одно из междугорий Кавказа и не желающими по своей антисоциалистической настроенности принимать участие ни в одном из реорганизаторских начал нашего возрождающегося общества... Не желающими изменить своих воззрений, упорно цепляясь за свои фантастические догматы... Спецсовещание, обозрев в полноте всю совокупность правонарушений, совершенных ими при осознании всей их несовместимости относительно с существующими законоположениями социалистического государства, вынесло группировке монахов-отшельников соответствующее обвинительное заключение, что за антиобщественное ведение своего бытия с групповым удалением в безлюдную пустыню по названию Псху без дозволения на то от исполнительных органов власти, вследствие чего, уклонившись от гражданского долга социально-полезного труда... Эта группировка многие годы отлынивала от уплаты существующего сбора налогов при бесконтрольном землепользовании. Она не приносила при этом абсолютно никакой пользы государству. Укрывшиеся от надзора властей монахи-отшельники полностью попрали существующее законодательство отно-

сительно ограничений прав церкви. Находясь в отстранении от общества людей, правонарушители уклонились от воинского учета и надзора со стороны органов исполнительной власти. Рассматривая данный состав правонарушений как равновесный в мере своей преступности кампании гражданского неповиновения, спецсовещание, руководствуясь специальным по данному поводу указанием правительства за номером (таким-то), приговорило уроженца станицы (такой-то; при этом упоминались фамилия, имя, отчество и год рождения), как соучастника, входящего в состав этой социально опасной группировки, к высшей мере социальной защиты — расстрелу. Приговор окончателен и неизменяем”.

После зачитывания приговора наступило минутное молчание, во время которого экзекутор, расстегнув кобур, вынул наган и сказал мне:

— Повернись лицом к стенке.

После этих слов я, очнувшись от объявшего меня оцепенения, поспешно сказал, обратившись к начальнику:

— Это приговор не мне.

— То есть как не тебе? — возразил он.

— Да вот так, — сказал я, — потому что фамилия — моя, имя и отчество — мои, а год рождения не мой и станица не моя.

Начальник, внимательно посмотрев на меня и на фотографию, бывшую в личном деле, и убедившись в своей ошибке, сказал дежурному:

— А ну-ка сходи в канцелярию и принеси сюда личные дела смертников.

Тот поспешно ушел и через две-три минуты вернулся, неся в руках кипу бумаг в картонных корках. Начальник, пересмотрев, вытащил из числа их мое дело и спросил:

— Какого ты года рождения?

Я назвал.

— Какой станицы уроженец?

— Такой-то, — ответил я.

Он сверил данные, обозначенные в приговоре, с моим личным делом, потом, еще раз внимательно посмотрев на меня и на мою фотокарточку, сказал дежурному:

— Уведи его в камеру.

Дежурный, кивнув мне головой, проговорил:

— Иди на выход, — и пошел впереди меня по подземному коридору, а охранники — следом за мной.

Выйдя из подземелья, я почувствовал всем сокровенным существом души, что будто бы освободился от сатанинского узилища, где находился не полчаса, как это было в действительности, а долгое-предолгое время с тьмою нескончаемых тягостных переживаний, подобных адским мукам, которых невозможно выразить обыкновенным словом, со всеми происходившими в то время замираниями души перед наступающим моментом расставания с этой временной жизнью и переходом в нескончаемую вечность будущего загробного бытия, известного нам из весьма немногих и скудных рассказов, типа “Из области таинственного” или запечатленных на страницах церковной истории со слов людей, которые опытно познали это явление.

Конвоиры сопроводили меня в тюремный корпус, подвели к камере, в которой я находился прежде, дежурный раскрыл ключиком браслеты наручников и снял их с моих рук, надзиратель-ключник растворил дверь и впустил вовнутрь. Заходя в камеру, я невольно обратил внимание на подслушивателей, как видно только что отпрянувших от двери и с испуганными лицами сидевших вблизи на нарах. Но вот они увидели меня, и выражение их лиц переменилось на какую-то непонятную мне смущенность, да и все прочие сокамерники смотрели на меня изумленными глазами, как на воскресшего из мертвых, не решаясь тотчас же расспрашивать о подробностях небывалой за всю их бытность в смертной камере подобной чрезвычайности.

Подойдя к нарам, я, ни с кем не разговаривая, лег на свое место. Меня объяло состояние неизъяснимого словом радостопечалия, если только так можно выразить это чувство. Радость заключалась в том, что я остался пока в живых, но печаль подавляла это чувство, ибо тут же вставали вопросы: надолго ли? на сколько дней продлится еще время моей жизни? может быть, в наступающий день начальнику тюрьмы поступит новая бандероль из Москвы с пачкой аналогичных шаблонных приговоров, какой уже зачитывали мне? И в наступившую ночь меня опять поведут тем же путем, но только уже безвозвратно в это подземное адское вместилище, где опять будет лежать целый штабель уже из новых расстрелянных людей, набросанных головами туда и сюда, и пол опять будет залит кровью новых жертв, с которой, по всей вероятности, смешается и моя кровь...

После моего возвращения в камеру подслушиватели, опять приникшие ухом к двери, вскоре сообщили, что “за кем-то снова пришли” и что “кого-то вывели из соседней камеры”. Суть этого сообщения была понятна одному лишь мне: на расстрел — взамен меня — повели кого-то из наших братьев, однофамильного и одноименного мне члена нашей психинской общины.

Я лежал вниз лицом на нарах, не участвуя уже в общей напряженности ожидания. Для меня эти сообщения придверных подслушивателей были уже нестрашными в настоящую ночь, и страх этот отодвинулся почти на целые сутки, то есть до следующей полуночи.

Через некоторое время зазвонили подъем и по всем камерам возобновился обычный распорядок дня: в коридоре послышалась поспешная ходьба хлеборежа и поочередное раскрытие раздаточных оконцев в камерных дверях.

После завтрака все разлеглись на нары по своим местам и тотчас же уснули. Не спалось только мне, пережившему предсмертный ужас. В глазах у меня стояла вся последова-

тельность увиденных душераздирающих картин и приготовлений исполнителей приговора к очередному акту насильственной смерти, который должен был совершиться надо мною, но, однако, совершился над кем-то другим, миновав меня. Я лежал с закрытыми глазами, силясь заснуть, но сон отлетел от меня. После пережитого душевного потрясения я сделался абсолютно беспомощным, чувствуя во всех членах своего тела какое-то общее недомогание, и лежал без движения.

Так прошел день, за ним надвинулся вечер с его обыкновенной общетюремной поверкой, после которой звонки возвестили отбой. Придверные подслушиватели занялись своим обычным делом и через несколько минут сообщили:

— Подошли к нашей камере.

И действительно, отворилась дверь, вошли трое, и дежурный, подойдя к отцу Парфению, обратился к нему со своим обычным вопросом:

— Как твоя фамилия?

Отец Парфений, поспешно встав, ответил:

— Аксёнов. — И добавил: — Не надевайте мне наручники, потому что я спокойно пойду туда, куда вам нужно, я давным-давно ожидаю этого желанного часа.

Слова эти, произнесенные спокойным голосом, как видно, до крайности удивили и озадачили конвоиров, и они с полминуты в недоумении, без малейшего движения стояли возле него. Отец Парфений, нагнувшись, снял со своих ног сапоги и, обратившись лицом к смотрящим на него арестантам, сказал:

— Братцы, возьмите себе кто-нибудь эти мои яловые сапоги на кожаных подметках, они совсем почти еще новые, и мне жаль, что они сгниют в могиле вместе со мною.

— А сам в чем пойдешь? — с удивлением спросил дежурный.

— Э...э... — протяжно сказал отец Парфений, — до места казни я дойду в одних портянках, — и, обмотав пор-

тянками ноги, перевязал их какими-то завязочками, вынутыми из своего кармана. Потом, встав на колени, земно поклонился и, обратившись к братьям-монахам, сказал:

— Простите меня, любезные отцы и братья; может быть, когда-либо по неведению погрешил против кого-либо из вас или делом, или словом, или помышлением, а потому, не помня зла, помолитесь обо мне.

— Помолись о нас и ты, отец Парфений, когда будешь пред престолом Всевышнего, — ответили они, — чтобы и нам, как воинам Христовым, сподобиться с мужеством воспринять мученическую кончину.

После этого он, поднявшись с коленей, сказал, обратившись к дежурному:

— Ну все, идемте, — и вышел в коридор, а за ним — охранники и дежурный.

Дверь затворилась, все смолкло... Арестанты сидели не шелохнувшись. Я подумал с удивлением, с каким спокойствием ушел к месту казни этот духовный человек, не потеряв в себе даже ни на минуту присутствия духа, не упустив из виду побеспокоится даже о своих яловых сапогах на кожаных подметках. И сравнил свой вчерашний выход из камеры, при котором я затрясся всем телом, как самый обыкновенный плотской человек, забыв даже попросить прощения и святых молитв у остававшихся в камере братьев-монахов.

И вдруг меня объяло состояние интуиции, то есть мистическое чутье, и я стал, как наяву, представлять все происходившее невидимо для меня: вот отца Парфения вывели в длинный коридор, вот он спустился из корпуса на асфальтовую дорожку, далее все они завернули за угол здания и подошли к железной двери, дежурный отворил ее и включил свет в подземном коридоре; вот он спустился по ступеням цементной лестницы в коридор, обложенный белым камнем, потом его ввели в помещение человеческой бойни, еще свободное от трупов, потому что его первым завели туда в

наступившую ночь; через две—три минуты начальник тюрьмы, придя вслед за ним, прочитал ему смертный приговор закрытого спецсовещания тройки НКВД, после чего исполнитель расстрела, вынув из расстегнутой кобуры наган, сказал: “Повернись лицом к стене” — и когда тот повернулся, то выстрелил из нагана в затылок; отец Парфений упал на пол, кровь струей полилась из простреленной головы... Так завершилась его многострадальная жизнь. Через полминуты врач, подойдя к безжизненному трупу, взялся своей рукой за его еще теплую, но уже недвижимую руку, нащупывая пульс, и потом, глянув на всех присутствующих, кивнул головой, подтверждая этим кивком конец совершенного дела. Тогда начальник тюрьмы обмакнул перо в чернила, взял лист бумаги, на котором был напечатан текст смертного приговора и в конце через небольшой пробел четко выделены роковые слова: “Приговор приведен в исполнение...”, и своей рукой означил число, месяц, часы и минуты исполнения казни, после чего дописал слова: “Начальник тюрьмы” — и ниже: “Спецврач по делам расстрелов”. И поставил свою подпись. Подошедший врач, взяв у него ручку, поставил ниже его подписи свою. Начальник положил этот лист в принесенную им с собой папку для бумаг и, выйдя из подземелья, ушел в канцелярию; дежурный же с охранниками пошли в корпус за следующей жертвой.

В ту же ночь следом за отцом Парфением увели из камеры на расстрел еще одного нашего брата-монаха. Он при обращении к нему дежурного с вопросом о фамилии вдруг сильно изменился в лице, однако при выходе из камеры, так же как и отец Парфений, не забыл попросить прощения у всех своих остававшихся братьев-монахов, после чего вышел в коридор, и дверь за ним затворилась.

В следующую ночь вывели одного вслед за другим еще двух монахов, и, подобно отцу Парфению, они спокойно вышли из камеры, не забыв попросить прощения и святых

молить у нас двоих, остававшихся в камере из числа всего нашего бывшего братства.

В последующую ночь увели предпоследнего монаха из нашей камеры. Я же в обе эти ночи при входе дежурного с охранниками трясся от страха всем телом, как кролик, полностью теряя самообладание.

Не помогало мне виденное наяву спокойствие лиц ушедших последними на расстрел братьев-монахов — таких же, как и я, но только великодушных воинов Христовых, безбоязненно шедших к своему концу с чаянием восприятия венцов мученических. Не помогало мне и самоубеждение. Я вспоминал слова из Апокалипсиса: “Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь... Побеждающий не потерпит вреда от второй смерти... Боязливых же и неверных... участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая” (Апок. 10—11, 8). Веря без йоты сомнения всему тому, что сказано в Священном Писании, я убеждал себя, что после мученической кончины меня ожидает вместе со всеми отошедшими из этой жизни братьями во Христе Иисусе психинскими монахами вечность с ее неописуемыми блаженствами, о чем повествуется в Писании, что “не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его” (1 Кор. 2, 9). Однако все это моментально улетучивалось из сознания при памяти смертной, как только заходили в камеру с суровым видом посланные слугители зла за своей очередной жертвой.

Очередь оставалась за мной. При одной мысли о смерти захладевала во мне душа. Боже мой, Боже мой... С приближением полуночного времени мне все чудилось: вот сейчас, вот-вот, они уже около дверей, уже пришли за мной, чтобы исполнить в эту ночь последний смертный приговор над последним в этой камере приговоренным к смерти монахом бывшего психинского братства. Но, нет... вдруг

неожиданно прозвонил звонок подъема, прервав мои гнетущие душу кошмарные предчувствия. Перекрестившись, я глубоко вздохнул всей грудью, осознав конец своих ночных мук... до следующей полуночи.

В общей камере

После завтрака я лег на свое место, собираясь уснуть, и, почти уже засыпая, вдруг услышал, как раскрылась дверь камеры и надзиратель-ключник окликнул меня, назвав мою фамилию. Поднявшись со своего места, я сел на край нар, он, увидев меня, сказал:

— Забери все свои вещи и выйди из камеры.

Взяв с нар телогрейку, прихваченную с собой на всякий случай во время нашего ареста, я вышел в коридор и там увидел одного из насельников нашего братства — молодого послушника. Он, подойдя ко мне, сказал слова монашеского приветствия:

— Христос посреди нас.

Я ответил:

— Есть и будет во веки веков.

Он добавил:

— Аминь.

Обнявшись, мы поцеловали по иноческому обычаю один другого в плечи.

— Кажется, только мы с тобой вдвоем остались в живых из всего нашего братства, — сказал он.

— Да, да, по всей вероятности так, — подтвердил я.

Начальник корпуса повел нас по коридору и в конце его отомкнул ключом дверь в небольшую комнату, в которой осужденные после вынесения приговора писали свои кассационные жалобы в вышестоящие судебные инстанции. Зайдя туда, он сел за стол, выдвинул из него ящик и, достав

лист бумаги с отпечатанным на нем текстом, прочитал вслух известный уже мне трафаретный приговор московского спецсовещания тройки НКВД; в конце его было напечатано, что я осужден на десять лет заключения с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере. Затем дал мне маленький бланк, где значилось, что такого-то месяца, числа и года осужденному приговор объявлен. Я расписался в конце бланка. Затем он такой же приговор зачитал и послушнику. В нем значилось, что он осужден на восемь лет заключения с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере. После этого, выйдя в коридор, начальник корпуса сказал ключнику:

— Впусти их в какую-нибудь из общих камер.

Тот, подойдя к третьей двери от лобовой стенки коридора, раскрыл ее и впустил нас внутрь. Мы очутились в обширном помещении, до крайности переполненном людьми. Там были устроены вкруговую одноярусные нары со сплошным настилом возле стен. Между краями нар было некоторое пространство. Люди лежали на нарах головами к стенам, а ногами к этому пространству, но на одном боку. Так как арестантов в камере было в три раза больше должного числа, то они заполняли собою все пустующее пространство под нарами и весь проход между ними, оставив лишь незначительную стежечку — не шире полутора-двух половиц для подхода к туалетному бачку.

Места для лежания не было, и мы, двое вновь пришедших, поневоле уселись на полу почти возле самого туалетного бачка.

В камере было довольно светло из-за того, что там было четыре окна, хотя и тоже с наклонными ставнями, но уже только с одним рядом решеток. Под потолком висела синяя пелена табачного дыма, люди разговаривали вполголоса. Кое-кто иногда смеялся и говорил неприличные слова или даже сквернословил, и все находившиеся в камере чувство-

вали себя вполне развязно. Большинство арестантов имели интеллигентные лица, но были среди них люди с темными физиономиями и всякого вида наколками на оголенных руках и груди. Эти индивидуумы выделялись своей внешностью, манерой и повадками от всех прочих находившихся в камере обыкновенных людей. Они чувствовали себя спокойно, иногда напевали вполголоса отвратительные для слуха вульгарные блатные куплеты, сморкались на пол, не глядя, куда и как попало, чуть ли даже не на лежащих там людей. Вся эта шатия в количестве семи человек располагалась на лучших местах, вдали от туалетного бачка, под двумя средними окнами, всегда раскрытыми, что давало им возможность дышать чистым воздухом круглые сутки. И лежали они просторно — сантиметрах в тридцати друг от друга, тогда как все остальные арестанты лежали вплотную и, для того чтобы повернуться на другой бок, нужно было непременно вылезти к краю нар, там повернуться и снова проталкиваться на свое место.

В должное время раздавали ячневую баланду, так же звенели звонки, извещающая о проверке. Но она здесь проходила проще, чем в камерах смертников, а потому быстрее. Все арестанты выстраивались посреди камеры в колонну по четыре в ряд, и дежурные, сдающие и принимающие смену, считали по рядам количество людей.

После проверки до отбоя оставалось около полутора часов. В это время один из арестантов не спеша и внятно стал пересказывать слушающим роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание". Прозвонивший звонок на половине повествования остановил рассказчика. Надзиратель-ключник постучал в дверь, давая знать, чтобы все ложились спать. После этого смолкли всякие разговоры и хождение внутри камеры.

Здесь я впервые за все время своего пребывания в тюрьме лег спать ночью, хотя и в неудобной позе, скрючившись,

зато при спокойном состоянии души, и сразу же крепко уснул. Проснувшись задолго до подъема, встал со своего места и сразу обратил внимание на то, что оба кармана в моих брюках вывернуты наизнанку. Понятно, что кто-то из наглых сожителей по камере, не стесняясь тем, что всю ночь горел свет, смело прощупал всю нашу одежду в чаянии обнаружить у вновь пришедших какие-либо заначки, то есть тайные денежные зашивки, припрятанные в одежде. Но, конечно, предприимчивость его не была ничем вознаграждена: ни у меня, ни у моего компаньона денег не было.

Усевшись на пол и поджав ноги, я стал молча на память читать свое монашеское молитвенное правило и закончил его после общетюремного подъема, когда надзиратель-ключник, раскрыв двери, велел всем выходить на оправку в туалет, где находился и умывальник.

Затем — получение завтрака с обыкновенной порцией хлебного пайка, по окончании которого следовала прогулка.

Выйдя в коридор, все известным уже им путем прошли через другой ход из корпуса в тюремный двор, на огороженную высоким глухим забором довольно обширную площадку, где и ходили вкруговую один за другим около забора в течение тридцать минут. Здесь я впервые за долгое время увидел голубое небо и солнце, впервые подышал чистым воздухом.

Но вот окончилось определенное режимом время, и ключник загнал всех в камеру, после чего выпустил на прогулку людей из соседней камеры. Затем он опять открыл дверь нашей камеры и спросил:

— Кто желает пойти пилить дрова для кухни?

Я, стоявший в это время поблизости, изъявил желание потрудиться. Он выпустил меня в коридор и, показав через окно на помещение кухни, открыл дверь и выпустил в тюремный двор. Подойдя к кухне, я увидел там стоящего рабочего с пилой и топором, он дал мне в руки пилу, и мы,

подойдя к штабелю дров, стали пилить дрова. Работа эта продолжалась до самого вечера, потому что нужно было напилить и наколоть дров также и для тюремной пекарни.

Во время работы мы познакомились. Я поинтересовался, откуда он?

— Из далекой Удмуртии, — ответил мой напарник.

— И какими же судьбами очутился в этих краях и как попал в эту тюрьму? — продолжал вопрошать я.

Он, вздохнув, начал рассказывать.

Рассказ плотника

У нас в прошлом году было очень жаркое лето, из-за чего на полях сделался неурожай хлебных злаков. Когда же сжали все и связали в снопы, то по числу груд и суслонов, стоявших на поле, стало ясно, что зимой будет частичный недостаток в продовольствии из-за скудного урожая. Колхозники, предчувствуя это бедствие, побежали в леса и собрали там все, что можно было употребить в пищу: прежде всего желуды, потом рябину, калину, черемуху и шиповник, даже стали выкапывать толстые сочные корни растущей в болотах осоки, надеясь употребить их в пищу. Но когда, сварив, стали есть этот суррогат-снадобье, то многие отравились и умерли: оказалось, что корни были ядовиты.

Женщины-колхозницы с детьми и молодые девицы, сговорившись, взяли в руки корзины и лукошки, пошли с ними по полю собирать лежащие на земле колоски ржи и ячменя, упавшие с платформ хлебоуборочных машин-жнеек во время жатвы. Полевод, заметив это, переписал фамилии всех сборщиц, затем всей толпой привел к колхозному гумну и высыпал в молотилку все, что было собрано ими за целый день. Сборщицы, сожалея о своем дневном труде, со слезами на глазах говорили ему, что все это было собрано ими с

земли, однако полевод ответил: "Где вы насобирали, об этом я не знаю, но знаю только то, что на поле кое-где стоят еще суслоны с необмолоченной рожью, а потому собиранье колосков воспрещено".

После этого составили акт и передали его начальнику милиции. В тот же день всех этих женщин и молодых девиц — пятнадцать сборщиц колосьев, имена которых были упомянуты в акте, водворили в арестантскую, завели на них судебное дело, — и по изуверскому закону от 7 августа 1932 года нарсад каждую из них приговорил к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере за расхищение колхозного имущества — злодейство, какого нельзя было даже себе и представить! Когда же полностью окончилась молотьба собранного урожая, то выяснилось, что обмолот зерновых оказался наполовину меньше предусмотренного планом. И так по всей области.

Секретарь обкома партии, сообщая правительству окончательную сводку обмолота зерновых и, ожидая гуманной, льготной уступки с заниженным лимитом хлебопоставки, запросил: "Как нам быть?" И получил конкретный ответ: "Сдайте все сполна и, кроме того, сдайте еще и сверх плана!" Таким образом, несмотря на хвастливый лозунг: "Колхозы сделаем большевистскими, а колхозников — зажиточными", во всех колхозных амбарах по области забрали под метлу все имевшееся зерно и увезли на элеватор, оставив в резерве лишь семенной фонд.

Колхозникам же, трудившимся на поле всю страду, не дали из колхозного амбара ни одного зерна и обрекли их на полуголодное существование в течение всего года — грабительство, какого не творили даже татары во времена татаро-монгольского ига на Руси! Татары брали у народа десятину, то есть десятую часть от всего их хозяйственного дохода, о чем правдиво свидетельствуют исследователи средневековой истории. А тут эти "проклятьем заклеянные"

истребители нашего народа забрали у колхозников все десять десятых!

В середине осени начал издыхать скот — коровы и лошади. Коров все же успевали вовремя резать. А лошадей зарывали на скотском кладбище. Голодающие колхозники стали по ночам раскапывать эти скотские могилы, срезать с лошадей мясо и кормить им своих голодных деточек. Впоследствии, конечно, об этом стало известно правлению колхоза, и председатель дал строгий наказ могильщикам, чтобы закапываемый ими скот непременно был облит керосином. По утрам, задолго до рассвета, голодающие люди спешили прийти к скотобойне и становились в очередь, ожидая, когда мясники начнут резать коров. Они покупали там на имевшиеся у них гроши всю требуху, не очищенную даже от животной скверны. Собирали в ведра из желобов и с пола кровь и потом все это уносили к себе домой.

А из репродукторов, прикрепленных к высоким столбам, неслись на всю округу радиопередачи из Москвы: веселые песни, напеваемые с присвистом: “Жить стало лучше, жить стало веселей...”, и радостные выкрики детей: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!”

Для сотрудников НКВД и коммунистов под зданием райкома партии был сделан специальный магазин — так называемый закрытый распределитель, и снабжение из него производилось по специальным пропускам.

У меня в Новороссийске был родной брат. Он после демобилизации женился там и остался в этом городе. Я написал ему письмо о своем бедственном положении. Он пригласил меня приехать к нему и временно пожить. Имея специальность плотника, я, приехав к нему, стал там работать частным образом, перекрывая по осени домохозяевам крыши домов и производя кое-какие надстройки или пристройки. Когда же наступили холода и выпал снег, то стал заниматься перестилкой полов или изготовлением и навес-

кой дверей и прочее и прочее. На заработанные деньги покупал в магазинах хлеб, сушил из него сухари и почтовыми посылками переправлял в Удмуртию, чем содержал оставшуюся на родине жену и детей. А когда началась весна, то снова начал производить наружные виды работ.

Как-то однажды ко мне подошел участковый милиционер и осведомился, в какой организации города я числюсь на работе? Не подготовившись заранее к ответу, я сказал, что нахожусь на положении вольноопределяющегося. Тогда он попросил предъявить паспорт, которого у меня, конечно, как у колхозника, не имелось. Тогда он повел меня в отделение милиции, там произвели соответствующий допрос и водворили в арестантскую, после чего сделали запрос на родину. Оттуда ответили, что я беглец из колхоза. На этом основании на меня завели дело и отдали под суд, который вынес приговор: “За дезертирство с трудового колхозного фронта — три года заключения в ИТЛ”.

После вынесения приговора меня временно содержали в тюремной камере. Начальник тюрьмы выбрал из числа осужденных по бытовым преступлениям одиннадцать человек и оставил на постоянное пребывание при тюрьме для работ особо секретного назначения внутри зоны.

— Что же за секретные работы могут быть у заключенных? — спросил я.

Он, с осторожностью осмотревшись, еле слышным шепотом стал рассказывать:

— Здесь, под землей, находится капище человеческой бойни, в нем каждую ночь расстреливают людей. И рабочие нашей бригады заранее около близлежащих станиц, на скотских кладбищах, ежедневно копают большие глубокие могилы. По утрам, еще до рассвета, в тюремный двор заезжает спецмашина с закрытым кузовом. Рабочие выносят из этой человеческой бойни находящиеся там трупы, забрасывают их на автомашину, уезжают к вырытой могиле, там сбрасы-

вают в нее как попало трупы из кузова и наспех засыпают землей, чтобы никто из посторонних не мог увидеть это ужасное зрелище. Я же каждое утро, после того как они увезут эту тайную поклажу, совковой лопатой накладываю в ведро сгустившуюся кровь, выношу ее из этого капища и выливаю в ассенизационную яму, а потом, выскребиваю и мою пол. Кроме того, я пилю дрова и подметаю дорожки на территории тюремного двора. Всем нам за исполнение особо важного оперативного задания начисляют по особой шкале льготные зачеты один к четырем, то есть один проведенный здесь день считают за четыре дня. Так что все мы, исполнители этих секретных поручений, будем скоро по зачетам досрочно освобождены из-под стражи.

У меня мелькнула догадливая мысль, что к исполнению этих оперативных заданий чекисты не допускают вольнонаемных рабочих во избежание разглашения ими нежелательных сведений среди близживущего гражданского населения. А потому они прибегли к хитрой манипуляции, заставив выполнять эту работу людей подневольных, зная, что они будут изолированы от общения со свободными людьми и поневоле сохранят кровавые тайны.

Я, в свою очередь, рассказал общительному напарнику тот случай, когда меня в одну из недавних ночей водили в то место, где он производит свою необыкновенную уборку.

Выслушав мое повествование, он, как бы концовкой к нему, присовокупил важное для меня дополнение, сказав:

— Позавчера один из охранников, соучастник кровавой экзекуции, по секрету рассказывал тюремному повару, что в минувшую ночь в подземное капище привели на расстрел какого-то монаха. Когда начальник тюрьмы зачитал ему смертный приговор и исполнитель казни, взведя курок нагана, сказал: "Повернись лицом к стенке!" — монах спокойно ответил: "Стреляй так. Христос не отворачивался, когда Его били..." Экзекутор выстрелил ему в переносицу, и монах упал.

Мне сразу же пришло на ум, что это был не кто иной, как раб Божий отец Парфений. Сняв с головы скуфью, я перекрестился и сказал:

— Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего и всех подобных ему, умерщвленных в этом подземном узилище.

Никто по собственному произволению без благодатной помощи свыше не сможет так смело и бесстрашно глянуть смерти в глаза в эти ужасные минуты. Ведь если внимательно проследить по страницам церковной истории за проявлением величайшего бесстрашия и вместе с тем величайшего терпения у христианских мучеников и мучениц, то невольно убеждаешься в высшей степени воодушевления — такой, что немощные женщины, даже молоденькие девицы, как, например, Вера, Надежда и Любовь или великомученица Варвара и подобные им, подкрепляемые благодатью Всесвятого Духа, Который снисходил на них в те ужасные минуты, до крайности удивляли своей невозмутимостью и стойкостью всех бездушных исполнителей истязаний. Вспоминается случай, бывший с одним христианским исповедником, обреченным на публичное отсечение головы. Когда он взшел на эшафот, палач дал ему в руки платок и велел завязать им себе глаза. Исповедник, повернувшись лицом к находящимся возле помоста родственникам, сказал: "Исполнителю моей казни уплатите двадцать пять златниц из оставшихся у вас моих сбережений". После чего завязал себе глаза, и затем палач отрубил ему мечом голову. Но вот и в данном случае не менее знаменательное явление: "Стреляй так. Христос не отворачивался, когда его били..."

Поздно вечером я возвратился в тюремный корпус. Ключник впустил меня в камеру. Там было по-прежнему многолюдно, и мне после целого дня свободы на тюремном дворе казалось невыносимым быть в этой людской толчее.

После поверки все опять, как и вчера, уселись: кое-кто на краю нар, а иные оставались в полулежачем положении

с подогнутыми ногами — рассказчик стал продолжать свое повествование, прерванное вчерашним звонком отбоя. Он не спеша и в точности, хотя и с неизбежными сокращениями пересказывал, надо полагать, не особенно давно прочитанный им роман, и все в камере сидели не шелохнувшись, с интересом слушая повествование. Закончил рассказывать он как раз перед звонком отбоя.

На следующий день я надеялся, что ключник вызовет меня и выпустит, как и вчера, на территорию тюремного двора для распиловки дров, но, однако, этого не случилось. Ключников в корпусе было трое и они приходили на свое дежурство через два дня на третий. Ключник, принявший смену, выпустил на эту работу кого-то из соседней камеры.

Вдруг дверь в камеру широко распахнулась и в коридоре показались солдаты в серых шинелях. Через некоторое время в камеру вошел начальник корпуса с ответственным дежурным по тюрьме, у начальника в руках был какой-то бумажный сверток. Развернув его, он стал выкликать арестантов по фамилиям, и те, отзываясь, стали подходить к двери. Дежурный выпроваживал их в коридор, а стоявшие там солдаты поодиночке выпускали на территорию двора. Через час вызванных людей угнали этапом в какую-то, видимо местную, колонию. Вместе с ними увели и моего брата во Христе — послушника бывшей психинской общины.

После отправления арестантской роты камера сделалась наполовину свободнее, и для меня нашлось местечко под нарами. Забравшись туда, я свободно лег уже на спину. Справа и слева от меня так же свободно лежали другие люди. Пространство между нарами полностью освободилось, и там стало возможно ходить, разминая ноги.

Два человека, лежавшие справа от меня, разговаривали между собой на каком-то иностранном языке. Через некоторое время один из них, выбравшись из-под нар, стал прохаживаться по освободившемуся пространству.

Я поинтересовался у оставшегося, как мне думалось, иностранца, кто они по национальности?

— Русские, — ответил он.

— Так на каком же тогда языке вы вели меж собой разговоры?

— На английском, — ответил мой собеседник.

— И где ж вы смогли изучить английский язык?

— Я долгое время проживал в Соединенных Штатах Америки, — сказал он.

— А товарищ ваш тоже житель Соединенных Штатов? — назойливо допытывался я.

— Нет, он местный, был здесь не особенно давно преподавателем английского языка в одном из учебных заведений.

— Хотелось бы узнать, любезный, — с интересом спросил я, — какими же судьбами вы попали в Америку?

Несколько помедлив, он стал рассказывать.

Рассказ русского американца

Во время гражданской войны я был денщиком у пехотного офицера армии генерала Врангеля, мне был тогда от роду двадцать один год. После того как сдан был Перекоп и остатки наголову разбитой армии отступили к берегу моря, мы тотчас же погрузились со всем вооружением на стоявший в порту корабль и уплыли на нем в Соединенные Штаты Америки. Прибыв в Нью-Йорк, все мы выгрузились на берег, и нас временно определили на жительство далеко за городом.

У них, в Америке, во все времена — ужасная безработица, масса людей целыми днями проводит время на бирже труда, ожидая возможности найти себе хоть какую-либо работу, а тут еще и мы вдобавок — абсолютно чужие люди, приехавшие с фронта. Считаю, ничего не имущий пролетариат в серых шинелях пополнил их и без того ог-

ромную армию безработных. Притом мы не были знакомы с их укладом жизни и не понимали их языка.

По прибытии в Америку мой господин офицер сказал мне, что я ему больше не нужен, а потому в силу необходимости пришлось вести самостоятельный образ жизни.

Кто бы мог представить себе мое бедственное положение иммигранта, очутившегося в чужой стране без средств к существованию?! Я сделался как бы глухонемым: не мог понять ни одной уличной надписи, а потому не имел понятия о местонахождении тех или иных бытовых объектов и не мог спросить ничего ни у кого из окружающих...

Вот так, живя там, в этой богатой стране, я на первых порах столько настрадался, столько намучился, что нельзя и передать. Так шли день за днем, неделя за неделей... Но вот наконец мне посчастливилось стать обладателем ящика с сапожными щетками и ваксой. Усевшись в укромном местечке, я начал осваивать специальность чистильщика обуви и этим стал зарабатывать на пропитание, а то ежедневно был голоден. На вопрос клиентов об оплате я обычно жестом руки и мимикой давал понять им: "На ваше усмотрение, сколько дадите". И они бросали в лежащий возле меня головной убор монеты. Занимаясь этим делом, я постепенно стал осваивать их язык. И с течением времени, когда уже научился изъясняться, всегда стремился как можно больше разговаривать со своими клиентами, чтобы тверже и правильнее усвоить обороты устной английской речи и особенности диалекта. К тому же я желал узнать как можно больше о жизни незнакомого мне общества с абсолютно неизвестной мне структурой бытия, его особенностями и принципами.

И так за несколько лет на этой ничтожной работе я мало-помалу заимел довольно солидный капитал и стал жить уже на широкую ногу.

Однажды совершенно случайно от одного из своих клиентов я узнал, что в Соединенных Штатах легально существует

коммунистическая партия. Я разыскал в Нью-Йорке резиденцию секретаря Центрального комитета партии и изъявил свое желание вступить в ее ряды. Меня зачислили в список кандидатов, я стал присутствовать на собраниях и через некоторое время партийный секретариат выдал мне членский билет. Секретариат поручил одному партийному товарищу, чтобы тот преподавал мне грамматику английского языка.

День за днем, месяц за месяцем время двигалось вперед. Я жил недалеко от столицы. Однако сердце мое грызла тоска по родине, хотелось увидеть мать и отца, хотелось услышать родной язык, хотелось увидеть все то, что было так близко, так знакомо и любезно с далекого детства. Я замыслил во что бы то ни стало рано или поздно, но уехать в СССР. О своем замысле я как-то однажды поведал своим давним друзьям по армии, но они стали вразумлять меня, говоря, что в СССР свирепствует ОГПУ, что душегубы-чекисты на первых же порах меня арестуют и впоследствии либо сгноят в тюремных застенках, либо замучают до смерти на каторжных работах в далекой Сибири. Но я, не внимая им, думал свое: "Я теперь американский коммунист, и мне русских коммунистов бояться нечего — они мои товарищи по идее".

Наконец, я обратился в русское консульство и выхлоптал визу для въезда в СССР. Один из знакомых русских иммигрантов посоветовал мне правильно распорядиться имевшимся у меня капиталом. Я накупил в городе золотых вещей: золотые часы с цепочкой и брелком, два золотых кольца — одно будто бы для себя, а второе — для невесты, для "нее же" купил золотые серьги, медальон и прочее. Дождавшись случая, когда некий торговый пароход должен был отправиться в Одессу, я после некоторой проволочки взошел на его палубу и через полмесяца очутился в СССР.

В Одессе я сразу же обратился в органы ОГПУ, предъявив им свой иностранный паспорт и партбилет. Там мне выдали соответствующий листок-маршрутку для проезда в

Москву. В гостинице для иностранцев люди из технического персонала дружески подучили меня, чтобы я кое-что из золотых вещей обменял в торгсине на боны. Я так и сделал — сдал золотые серьги. И при продаже с рук бонов у меня образовался полный портмоне советских денег в крупных купюрах.

Купив железнодорожный билет и сев в поезд, я первым делом по пути решил заехать в родную станицу, находившуюся близ города Ейска. Когда приехал туда, то до крайности был изумлен парадоксальным явлением: улицы повсюду заросли бурьяном, висели черные флаги, людей почти не было видно. Дойдя до первой знакомой мне хаты, где жила моя тетя, я отворил дверь, вошел... и еле узнал свою любезную тетю: она была вся распухшая от голода и с трудом передвигалась с места на место. После взаимных приветствий тетя стала рассказывать мне про ужасную трагедию, как были созданы так называемые продовольственные отряды из актива голодранцев и хулиганствующих молодчиков из осодмила (отряда содействия милиции), вооруженных огнестрельным оружием. Они разграбили у народа все имевшиеся запасы продовольствия и тем обрекли людей вместе с детьми на голодную смерть. От этого же умерли и мои родители, и все родственники, за исключением ее одной. В станице — страшное людоедство, вечерами на задворках нельзя появляться, чтобы не поймали и не зарезали. Поэтому ночами на улицы никто не выходит.

“Три недели назад была у меня в хате соседка Агриппина, — рассказывала тетя. — Долго сидела здесь и, когда свечерело, ушла к себе домой. После ее ухода ночью к двери моей хаты пришли какие-то женщины и стали просить у меня: “Дуня, дай нам спичек”. Я же, догадываясь о их коварном замысле, ответила, что спичек у меня нет. Тогда они с возмущением стали обличать меня, говоря, что я обманываю их и твердили свое: “Дай нам спичек”. “Сейчас пойду

спрошу у дяди Панаса, — сказала я. — Если у него есть, то принесу и дам вам”. Они, услышав слово Панас, сразу же убежали, испугавшись того, что в хате, стало быть, находится мужчина. Утром слышу: люди говорят на улице, что кто-то ночью зарезал Агриппину. Быстро одевшись, пошла к ней и, зайдя вместе со всеми в ее хату, увидела отвратительное зрелище: Агриппина лежит на полу голая, вверх лицом и у нее вырезаны все мягкие места на теле. После произведенного милиционерами обыска все вырезанное было обнаружено в хате соседа”.

Выслушав это ужасное повествование, я провел у тети одну ночь, утром отдал ей половину из имевшихся при мне денег и, собравшись, ушел на вокзал и уехал в Краснодар. Прибыв туда, я обратился с бланком своего направления в горком партии. Там стали отсылать меня из одного кабинета в другой, от одного партийного руководителя ко второму, от второго к третьему — и так прошел целый день, в конце которого все служащие разошлись по своим квартирам. Я же, не имея пристанища, пошел ночевать в гостиницу. Зная о том, где я нахожусь, и остерегаясь пронируливо шмыгающих субъектов, чемодан с вещами я заранее сдал в камеру хранения, а все золотые вещи завернул в платок и привязал к животу под нательную рубашку.

Ночь прошла благополучно. С утра повторилась прежняя ходьба от одного администратора к другому. И так это продолжалось в течение трех суток.

Во время хождения из одного кабинета в другой мне невольно бросались в глаза их обширность и комфорт. Они были уставлены изящной мебелью, сделанной из красного дерева, в чистых чехлах, пол и ковры содержались в опрятности... Все это невольно вызывало вопрос: на какие же средства приобретен весь этот декорум? Да и выхоленный вид партийных руководителей в шикарных одеяниях, веселость чисто выбритых лиц свидетельствовали о их царственном житье-

быть. Сопоставляя то, что я увидел на своей родине и что увидел тут, я был до крайности смущен этим контрастом.

Человек, лежавший с левой стороны от меня и слушавший рассказ, сказал:

— Вы удивились, видя этот внешний комфорт их жизни, но что бы вы сказали, если б вам представилась возможность увидеть роскошь их семейного очага? Это поистине коммунистические паны, без конца обещающие народу светлое будущее, однако сами для себя захватившие все светлое настоящее. Мне пришлось быть в штате домовой обслуги у секретаря крайкома партии, выполняя должность завхоза, и я вочию убедился о несовместимости их слов с делом. Ведь представить только, что у него штат домовой обслуги состоял из двадцати человек, и все получали соответствующий оклад из государственной казны! Это, по сути, был советский князь, сателлит великой партии, ее политическая опора, а потому она и создала ему, да и всем ему подобным полноту жизненного довольства с преизбытком всех благ, предоставив права на получение денег и любых материальных ценностей по потребности и без ограничения.

— Итак, — сказал, заканчивая свой рассказ повествователь, — в конце моих кабинетных скитаний мне дали направление в город Новороссийск, где горком назначил меня на должность заведующего одной столярной мастерской. Здесь вот я и обосновался, здесь мне впоследствии выделили квартиру, после чего я женился и обзавелся семьей. Мой капитал, привезенный из далекой Америки, составил для меня великое подспорье, благодаря ему я и жил, не имея нужды до сего года.

— А за что же вас арестовали? — задал я ему свой вопрос.

— Получилось точь-в-точь, как предсказывали мне фронтовые друзья, находившиеся со мной в эмиграции. Несмотря на то что в Москве со мной обошлись вроде бы дружелюбно, это был только лицемерный этикет, а на са-

мом деле они сразу же взяли меня на особый учет чекистского тайного надзора до определенного времени. И вот только ныне предъявили обвинение как участнику перекопских боев против войск Красной армии на стороне генерала Врангеля, не учитывая факта, что я был денщиком.

Когда рассказчик заканчивал свое повествование, то товарищ его, прежде прогуливавшийся по свободному пространству между нарами, опустился на колени и вполз на свое место. Рассказчик, обратившись к нему, сказал:

— Сергей Николаевич, какое все-таки обвинение предъявили вам чекисты при аресте?

Тот стал что-то рассказывать, опять-таки на непонятном для меня языке. Перебив его, я сказал:

— Сергей Николаевич, рассказывайте по-русски, чтобы смогли вас послушать и мы.

Тогда он перешел на русский, но прежде оговорился, что крайне остерегается повсюду находящиеся чекистских сексотов (секретных сотрудников), которыми переполнены решительно все служебные учреждения, которые с преизбытком находятся среди любых народных скоплений, их полным-полно в коллективах фабрик и заводов, в армии, во всех учебных заведениях, даже в средних школах, ученики старших классов уже подключены к сонму всеобозревающего сексотства, а потому он заключает, что в концлагерях и тюрьмах их должно быть несравненно большее количество.

Человек, лежавший с его стороны, с участием воскликнул:

— Да, да, суцая правда, суцая правда! Сейчас нет ни одной служебной организации, ни единого самодельшего людского сообщества, где бы не имелись тайные осведомители. Об этом мне известно более, чем кому бы то ни было, потому что я когда-то был нагло приплюсован к числу этих служителей зла и за категорический отказ от предложенной деятельности в необозримой армии сексотства теперь вот упрятан в тюрьму.

Когда этот человек умолк, Сергей Николаевич сказал:

— У меня нет существенной вины, за которую могли бы привлечь меня к судебной ответственности. Я остерегаюсь только того, чтобы во время моего пребывания в застенках они через сексотов не выискали бы чего-либо со стороны и нагло не сфабриковали какую-либо небылицу.

— Но все-таки что послужило поводом для вашего ареста? — спросил я его.

— Несколько недель назад, — сказал он, — я находился на партийном пленуме. Там без конца аплодировали и воссылали всеобщие возвеличивания вождю народов Сталину. Аплодировал со всеми партийными товарищами и я, но, видимо, не так усердно, как остальные. Секретарь парторганизации в начале кратковременного перерыва обратился ко мне во всеуслышание с вопросом: “Товарищ Обухов, почему вы не являлись соучастником всеобщей радостно-восклицательной овации?! Когда весь зал восторженно аплодировал, высказывая этим свою солидарность великим идеям, только вы один сидели безучастно”. “Нет, — возразил я, — я тоже аплодировал”. “Да мне хорошо было видно из президиума, как вы аплодировали”, — сказал он мне. Потом, обратясь к уполномоченному НКВД, присутствовавшему на пленуме, сказал: “Товарищ Фесенков, займитесь-ка им...” По окончании собрания уполномоченный, подойдя ко мне, предложил пройти с ним до отделения милиции, где завел меня в свой служебный кабинет и спросил: “Скажите мне, где вы родились и где находится ваш отец?” Я ответил то, что надо было ему знать. Записав мой ответ, он сказал дежурному милиционеру, чтобы тот водворил меня в камеру.

Прошел день, прошел второй... Я недоумевал относительно необоснованного ареста. Через неделю он вызвал меня к себе в кабинет и сразу же спросил: “У тебя отец священник?” “Да”, — ответил я. “Как же ты, будучи чело-

веком из чуждой нам среды, смог пробраться в ряды компартии?” — проговорил он с многозначительной интонацией. На его вопрос я не нашел нужным давать ответ. После чего он вызвал дежурного милиционера и, вручив ему какой-то пакет, повелел ему сопроводить меня в тюрьму.

После окончания своего рассказа Обухов обратился с вопросом к человеку, лежавшему рядом и сказавшему, что за категорический отказ от предложенной ему деятельности в необозримой армии сексотов он упрятан в тюрьму:

— А разве сексоты — не добровольно нанявшиеся на службу люди за соответствующий оклад в органах НКВД?

— Какой там оклад и какой добровольный наем?! — возмущенно ответил тот.

— Так за какое же тогда вознаграждение осуществляют они свою осведомительную деятельность? — опять спросил Обухов.

— Да ни за какой оклад и ни за какое вознаграждение, — отвечал собеседник.

— Для меня это абсолютно непонятное явление. Я хотел бы получить соответствующее пояснение, — с задумчивостью отозвался Обухов и добавил: — Так что за причина, ради которой они стали значиться в списках тайных осведомителей? Ведь все работники НКВД получают твердый оклад: начальник милиции, следователи, охранники и все прочие, находящиеся на милицейской службе. А сексоты-то, то есть их секретные сотрудники, выполняют свои обязанности в течение многих лет без должного вознаграждения, стало быть, ради одной наглой любезности?

— Вот так оно и есть, — подтвердил собеседник.

— Странная и непонятная загадка, — вздохнув, сказал Обухов.

— Это вы поймете из моего повествования, — ответил собеседник и стал рассказывать.

Рассказ сексота

Чуть более полугода тому назад ко мне на работу пришел рассыльный от начальника милиции и велел явиться в кабинет к следователю такому-то. Услышав о предстоящем нежелательном знакомстве, я крайне встревожился и в конце рабочего дня поспешил прийти в названное место. Следователь, уже немолодой человек, сидел за своим письменным столом и что-то писал. На мое приветствие он сухо, по служебному, кивнул головой и продолжил свое письменное занятие. Я сидел молча, ожидая конца его деловой сосредоточенности. Прошло минут пятнадцать-двадцать. Наконец, отложив ручку в сторону, он обратился ко мне с напускной задушевностью: "Товарищ Сергеев, я вызвал вас по одному весьма важному делу. Нам хорошо известно, что вы истинно советский человек, на верность и энтузиазм которого можно вполне положиться, а потому решили привлечь вас к активному соучастию в нашей нелегкой деятельности по охране законов Советского государства. Вы вращаетесь среди многолюдного общества, и возле вашего рабочего места ежедневно бывает значительное скопление всякого народа, затеваются всевозможные деловые и неделовые разговоры. Вот по этому-то поводу мы и хотим поручить вам ответственное оперативное задание. Надо, чтобы вы держали всегда "ухо остро" и прислушивались ко всяким народным толкам. Дело в том, что нам нужно знать обо всем, что говорится и что делается во всех потаенных уголках, которые находятся вдали от наших чекистских кабинетов, чтобы быть в курсе дела о всей готовящейся событийности и своевременно предупреждать ее своим противодействием прежде возможности ее возникновения. Сами мы, конечно, этих тайных разговоров никогда не услышим, потому что, будучи одеты в милицейскую форму, создаем в окружающей нас среде настороженность и сдержанность от каких бы то там

ни было выпадов или высказываний, всевозможных реплик по отношению того или иного общегосударственного мероприятия. Но вы для этого народа абсолютно незаметный человек, по внешнему виду непричастный к служебному персоналу работников госбезопасности, будете, как и обычно, находиться на своем рабочем месте. Окружающие люди, считая вас запанибрата, будут развязны и откровенны в своих разговорах в вашем присутствии, они станут высказывать без стеснения свои недовольства относительно тех или иных правительственных решений, проводимых по указанию вождей партии. Вы же исподтишка должны следить за всем происходящим возле вас и вокруг вас, и, когда до вашего слуха донесется какая-либо фраза недовольства или возмущения по поводу каких-либо тех или иных политических мероприятий, вы тотчас же запишите ее в "шпаргалочку" и к тому напишите фамилию, имя и отчество высказавшего все это, и потом эту шпаргалочку отдайте заведующему пивного зала, находящегося поблизости от вашей конторы, а он передаст ее нам. Для того, чтобы остаться не узанным толпой зевак при каких-либо непредвиденных случайностях, я присвою вам нужный для вашей деятельности псевдоним, вернее, кличку, — Дозорный, и вы каждую передаваемую вами весточку будете подписывать вот этой условной кличкой, и мы будем знать, что это донос от вашего имени. Итак, — закончил он разговор, — от сего дня вы будете числиться в списке наших сексотов, то есть секретных сотрудников под кличкой Дозорный. Ну вот... а теперь можете быть свободны — ступайте домой".

Выйдя из его кабинета, я настолько был встревожен этим неприятным знакомством, что у меня от нервного расстройства заболела голова. Придя домой, я раньше обыкновенного лег в постель и вскоре уснул. Проснувшись ночью, стал размышлять о предложенном мне гнусном поручении и осознал, что по своей нерасторопности оказался нагло во-

влеченным в этот мерзкий легион сексотов без единого слова возражения. Я оправдывал свою пассивность тем, что следователь, облаченный в милицейскую форму, будучи работником органов госбезопасности имел огромный по отношению ко мне перевес в своем положении, а потому с первой же минуты нашего общения возобладал над моим внутренним "я" из-за моей неподготовленности к этой встрече и теме нашего разговора. Притом он, будучи многоизошренным в подобных психологических атаках, с первого же момента при личной встрече в словесном единоборстве сражал всякого растерявшегося новичка, подобного мне, и это для него, разумеется, не было единичным явлением.

Обдумав спокойно возникшее обстоятельство, я начал изыскивать возможности, как можно было бы избавиться от этой обузы, которую следователь нагло сумел взгромоздить на меня, и решил первоначально пассивничать: делать вид, что принимаю его предложение, но отнюдь не поступать по его научению.

Прошло около двух месяцев, как вдруг опять явился ко мне на работу тот же рассыльный и велел опять прийти в известный уже мне кабинет.

В конце рабочего дня, как и в прошлый раз, я пошел в милицию. Следователь, увидев меня, нахмурил брови и сразу же обратился с укоризненной речью: "Что за причина, почему от вас не поступает никаких нужных нам осведомлений?" "Так до меня не донеслось пока еще никаких речей, — ответил я, — о которых вы надумляли меня". "Да, надо быть многосторонне деятельным, — стал он подучивать меня, — вступать в развязное общение с окружающим вас народом, вызывать отдельных лиц на полемику, особенно по политическим вопросам". После этих слов мне представилась возможность пресечь его в легкомысленном умствованиях. "Что это вы говорите? — возразил я. — Как же это можно, находясь на ответственной работе весовщика по

приемке зерна, вступать в разноглаголание с окружающими людьми, не остерегаясь того, что во время этих отвлечений можно допустить в своем деле какую-нибудь непоправимую ошибку, за которую впоследствии вы же сами привлечете меня к судебному взысканию?" Осознав свой промах, он переменял интонацию и с учтивостью ответил: "Да-да, но ведь вы можете производить эту деятельность в свободные от своей занятости часы". "А у меня за весь рабочий день не бывает ни минуты свободного времени", — ответил я. "Ну, тогда по окончании рабочего времени", — навязчиво продолжал он. "А по окончании рабочего дня, — сказал я, — весь народ разъезжается и расходится по своим домам и квартирам, а я начинаю заниматься подсчетом фактур и подбиванием итога по принятому весу зерна за протекший день". "Тогда я укажу вам на отдельную позицию в вашей деятельности, — сказал он. — Займитесь-ка с завтрашнего дня выявлением настроенности скрытного в своем бытии субъекта в вашей конторе по фамилии такой-то (он назвал имя и отчество нашего старшего бухгалтера) и разведайте, чем преисполнено его сердце, сумеете подстрекнуть при случае на задушевный разговор и задавайте ему при этом наводящие вопросы на нужную нашему делу какую-либо политическую тему, при которой сразу же обнаружатся его сокровенные думки, ибо, как говорят в простонародье, "от избытка сердца глаголют уста". А его ответы запишите и перешлите нам, — закончил он свой поучительный разговор. — А теперь можете быть свободны — ступайте домой".

Выйдя из здания милиции, я в этот раз не был так сильно возмущен и встревожен в глубине своей души: во-первых, потому, что уже предугадывал причину, по которой был вызван в органы госбезопасности, и, во-вторых, что смог в нужный момент осадить своего наглого повелителя, что давало мне повод и на будущее время мотивировать отсутствие рвения своей служебной перегруженностью.

Я тотчас же пошел на квартиру к старшему бухгалтеру нашей конторы и поставил его в известность о состоявшемся разговоре, и он поблагодарил меня за предостережение.

Через некоторое время мне предложили снова явиться в известный мне кабинет. И когда я пришел туда, знакомый следователь прежде всего спросил, затевался ли нужный разговор с тем, на кого указал он при нашем последнем собеседовании? “Был я там вечерами два раза, — ответил я, — и в оба эти вечера ему было не до посторонних разговоров. Через наш склад в течение месяца перегружаются сотни тонн зерна, вследствие чего пишется не менее тысячи фактур, по подсчету которых составляется конкретная сводка соотношений по поступлению и вывозу принятого зерна, и вся группа бухгалтеров по материальному учету не успевает справляться со своими подсчетами в течение дня, так сидят и совместно работают вечерами. Подумайте сами, может ли быть у него время для посторонних разговоров?” Следователь не нашел, что ответить на мое возражение. Но, как бы желая заверить его относительно своей настороженности, будто бы я действительно во всякое время держу “ухо остро”, я рассказал о случае недавнего ограбления бандитами одного частного дома, находившегося вблизи моего склада. “Об этом нам уже известно”, — ответил он. И к тому добавил: “Это баловники, они нам не мешают. Это наши люди, только развратившиеся, и мы их исправим: водворим вот на полтора-два года в трудовую колонию. Они, побывав в ней, одумаются, исправятся и сделаются такими же полезными и добросовестными людьми, как и весь наш прочий трудовой народ”. Все это он проговорил четким и выразительным тоном, желая уверить меня, будто бы и на самом деле так легко и просто, отрубив волку хвост, сделать из него овцу. Несколько помолчав, он насупил брови и приглушенным голосом сказал: “Вы вот выявляйте людей недовольных, которые по-за углами шепчут, что им партия неужгодна, Сталин нена-

вистен, — эти люди пожизненно неисправимы, они своими репликами дискредитируют вождя партии, вызывают возмущение среди простого народа, всевают сомнение, подстрекают на саботаж, расшатывают веру в умах людей о возможности построения коммунизма в нашей стране, расхолаживают людское сердце, теплящееся надеждой в ожидании светлого будущего. Наша боевая задача на сегодня состоит в том, чтобы избавиться от этих инакомыслящих индивидуумов, во что бы то ни стало изолировать их от общества преданных нашему делу людей, вследствие чего прекратится их влияние на народные массы и создастся препопа для проникновения злой пропаганды на молодых людей возрастающей интеллигенции, которую они своей агитацией смогут переманить в диаметрально противоположный нашим идеям лагерь оппозиции. Нам необходимо нужно с помощью резких социальных воздействий взять в ежовые рукавицы все подвластное нам народонаселение и заставить его безоговорочно повиноваться диктату ОГПУ. А непокорных и сочувствующих им мы пошлем в далекое Заполярье на освоение северных и северо—восточных окраин нашей обширной страны и сделаем их своими вечными рабами, где они, находясь в скотских условиях, без копейки оплаты будут производить любую возложенную на них черную работу с перевыполнением установленной для них трудовой нормы, причем на крайне ограниченной и дешево стоящей диете питания”. Затем, помолчав две-три секунды, он, многозначительно прищурив один глаз, полушепотом медленно проговорил: “Потому что голодная собака злее бывает, а голодный человек пуще работает”. И далее, продолжив свои откровенные высказывания, поневоле приоткрыл завесу над нашей действительностью и восхищенно сказал: “Великий Сталин при своей гениальной политической одаренности разработал грандиозную программу по освоению широт Дальнего Севера с минимальной затратой государственных

средств. Однако на выполнение этой обширной работы стране нужна многомиллионная армия рабочих рук. И вот в формировании этой армии партией и лично товарищем Сталиным отведена нам, работникам органов НКВД, авангардная роль, и, чтобы выполнить это возложенное на нас государственное задание, мы с участием вас, сексотов, должны развить кипучую деятельность по изысканию всяких возможностей, чтобы осуществить на деле это великое поручение". И вдруг, спохватившись, тихо воскликнул: "Ох, мне нужно приступить к обработке следственных материалов!" Открыв сейф, он вынул из него кипу бумаг, положил на письменный стол и, обратившись ко мне, сказал: "Ну, можете быть свободны". И я вышел из его кабинета.

Выйдя на улицу, я не спеша пошел к своему дому, томимый тягостными размышлениями о том злополучном факте, что я оказался в положении человека, нечаянно попавшего в западню, и что возникшее обстоятельство является для меня безвыходным. Было очевидно, что наглый чекист считал меня за обыкновенного простачка, которого можно запросто подпрячь в свое ярмо как пособника в деле служения злу. А я не мог позволить себе открытого сопротивления. Мне было понятно, что в случае неуступчивости этот изверг без какой-либо существенной вины, не задумываясь, сразу же посадит меня за решетку, что ему предоставлена полная свобода репрессивных действий и он не упустит возможности злоупотребить своей властью.

Единственный мирный выход из создавшегося положения, думалось мне, единственный способ уклониться от кабальной зависимости — это рассчитаться и уйти с работы, затем продать дом и переехать в какой-либо другой город. Но это нелегкая затея, за которой потянутся великие семейные невзгоды, всевозможные житейские лишения и множество хлопот и утеснений по случаю переезда с обжитого места на другое. Но иного выхода не было.

Когда я ознакомил жену со своим замыслом, начались ее слезные вздыхания, но не из-за того, что надо мной нависла роковая опасность, а потому, что ей не хотелось расставаться со своими житейскими удобствами на обжитом месте. Она стала упрашивать меня, чтобы я не горячился и несколько повременил, надеясь на "авось", что, может быть, да и обойдется все благополучно и мы будем опять жить спокойно. Это упрашивание привело меня в пассивное состояние, расхолодило, и представлявшаяся возможность смены местожительства была упущена. К тому же подвоз зерна почти уже прекратился, имевшийся на складе остаток был невелик, его можно было в кратчайший срок перевесить и сдать второму кладовщику. Рассчитаться со своей конторой без замедления помог бы мне сочувствующий старший бухгалтер. Но все это осталось неисполненным.

Через продолжительный промежуток времени меня опять вызвали в знакомый кабинет. Когда я пришел туда, следовательно, по всей вероятности, был в нервозно-расстроенном состоянии и, увидев меня, стал с невоздержанностью выкрикивать оскорбительные словоизречения, упрекая меня в том, что от меня нет ни единого слова нужных ему осведомлений, что я преступно безалаберный лопух, отлынивающий от своего участия в нашей общей деятельности неусыпных стражей по охране завоеваний, достигнутых пролетарской революцией, что на нас возложено высокое почетное служение и мы должны быть всегда начеку в деле выявления среди нашего общества антисоветски настроенных элементов, которые своей скрытной агитацией расшатывают устои социалистической державы. Резко взмахнув рукой и понизив голос, он сказал: "Вы же в порученном вам задании абсолютно бездеятельны и за такое продолжительное время своего сексотства не проявили даже и малейшей доли энтузиазма".

Его нервозность с первых же минут передалась и мне. Не сумев совладеть с собой, я таким же возбужденным голосом

стал выкрикивать ему: “Чем это объяснить, что вы обращаетесь со мной как начальник со своим подчиненным или, хуже того, как с порученным вам пленником: покрикиваете, понукиваете, приневоливаете, порицаете?! Что это такое? Я не связывал себя с вами никакими долговыми обязательствами. При первом нашем разговоре не было даже и малейшей тени намека на какую бы то ни было там зависимость от вас. Было лишь предложено держать “ухо остро”. В дальнейшем вы взгромодили на меня обязанность неутомимого выскивателя и, наконец, подстрекателя... Спрашивается, ради чего? Чтобы заслужить похвалу... от кого именно? Вам-то действительно со временем пришлют огромный похвальный лист, в котором будет написаны крупными в позолоте буквами: “Объявляется благодарность за усердную преданность своему делу и добросовестное выполнение возложенной обязанности и прочее и прочее...” И вы этот похвальный лист приклеете где-нибудь на видном месте в своем кабинете напоказ своим сотрудникам. А я что заслужу за свою деятельность презренного сексота с присвоенной вами мне унижительной кличкой, как какому-то гнусному криминальному типу-рецидивисту? Вы обязали меня в угоду вам выполнять роль волка в овечьей шкуре! Ведь имя мое впоследствии за эту мерзкую деятельность на всю жизнь покроется позором в памяти моих друзей и родственников! Мало того, это грязное пятно запечатлется на моих детях, оно будет на них пожизненным клеймом под названием “сексотики”. И вы на это будете без участия смотреть сквозь пальцы лишь только потому, что вам до того нет дела. В конце концов за эту навязанную мне вами обязанность шептуна-наушника кто-нибудь из тех, кому я по вашему указанию причиню непростительную обиду, когда-то впоследствии за все эти гнусные подвохи и пакости, как предателю, саданет где-нибудь в темном месте финский нож в бок или спину, и вы, услышав об этом, с безразличием махнете рукой и скажете:

“Поделом волку и мука” — или хлестче того: “Собаке собачья и смерть””. “Так или не так?” — спросил я его в конце своего обращения. И сам же ответил: “Так!”

Следователь сидел и слушал всю до последнего слова мою гневную речь с изумленной миной, изобразившейся на его лице. И когда я произнес последние слова, он тихо сказал: “А...а...а... Вот оно что! Вы, кажется, примкнули к лагерю наших врагов?” На это я ответил: “За всю свою прожитую жизнь я не имел ничего общего ни с вами, ни с теми, кого вы называете своим врагами”. После этих слов он вышел из-за своего письменного стола и, подойдя ко мне, вытолкнул меня в шею из своего кабинета.

Выйдя из здания милиции, я пошел домой, размышляя о своем только что закончившемся словесном препирательстве с весьма благоприятной развязкой для меня в этом неприятном “содружестве” с чекистским наемником.

Я надеялся, что вызовы меня в милицию уже закончились. Но это оказалось не так. Через полмесяца следователь опять вызвал меня в кабинет и, когда я явился туда, сказал: “Я вызвал вас затем, чтобы предложить выбор: либо работайте заодно с нами по предложенной вам деятельности, либо я арестую вас”. “За что именно?” — с изумлением спросил я. “За то, — ответил он, — что вам как сексоту была сообщена государственная тайна, и, чтобы вы не разгласили ее, я по необходимости должен упрятать вас в тюрьму. Так что выбирайте одно из двух — либо то, либо другое”. На это я, не задумываясь, ответил: “Мною было сказано вам, что я не с вами и не с теми, кого вы называете своими врагами”. Тогда он вызвал дежурного милиционера и, указав на меня пальцем, сказал: “Водвори арестованного в камеру подследственных”. Тот повел меня по лестнице в нижний этаж, где у них были арестантские помещения. Подойдя к одной из нескольких дверей, находившихся по одну и другую сторону узкого коридора,

он, шелкнув ключом, вынул замок из петли, растворил дверь и впустил меня в не особенно просторную камеру с низким потолком, двумя небольшими зарешеченными окнами и устроенным впритык к оконным проемам сплошным настилом одноярусных одинарных нар, примерно на семь-восемь арестованных.

В камере находились четыре человека, один из которых лежал на боку, повернувшись лицом к стене, а трое остальных сидели на торцах нар, уставившись на двери. Войдя в камеру, я увидел школьного товарища, с которым мы в давние годы сидели за одной партией. Через несколько минут у нас с ним завязался продолжительный разговор. Он рассказал мне, как следователь нахально привлек его к участию в тайной армии сексотов под двусмысленным предложением держать "ухо остро". А когда стал нагло понуждать его на провокаторские задания, то товарищ, возмущившись, тотчас же хлопнул дверью и ушел из милицейского отделения. Через несколько дней его опять вызвали туда же, но он не явился. За ним вторично послали рассыльного, но он отказался явиться и тогда, наконец, прислали двух милиционеров, они надели ему на руки наручники и привели в кабинет следователя. Он не стал вступать с ним в разговоры и совопросничество, за что следователь водворил его в камеру, где он и находится уже пять суток.

После того как, рассказав о себе, он на минуту умолк, я шепотом спросил его, кивнув головой в сторону остальных сокамерников, двое из которых в то время стали о чем-то с увлечением разговаривать, не обращая внимания на нас. Товарищ, движением руки указав на одного из них, поведал: "Вот этот назад сему четыре дня, будучи в читальном зале производственного клуба, сказал: "Если я когда-либо приеду в Москву, то в первую очередь пойду в Третьяковскую галерею". В читальне в то время находился секретарь партячейки их коллектива и, услышав его изречение, спро-

сил: "Куда ты пойдешь в первую очередь по приезде в Москву?" Тот повторил: "В Третьяковскую галерею". "Стало быть, ты не истинно советский человек", — заключил секретарь. — "А почему?" "Да потому, — ответил секретарь, — что всякий истинно советский человек по приезде в Москву спешит в первую очередь побывать в мавзолее, чтобы посмотреть на Владимира Ильича Ленина — трибуна пролетарской революции". "Но я — художник, — сказал тот, отстаивая свою позицию. — Для меня нет ничего интереснее, чем увидеть шедевры художников с мировой известностью, а в мавзолее-то уже потом, если будет время..." В ту же ночь чекисты упрятали его в арестантскую".

"А у второго из них, — продолжил товарищ, — жена была на рынке и купила два килограмма свежего мяса, но завернуть его было не во что. Она, подойдя к газетному киоску, купила в нем какую-то старую газету и завернула купленное мясо. Шли они вдвоем с подругой и по пути проходили мимо здания милиции. Дежурный милиционер остановил эту женщину и указал ей на газету, в которую было завернуто мясо. Оказалось, в ней был напечатан малого размера портрет Сталина. Женщина воскликнула: "Ой, я даже и не посмотрела, покупая газету". "Ну вот, впредь будешь осмотрительнее", — ответил милиционер и увел женщину в здание милиции. Там составили соответствующий акт и водворили женщину в арестантскую. Оставшаяся подруга спешно пошла и сообщила об этом ее мужу, тот побежал в милицию справиться о жене. Ему ответили, что она арестована за то, что завернула мясо в газету, в которой был напечатан портрет Сталина. На это он с возмущением воскликнул: "Его лепят везде, где надо и не надо, так действительно за всем этим не всегда усмотришь!" За эти слова и его водворили в арестантскую и завели следственное дело".

Затем я, указав кивком головы на неподвижно лежавшего возле стенки человека, спросил: "А этот больной что

ли?” Товарищ ответил: “Был здоров, да следователь сделал его больным”. “Как же это случилось?” — осведомился я.

“Назад тому около трех недель, — сказал товарищ, — этот мужичок стоял возле промтоварного ларька, куда привезли для распродажи подушечные наволочки, сшитые из сатина различных расцветок. За несколько минут возле ларька образовалась толкучка с огромной очередью. Сбежавшиеся отовсюду женщины стали с криком расхватывать эти наволочки. Их давали не более трех штук в одни руки, чтобы досталось всем. Женщины стали подбирать покупаемые швейные изделия одинаковой расцветки с расчетом, чтобы сшить себе из них кофты, и эта распродажа обратилась в каверзное явление, и потому торг не обошелся без скандального крика, чуть ли даже не драки. Этот мужичок стоял поодаль и удивленно сказал: “Что это такое сделалось, что не стало никаких материалов? Раньше почему-то всего вдоволь было и торговцы зазывали в лавку покупателей, а если у кого не было денег, так давали в долг, в рассрочку, а теперь что-то ничего не стало...” Он с осторожностью и говорил, чтобы не проговориться да не сказать лишнего слова. Но вот какая-то сексотка быстро побежала в милицию и шепнула об этом начальнику. Тот, не теряя ни минуты, направил с нею милиционера. По договоренности женщина подошла к кому было нужно и, дав этим тайный знак милиционеру, сама отошла в сторону, чтобы быть не замеченной стоявшим повсюду народом. Милиционер увел ничего не подозревающего мужика в здание милиции и водворил в камеру предварительного заключения.

На другой день утром следователь стал писать со слов арестованного протокол допроса. Мужик не отказывался от того, что было им сказано. Следователь, исписав одну треть протокольного листа и видя, что это простоватый доверчивый человек, заставил его поставить свою подпись не в конце написанных строк допроса, как это принято в след-

ственной практике, а велел подписаться гораздо ниже, в самом конце протокольного листа. Мужик, не догадываясь о жульнической махинации следователя, поставил каракулями свою подпись там, где ему указали, и две трети листа остались неисписанными. После того как дежурный увел мужика в арестантскую, следователь, составив замысловато-выразительную речь с резкими нападками на Сталина, который объявлялся виновником экономической разрухи и крайней скудности народного бытия, дописал этот свой вымысел в конце протокольного листа, изобразив малограмотного мужика в роли громогласного оратора, велеречиво высказывавшегося перед собравшейся народной толпой. Очевидно, следователь хотел выслужиться перед вышестоящими инстанциями, которые за подобные речи должны были спровадить мужика на самое дно чекистского ада.

После окончания следствия на основании одной из последних статей уголовно-процессуального кодекса обвиняемому дается в руки составленное на него дело, и он знакомится со всеми показаниями свидетелей, а также со своими ответами на задаваемые вопросы, которые фиксировались следователем. После чего ставит свою последнюю подпись, подтверждающую, что он ознакомился с составленными на него обвинениями. Затем досье, то есть подшивка всех листов, листочков и шпаргалок, составившее из себя объемное уголовное дело, передается в судебные органы.

Следователь надеялся на скорый оборот делопроизводства, на то, что ему легко удастся одурачить малограмотного мужика, он думал, что тот, не знакомясь с делом, поставит не глядя свою последнюю подпись там, где он ему укажет, как это было при первом допросе. Но получилось далеко не так, как он предполагал...

Когда следователь дал в руки мужику подшитый к картонным коркам лист допроса с некоторыми дополнительными бумажками и велел поставить свою последнюю подпись

в указанном им месте, то мужик обратил внимание на то, что на единственном листе протокола его допроса, который был подписан им, не было того пробела, о котором он помнил, а потому начал перечитывать свои показания и, разобравшись в жульническом хитросплетении лжи, изумился этому злоумному вымыслу, сочиненному без зазрения совести блюстителем порядка и справедливости. Взяв ручку, он перечеркнул весь протокольный лист крест накрест, сказав: “Э-э-э, нет, этого я не говорил!” Следователь увидел, что мужик одним росчерком пера свел на нет всю его жульническую манипуляцию, над обдумыванием которой он так тщательно трудился и за которую надеялся получить должную награду, так как знал наперед, что эта подделка была бы принята судебной коллегией за чистую монету, потому что подобные дела проводились им не впервые, притом безнаказанно. Но вот вдруг неожиданная осечка... С досады ударив мужика наотмашь по щеке, он выхватил следственное дело и стал заново переписывать перечеркнутый протокол допроса. Когда он снова стал заставлять мужика подписаться внизу листа, тот прочитал все, что там было написано, и от предлагаемой подписи отказался. Тогда следователь вызвал дежурного милиционера и приказал, чтобы арестованного водворили в карцер. Мужика увели в самый конец нижнего этажа и затворили в темной, без окон камере с бетонированным полом, потом напустили в нее воды, в которой подследственный и простоял целые сутки.

На другой день милиционер опять привел мужика в кабинет следователя, и тот вновь стал принуждать его подписаться под вымышленным протоколом допроса, однако мужик наотрез отказался от вынуждаемой подписи. Тогда следователь, призвав к себе на помощь двух сослуживцев, устроил подследственному так называемый конвейер — они стали мучить его втроем. Суть “конвейера” заключалась в том, чтобы не дать ни на минуту вздремнуть или пе-

редохнуть подследственному страдальцу. Они заставили мужика стоять на ногах в служебном кабинете, не давая ему ни сесть, ни прислониться плечом или рукой к стене... Сами же они поочередно сменяли один другого через каждые четыре часа в течение суток, стремясь добиться того, чтобы мужик подписался под вымышленным протоколом.

Для мужика началась мучительная череда дней и ночей, тянувшихся с великой медлительностью. На четвертые сутки у него сперва распухли, а затем одеревенели ноги, и он едва-едва мог спускаться в нижний этаж здания для получения скудной порции пищи. Однако он не переставал упорствовать. Хотел было изловчиться и вздремнуть стоя, но наблюдавший за ним чекистский изувер, не поднимаясь из-за письменного стола, бил его по голове длинной линейкой.

Но вот, наконец, на двенадцатые сутки он от изнеможения потерял сознание и упал на пол. Мучитель облил его водой, потом постучал в лоб носком своего сапога, чтобы привести в чувство, и вновь предложил поставить подпись. Но мужик невзирая ни на что отверг его понуждения. Озверевший изверг схватил в руки валенок, стоявший в углу кабинета, и ударил этим примитивным орудием пытки по левому плечу мужика — тот от сокрушительного удара свалился на пол. Оказывается, валенок до половины был наполнен речным песком. Этот удар сотряс все внутренности избиваемого человека, однако на теле не оставалось синяков или ссадин.

Упавшему мужику пришла на ум мысль, что обезумевшие истязатели решили замучить его до смерти, а потому, еле поднявшись с пола, он взял ручку и подписался в том месте, куда указал ему бездушный служитель зла. После чего едва дышащего страдальца под руки увели в камеру и оставили до времени в покое, пока он чуточку не выздоровеет.

Через трое суток дежурный милиционер вывел меня из камеры в кабинет следователя, и тот многозначительно во-

просил: “Ну как, одумался ли?” “Нет, нет, — ответил я, — никогда в жизни не пойду у вас на поводу и не сделаюсь в угоду вашему желанию служителем зла”. Тогда он достал из сейфа кипу картонных корок с напечатанным на лицевой стороне словом “дело”. Одну отложил на письменный стол, а остальные положил на старое место, после чего, раскрыв оставленные корки, записал в них с моих слов фамилию, имя и отчество, год и место рождения и велел дежурному увести меня обратно в камеру. Я понял, что он завел на меня личное дело.

В тот же день вызвали и моего товарища и на него заполнили такое же личное дело.

Через два дня к зданию милиции подъехала черная милицейская автомашина, и трех человек — меня, моего товарища и больного мужика — привезли в тюрьму, где товарища поместили в одну камеру, меня — в другую, а больного мужика — в тюремный стационар, где он вскорости и умер, не дождавись судебного разбирательства.

Уголовники

Однажды в послеобеденную пору в камеру привели двух человек с большими мешками. Все семеро из шатии, что лежали вместе на нарах, стали усиленно приглашать к себе вновь пришедших:

— Мужички, давайте к нам, к нам идите, вот у нас тут есть свободное место...

Вновь пришедшие с великим удивлением обернулись на этих уветливых попечителей, которые с таким радушием зазывали их к себе, и, по всей вероятности, подумали, что эти люди, наверное, хорошо их знают.

Когда они подошли к нарам, один из зазывателей, обратясь к своим компаньонам, стал с вразумлением говорить:

— Вася Карзубый и ты, Федя Корноухий, несколько потеснитесь, пожалуйста, и дайте место мужичкам. Они пришли уставшие, да притом у них сейчас такая великая скорбь: они расстались с детьми и женами. Имейте же к ним хоть сколько-нибудь сочувствия...

Федя Корноухий любезно отозвался:

— Пожалуйста, пожалуйста, мы вот с Васей даже уступим свои места, пусть ложатся здесь, а сами мы ляжем на полу.

Вновь пришедшие сели на предлагаемое место, один из принесенных ими мешков положили в изголовье, а второй сразу же развязали и, желая щедро расплатиться со своими попечителями за оказанную любезность, вынули три круга колбасы, вареные яйца, сливочное масло, сахар, хлебные сухари и пригласили всю компанию пообедать вместе с ними. И вот вся шатия под села к развязанному мешку, и когда насытились, то как раз половина мешка опорожнилась.

Так же и на другой день: когда опять подсевшая к мешку шатия досыта наелась, то мешок полностью опорожнился, а потому волей-неволей пришлось развязывать и второй мешок.

Ночью, когда вновь пришедшие безмятежно спали, наглые компаньоны тщательно прощупали у них всю одежду и ознакомились со всеми заначками, то есть тайными зашивками, где находились припрятанные деньги, но оставили их пока нетронутыми. Однако в ночь на четвертые сутки, когда во втором мешке не оставалось уже почти продовольствия, они выкрали все припрятанные у мужиков деньги, а утром, когда был полностью опорожнен второй мешок, Вася Карзубый и Федя Корноухий, обратясь к ним, повелительно сказали:

— Ну так, а теперь освободите наши места!

Мужики в недоумении уставились на них, а шарлатаны, много не разговаривая, ухватили их за ноги и стащили с нар на пол и затолкнули под нары, бросив им туда же и опорожненные мешки.

Через несколько дней в камеру водворили четырех моряков, привезенных, как видно, с военного корабля. Эти четыре молодых парня, очутившись в камере, окинули быстрым взглядом все помещение и, не видя на нарах свободных мест, нерешительно стояли посреди камеры. За плечами у них были небольшие рюкзачки до половины чем-то наполненные. Через некоторое время они, сняв рюкзачки, положили их на край нар, а сами продолжали стоять, о чем-то тихо между собой разговаривая. Один тип из шатии, пользуясь моментом, что моряки увлеклись разговором, сумел быстро выхватить рюкзачок и спрятать его у себя за спиной. Один из моряков, заметив его пронирыльное движение, взглянул на рюкзачки и, не досчитавшись одного из них, запрыгнул на нары и обнаружил пропажу, после чего, забрав рюкзачок, ударил сидевшего на нарах вора кулаком по голове. Вор, поднявшись на ноги, нанес моряку ответный удар. Моряк, отбросив в сторону рюкзак, схватил вора обеими руками и, подмяв под себя, стал его нещадно бить. Тогда вся шатия враз, как по команде, поднялась и набросилась на моряка. Моряк крикнул "полундра" своим товарищам, и те трое запрыгнули на нары. Один из них вырвал доску из настила и начал ею орудовать. Одного он сразу же лишил возможности к сопротивлению, ударив ребром доски по плечу; второго хотел ударить по голове, но тот успел поднять руки над головой, потому удар пришелся по локтю правой руки; третьему из них кто-то из моряков нанес меткий удар кулаком под левый глаз, и глаз у него закрылся от вздувшейся опухоли. В общем досталось всем из этой шарлатанской клики: кому-то вышибли зуб, кому-то свернули нос... Уцелевшим остался лишь седьмой компаньон из шарлатанской ватаги, и то потому, что был двенадцатилетним мальчишкой и не принимал участия в драке. В конце баталии моряк с доской повелительно крикнул:

— Залазьте, паразиты, пока не поздно, под нары, а то я вас изуродую всех до единого!

И растерявшиеся шарлатаны, видя, что им не устоять в завязавшейся потасовке, прыгнули на пол и полезли под нары, провожаемые пинками моряков.

Надзиратель-ключник, услышав шум и крики, отворил дверь в камеру, но в ней уже все успокоилось, и он, окинув взглядом помещение, снова запер дверь на замок.

Но вот зазвенели звонки, возвещая о вечерней поверке. Шарлатаны, выбравшись из-под нар, встали в общий строй. Принимавший смену ответственный дежурный, пересчитав выстроившихся людей, сделал соответствующую отметку в журнале, после чего оба дежурных вышли из камеры. Моряки опять заставили шарлатанов заползти под нары. Те, повинувшись им, опустили на колени и убрались в назначенное для них место, а моряки заняли их места на нарах. Там лежали два матраца, слегка наполненные соломой, на которых прежде спали два почтенных шарлатана. Но моряки не пожелали ими воспользоваться и предпочли расположиться на голых нарах, оставив матрацы незанятыми. Легли они на спины, то есть вверх лицами, и вскоре крепко заснули, не остерегаясь того, что заимели себе в камере мстительных и коварных врагов.

Глубокой ночью, когда все арестанты спокойно спали, шарлатаны вылезли из-под нар, стянули матрацы, что лежали никем не занятые, солому из одного переложили в другой, а освободившуюся матрацовку, забравшись опять под нары, разорвали на несколько лент и свили из них четыре веревки. Затем эти веревки передали мальчишке, своему компаньону, спавшему на нарах возле моряков. Он, осторожно ступая между спящими моряками, пропустил концы от каждой веревки вниз сквозь широкие щели, бывшие между узкими досками в настиле нар, и потом, быстро накинув веревки каждому спящему моряку на горло, громким шепотом сказал:

— Готово, тяните!

И те, из-под нар, изо всей силы потянули спущенные им концы веревок и стали душить сонных моряков.

Двое шарлатанов: тот, что был с пришибленным плечом, и тот, что с поврежденной рукой, а вместе с ними и коварный мальчишка навалились поперек на лежащих моряков, не давая им возможности повернуться на бок, и так сообща задушили всех четверых, не дав им возможности вскрикнуть.

Утром, когда надзиратель-ключник, растворив дверь камеры, стал по одному выпускать всех на opravку, он заметил неподвижно лежащих на нарах четырех человек и, подойдя к ним, потянул одного из них за ногу, сказав:

— Выходите на opravку.

Но тот даже не пошевелился. Тогда он потянул за ногу сильнее, затем потрогал остальных трех, но и они были недвижимы. Ключник глянул на их лица — они были поси-невшими. Выскочив из камеры, он включил звонок тревоги, после чего в коридор сбежался весь служебный персонал тюрьмы.

Удушенных моряков вынесли из камеры, и началось дознание.

В течение трех дней всех арестантов из камеры вызывали на допрос к уполномоченному НКВД, и все как один сказали, что ничего не знают о совершенном преступлении, ибо оно было сделано ночью. Но один из допрашиваемых все-таки сказал следователю:

— Дело ясное, что это преступление совершено было не одним и не двумя, а целой группой убийц. Об этом, разумеется, вы догадываетесь и сами. На основании существующего уголовного кодекса вы это злодеяние будете рассматривать как обыкновенное бытовое преступление, не придавая ему особого значения, и впоследствии оно будет разбираться народным судом, для которого, конечно, должны быть представлены соответствующие данные: акт медицинского обследования и заключение врачей, а также протоколы до-

просов со свидетельскими показаниями. Но, спрашивается, кто же в данном случае изъявит желание быть свидетелем совершенного преступления, не боясь того, что, прежде чем он примет участие в суде, эта группа убийц удушит его в камере так же, как удушила этих молодых парней-моряков? Допустим, тюремная администрация предпримет должную предосторожность и отделит обвиняемых от свидетелей, распределив их по разным камерам, но после окончания суда обвиняемые и свидетели все равно когда-то будут находиться вместе в одном и том же пересыльном концлагере, а потому участь смертной расправы их не минует нигде. Так ради чего же свидетели должны подвергать себя этой опасности? Исключительно ради того, чтобы предоставить возможность соблюсти формальности в порученном вам деле.

Вот если бы существующий уголовный кодекс был согласован с принципом древнейших веков: око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь, то это преступление, конечно, не было бы совершено только лишь потому, что убийцы знали бы наперед, что поплатятся за него своей жизнью. К тому же подобное явление не давало бы повода к преступности в будущем.

Наш уголовный кодекс преисполнен множеством поразительных несуразностей. Удивительнейшая нелепость: если бандит убьет одного человека, то его приговорят к десяти годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в обыкновенном исправительно-трудовом лагере. Но, если он убьет враз двух человек, то его приговорят к расстрелу. Отсюда можно сделать вывод, что наши государственные правители жизнь злодея-бандита считают равноценной двум жизням обыкновенных людей, загубленных его разбойничьей рукой. Второе не менее того возмутительное явление: если бандит, приговоренный к десяти годам лишения свободы, находясь в тюрьме либо в концлагере, через два-три месяца совершит там второе убийство, то его, по существую-

щему уголовному кодексу, приговорят еще к десяти годам лишения свободы, и начало отбывания срока наказания будет считаться со дня вынесения нового приговора. Если же он, находясь в заключении, опять совершит убийство, то ему вынесут новый приговор — опять десять лет, и так до бесконечности. Однако этого двуногого волка, губителя душ человеческих, не расстреляют ни под каким предлогом из-за нелепого убеждения, что “бандита можно исправить”, ибо так сказал великий Ленин. А все, что было когда-то сказано им, обсуждению не подлежит. Поэтому двуногим волкам хоть в тюрьме, хоть в концлагере предоставлена безграничная свобода к совершению тяжких преступлений.

Так это уголовное дело по удушению моряков осталось без последствия и со временем было предано забвению.

Через четыре дня после этого чрезвычайного события в камеру водворили нового арестанта, осужденного к десяти годам лишения свободы. Шарлатанская клика, увидев его, в один голос воскликнула:

— О! Толик-чистодел! Какими судьбами, браток, попался в милицейские лапы?

Тот, подсев к ним на нары, стал рассказывать о своем преступлении:

— Два месяца назад заехал я сюда на несколько дней в гости к своему дяде. Однажды на окраине города высмотрел довольно большой магазин всего лишь с одним продавцом. В конце дня, перед закрытием, я подобрал удобный момент, когда в магазине не было покупателей, и зашел будто бы купить пачку папирос. Дал продавцу пятидесятирублевую купюру, и он, выдвинув из-под прилавка денежный ящик и низко наклонив голову, стал набирать мне сдачу. Под мышкой у меня был железный гвоздодер, обернутый газетными листами. Улучив момент, я ударил его из-за прилавка гвоздодером по голове и сразу убил. Перескочив через прилавок, выгреб все деньги из ящика и поспешно

ушел из магазина. Потом зашел в дом дяди, взял свой чемоданчик, отправился на вокзал и сразу же уехал из города.

Следователь, прибыв на место совершения убийства, обнаружил там брошенный мною второпях гвоздодер, обернутый газетным листом, на котором, как оказалось, был обозначен номер дома и фамилия домовладельца, а несколько поодаль от этой надписи другим почерком было написано слово “читана”. Одна из почтальонок, вызванных следователем, распознала газету с ее участка и указала нужный адрес.

Придя в указанный дом, следователь спросил хозяина: “Ваша ли это газета?” Хозяин, увидев на ней надпись “читана”, сделанную когда-то его рукой, ответил: “Моя”. “Что означает эта надпись “читана”?” — спросил следователь. Хозяин сказал: “Когда я прочитаю свежую газету, то пишу на ней слово “читана””, потом отдаю ее хозяйке на домашние нужды”. Далее следователь показал хозяину гвоздодер: “Ваша ли это вещь?” Хозяин, увидев свой гвоздодер, изумленно ответил: “Мой”. Потом с нерешительностью спросил: “Как же он очутился в ваших руках?” Следователь в ответ: “Кто жил у вас в доме в последние два-три дня?” Хозяйка, опередив хозяина, ответила: “Племянник”. Следователь записал с ее слов все мои данные: фамилию, имя, отчество, год рождения, место жительства — и спросил об отличительных чертах и телосложении. “Коренастый”, — ответил хозяин. — “Какого роста?” — “Выше среднего”. — “Какого цвета глаза?” Хозяин задумался, вместо него ответила хозяйка: “Карие”. — “Цвет волос?” “Черный”, — ответила она же.

Следователь сразу отправился на розыск. На узловой станции, где я торчал несколько дней из-за отсутствия свободных мест на проходящие поезда, распроклятый мент, приехав туда, среди множества бывших там людей уличил меня.

После вечерней поверки все разлеглись по своим местам. Один тип из шарлатанской клики обратился к человеку, лежавшему на нарах рядом с их шайкой.

— Мужичок, — сказал он, — ты знаешь, что в нашем братстве сегодня пополнение. Ты из уважения к ворам уступи свое место нашему вновь пришедшему дружку.

— А я куда должен лечь? — спросил лежащий на нарах.

— Ну, а ты залазь под нары, — посоветовал тот ему в ответ. — Ты же фраер, а не вор — что ж тут такого? Тебе же известно, что воры пол в камере не моют, туалетный бакчок не выносят — вместо них это делают другие, смирившись с обстоятельствами. Так смиришься же и ты — уступи свое место нашему дружку.

— С какой же это стати я ни с того ни с сего должен в угоду кому-то уступить свое место на нарах, а сам лезть спать под нары? — возмутился лежавший и добавил: — Раз он вновь пришедший, то пусть залазит под нары по существующему камерному правилу, а когда освободятся места на нарах, тогда и займет себе место, какое найдется.

— Мужик, осознай положение — вору неприлично лежать под нарами, — назойливо стремился внушить ему вымогатель.

Однако тот не хотел и слушать его уговоров.

Почетнейший из числа шарлатанской клики старый вор-рецидивист с темным, как у эфиопа, лицом, поднявшись со своего места подошел к краю нар и, возвысив голос, обратился к сопротивляющемуся:

— Мужик, освободи место по-хорошему!

Но тот, не поддаваясь на их шантаж, ответил:

— Нет, не уступлю! — и, приподнявшись, сел на своем месте.

Тогда бандит, яростно сверкнув глазами, приглушенно прошипел:

— Ах ты, падло настырное! — и, пригнув к ладони три пальца правой руки — большой, средний и мизинец, а указательный и безымянный выпрямив, сделал из них подобие вилки и ткнул этими пальцами сидящему человеку в глаза,

сразу же ослепив его. Осаждаемый обладатель места вскрикнул и обеими руками схватился за лицо. В ту же секунду оба бандита, схватив его один за правую, второй за левую ногу, сбросили его с нар, и человек тот при падении сильно ударился затылком об пол, так что у него даже пошла носом кровь. Освирепевший бандит после учиненной расправы над непокорным взмахнул рукой и обратился с назидательной речью к находящимся в камере:

— Знайте, фраера, что уважение к ворам достигается только так, хоть в тюрьме, хоть в концлагере. Хозяева здесь мы, ибо тюрьма — это наш родной дом, в ней мы возросли, в ней мы и состарились, а потому имейте в виду, что ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях мы не попустим вам ни единой поблажки, ни малейшего преимущества над собой. Вы всегда и везде будете находиться под нашим угнетением во все годы своего заключения, и ваша доля — это с покорностью, без пререканий уступать нам во всем, всегда и везде. Так или этак, но мы бесконечно будем гнуть ваше фраерское своеволие под свое владычество, не давая вам в этом ни малейшей льготы, и вы нигде не укроетесь и не увернетесь от этой своей зависимости от нас.

Затем он улегся на свое место. Соучастник же его занял захваченное ими пространство, а вновь пришедший Толик-чистодел лег на его прежнее место.

После нескольких минут молчания шарлатан, нахально залезший на чужое место, приподнявшись на локте, полупешотом обратился к находившимся возле него людям:

— Что вы за дурные фраера, что ни в чем не хотите уступать ворами, а, напротив, во всем желаете сравняться с ними. По вашему здесь никогда не было и не будет. Вот он — шалопутный олух — хотел настоять на своем, ну и поплатился, получив по заслугам, а если б поступил так, как ему предлагали, то был бы не клят да и не мят. Где это было слыхано, чтобы прославленный вор-медвежатник,

имеющий на своем счету уже пятьдесят семь убийств, полез бы спать под нары, а ничтожный фраерюга лежал бы на нарах, выказывая этим свое превосходство над вором?!

Лежавшие под нарами стали перешептываться, спрашивая один другого, что это за звание — “вор-медвежатник”? И один из них, уже бывавший в потаенных вместилищах великотюремного чекистского ада среди этой сатанинской своры преступников-рецидивистов, объяснил, что знал из их жаргона.

— Вор-медвежатник, — сказал он, — это крупный уголовник, принимающий участие в ограблении банков, сберегательных касс, магазинов и прочих государственных денежных местохранилищ. Вор-краснушник является окрадывателем частных домов и коммунальных квартир. Вор-щипач — это мелкий жулик, окрадывающий людские карманы. Но должен сказать вам, любезные, что всех нас в будущем ожидают томительные муки бесконечного засилья. Все дни мы будем находиться под двойным гнетом: с одной стороны, нас будет бесчеловечно эксплуатировать в местах заключения концлагерное начальство, не давая разгибаться нашим спинам от тяжелой принудительной работы, с другой стороны, вот эти разные медвежатники, краснушники, щипачи и прочая паразитская нечисть, находясь между нами, будут как пиявки высасывать из нас кровь вместе с жизнью, ибо предназначенную для нас пищу, мало-мальски заправленную жиром, будут поедать они, повара в концлагерях будут выделять им лучшие и большие порции, мы же будем питаться остатками. Те ничтожные копейки, что начислит нам бухгалтерия за кабальные труды, будут ими отниматься у нас. Вот этот мерзкий двуногий шакал сейчас говорил во всеуслышание, что мы всегда и везде будем находиться под их гнетом. Так оно и будет, потому что начальники концлагерей на своем многолетнем опыте убедились, что бригадиры из этой шарлатанской клики бывают лучши-

ми погонщиками рабочих на любом строительстве, на любых земляных разработках, на любых таежных освоениях. Начальники знают, что эти шарлатаны сами работать никогда не будут, но они являются движущей силой, ибо каждый бригадир имеет одного или двух неработающих помощников из своей шатии и они изуверскими побоями заставят работать отданных им в подчинение кабальных тружеников, добываясь от них полуторного или даже двойного перевыполнения производственных норм. Многие умрут на этих изнурительных работах при ежедневном переутомлении, но начальники концлагерей не будут опечалены этим явлением. В конце года они потребуют от Москвы пополнения людских ресурсов и на вопрос: “Куда же вы дели ту массу людей, что была этапирована к вам в недавние месяцы?” — спокойно ответят: “Вы перевыполнение плана получили? А потому за сохранность людей не спрашивайте и шлите новое пополнение”. И с этим пополнением не замедлят — повторные этапы со всех концов страны эшелонами двинутся на зов этих начальников, дабы пополнить свежим народом опустевшие адские вместилища.

Попытка побега

В начале каждой десятидневки арестованных выводили в баню, которая находилась в тюремной ограде. Там же производилась дезинфекционная прожарка белья и всей верхней одежды. Охранник, сопровождавший людей до бани, оставался вне ее и все время, пока люди поочередно маленькими группами мылись, сидел во дворе.

Шарлатанская шатия в продолжение этих часов время понапрасну не теряла. Один из них увидел где-то вбитую строительную скобу, и все они, взяв из бани железную коцергу, совместными усилиями стали выворачивать ее.

Пока одни наблюдали за охранником, другие довершили начатое дело.

Возвращавшихся из бани людей обычно не подвергали тщательному обыску, считая что они находились под непрерывным наблюдением охранника, и шарлатанская клика, воспользовавшись этим попусшением, сумела пронести скобу в камеру, завернув ее в грязное белье, и потом запрятать под нарами.

На следующий день они постоянно скручивали кусочки ваты, надерганной ими из телогреек, делали из них подобие малюсеньких кужельков и потом ботинком или туфлей, имевшими кожаную подошву, быстро-быстро катали взад и вперед по половине этот сверточек ваты, и он от трения загорался внутри, тогда его разрывали пополам, раздували и поджигали от него кусочек газетной бумаги, которой там было довольно много, потому что надзиратели-ключники ежедневно давали ее в камеру на изготовление сигарок. И вот, зажигая бумагу, они тщательно просмотрели под нарами весь плинтус. Выяснилось, что он состоял из трех частей и средняя часть его имела косой однообразный запил на обоих концах, притом была заложена за два крайних отрезка. В дневное время, когда в камере стоял шум, они, подсунив конец скобы под этот средний отрезок и вместе с тем положив на плинтус ватную душегрейку, чтобы глушился треск от вытаскиваемых гвоздей, исподтишка стали выворачивать отрезок плинтуса. Когда возникал резкий звук — останавливались, чтобы не привлечь внимания ключника, и, переждав пятнадцать-двадцать минут, продолжали свое дело и только к вечеру с великой осторожностью сумели вытащить часть плинтуса вместе с гвоздями. Затем, взяв гвозди из стороны в сторону, сломали их, а сорванный отрезок плинтуса заложили на прежнее место.

На другой день таким же образом сумели оторвать концы трех досок, находившихся прежде под плинтусом, и, при-

подняв их, ночью опустились в подпол. Пол был довольно высоко над землей — и под ним можно было свободно ползать под зданием. Произведя тщательную разведку, они облюбовали место для подкопа под соседней камерой возле самой стены, находившейся примерно в восьми метрах от тюремного забора, и в следующую ночь принялись за работу.

Чтобы надзиратель-ключник не обратил внимания на свободные нары, шарлатаны после отбоя уложили на свои места восемь человек из-под нар, а сами спустились в подпол и скобой стали рыть вертикальную яму возле самой стены. Углубившись примерно на полтора метра, начали копать в сторону тюремного забора. Рыли вдвоем: впереди продвигался мальчишка, делая узенькую выборку, за ним лез Толик-чистодел, расширяя эту узкую штольню отрезком плинтуса.

В камере на столе стояло несколько эмалированных мисок. Шарлатаны заранее выбрали две самые большие, пробили в краях отверстия имевшимися у них сломанными гвоздями, просунули в отверстия толстые шнурки и привязали к ним бывшие у них четыре веревки. По мере продвижения вперед миски, наполняемые землей, они просовывали под себя, находившиеся сзади веревками подтаскивали их к вертикальной штольне и подавали наверх, а те, кто оставался наверху, разбрасывали и разравнивали эту землю под полом.

Дело у них продвигалось довольно быстро, так что на десятую ночь работа стала подходить к завершению, но тут случилось неожиданное преткновение. Повредился один из прожекторов возле сторожевой вышки. Спешно вызвали электромонтера. Он явился с длинной тяжелой лестницей, его впустили на территорию запретной зоны, и он, идя вдоль забора, вдруг неожиданно провалился сквозь землю выше пояса. Выбравшись из провала, он сообщил о странной оказии ответственному дежурному. Тот, осмотрев провал, дал сигнал тревоги, по которому сбежались все тюремные охранники. Через некоторое время принесли лом,

кирку, лопату и стали обваливать слой земли, находившийся над прорытой штольней. После того как часть земли выбросили на поверхность, обнаружился лаз под стену корпуса, однако забраться туда никто из них не решился. Ответственный дежурный спешно отправил одного из охранников за территорию тюремной ограды, чтобы удостовериться, был ли выведен этот пролаз вовне. Тот не обнаружил предполагаемого отверстия наверх от потаенной штольни, и стало понятно, что побег не был совершен.

Тогда в коридоре корпуса вырвали из пола несколько досок, и один из охранников, худощавой комплекции, спустился в подпол и стал ползать под зданием тюрьмы. После долгих поисков он обнаружил начальное место подкопа. Возник вопрос: в какой именно камере находились совершители подкопа? Сначала зашли в ту камеру, под полом которой находилось начало обнаруженного пролаза, произвели там тщательный осмотр, простукивая каждую доску пола, но не обнаружили никаких признаков подкопа. Затем пошли в камеры смертников, проверили их с крайней тщательностью, однако и там не обнаружили никаких следов. Затем стали осматривать все камеры и, придя к нам, нашли поврежденное место в полу, после чего выгнали всех лежащих под нарами людей в коридор и начали бить всех подряд. Первым ударили замком по шее того человека, которому шарлатан несколько дней назад ткнул пальцами в глаза (зрение у него восстановилось, но белки были все время красными), этот человек после нанесенного ему удара свалился на пол, потом, еле-еле поднявшись, побрел в камеру. Вторым стоял я, и мне охранник ударил замком по шее. У меня после этого во рту сделалось солоно-солоно, я потерял равновесие, но все же не упал. И так зверски били всех, кто лежал под нарами, а шарлатанская свора осталась не клята и не мята.

После случившегося переполоха в камеру пришел плотник с инструментом и старательно прибил длинными гвоз-

дями оторванные половые доски, затем такими же гвоздями дополнительно прибил и все остальные половицы на обеих торцевых сторонах камеры. После его ухода дежурный стал производить переключку по принесенной им картотеке, и каждый выкликнутый по фамилии арестант называл свое имя и отчество, после чего переходил с одной стороны камеры на другую.

Когда дошел черед до шарлатанской компании, то первый из них — почетнейший забулдыга — после окликивания назвал свою фамилию, имя и отчество и хотел было перейти на другую сторону камеры, но дежурный, остановив его, сказал:

— Он же...

Тогда шарлатан назвал вторую свою фамилию, второе имя и второе отчество, после чего дежурный с развязностью повторил:

— Он же... *

Шарлатан назвал свою третью фамилию, третье имя и третье отчество и после этого перешел на другую сторону камеры.

Затем дежурный выкликнул фамилию второго шарлатанского забулдыги с повторением слов "он же... он же...". И тот, как и первый, назвал три свои фамилии, три имени и три отчества. После них дежурный выкликнул фамилию Толика-чистодела, и тот назвал двенадцать своих фамилий, двенадцать имен и двенадцать отчеств. И вот оказалось, что вся эта волчья стая состояла из многофамильников, за исключением мальчишки, который не успел еще пока столь обогатиться.

После отбоя я, забравшись на свое место под нары, шепотом обратился к человеку, которому известны были многие тайны тюремного ада.

— Меня крайне удивила, — сказал я, — эта великая странность, что человек имеет двенадцать фамилий, двенадцать имен и двенадцать отчеств.

— И подивитесь тому, — ответил мой собеседник, — что он, окаянный, ничуть не спутался, называя их, — стало быть, столь долгое время проживал под этими фикциями, что они глубоко запечатлелись в его памяти.

— И что за нужда была ему иметь такое количество фиктивных имен?

— Дело в том, — ответил собеседник, — что этот рецидивист после первого побега из концлагеря убил первого попавшегося близкого ему по возрасту человека, переделал в его одежду, вследствие чего стал неузнаваем, забрал его паспорт, искусно вклеил в него свою фотографию и стал жить под другой фамилией, другим именем и отчеством. А убитый человек был закопан им в землю, чтобы скрыть следы преступления и не подавать повода милиции к объявлению розыска попавшегося ему в руки паспорта. На этом все закончилось. Его личное дело с фотографией и дактилоскопическими отпечатками из концлагеря, где он прежде содержался, начальник направляет в Москву, в отдел Всесоюзного уголовного розыска, и там оно хранится долгие годы.

Поскольку эти необратимые уголовные преступники, привыкшие к разгульно-паразитическому образу жизни, предаются мерзкому разврату, беспохмельному алкоголизму и прочему дикому неистовству, то сам этот разбойничий быт не дает им возможности выбраться из колеи повседневно-праздной жизни и поневоле толкает их на новые преступления. И они совершают их ежемесячно, может быть, еженедельно и даже чаще, в зависимости от оскудения запаса денег, которые они, бывает, во время картежных игр проматывают до копейки, после чего в силу необходимости отправляются за новой добычей. И бывают случаи, что некоторые из этих преступлений раскрываются, и совершители их, не успев вовремя скрыться, попадают за решетку. Так попался и этот Толик-чистодел. Его выдала газета с обозначенным на ней адресатом, а он, будучи уверен в том, что его оче-

редное убийство осталось неузнанным, как и многие былые злодеяния, находился в состоянии рассеянного успокоения на вокзале узловой станции, где и повстречал его сыщик.

Нужно заметить, что следователь, будучи физиономистом, разыскивал его не по паспорту, предугадывая, что тот у него должен быть фиктивным, а по внешним приметам, о которых сообщили ему родственники — дядя и тетя. Но в основном, конечно, разыскал его по выражению лица, и особенно глаз, потому что у подобных криминальных типов многие совершенные ими преступления оставляют с течением времени на физиономиях своеобразный отпечаток, а взгляд их становится особенно тяжелым и сверлящим, что выделяет их из числа обычных людей. Так этот многофамильный волк неожиданно попался как кур во щи после своего одиннадцатого побега из концлагеря.

По окончании следствия он был приведен в зал суда, где производилось новое, двенадцатое по счету рассмотрение его очередного бандитского злодеяния с убийством, однако суд вынес ему тот же приговор, что и в предыдущие одиннадцать судебных заседаний: "Десять лет лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере".

Его фотография и дактилоскопические отпечатки были направлены для сверки и выяснения личности в отдел всесоюзного уголовного розыска, и только там распознали его криминальную маскировку со всеми прежними судимостями под различными фамилиями и одиннадцатью побегам из разных концлагерей...

Если б не эта сегодняшняя случайность, то и в эту ночь он опять очутился бы на свободе и, может быть, в течение двух-трех суток заимел бы новую, уже тринадцатую фамилию, то есть, убив человека, примерно равного ему по возрасту, воспользовался бы его паспортом и стал бы жить под его фамилией, как это уже было неоднократно, и опять продолжил бы свой прежний бандитский образ бытия.

Напрашиваются невольные вопросы: отчего же так происходит, по какой причине? из-за каких препятствующих обстоятельств верховная прокуратура зашла в тупик и оказалась несостоятельной в деле пресечения этих чудовищных проявлений неукротимого бандитизма, совершающегося в наши дни? разве не хватает силы у милиции расправиться с этой уголовной скверной? Ведь понятно всем, что эта нечисть множится и усиливается с каждым годом на глазах всех граждан страны, вследствие чего нет житья благочестивым людям от этой мерзкой нечисти. Однако об этих явлениях не встретишь ни единого печатного слова ни в одной из наших газет или журналов — все это тщательно глушится или скрывается. В чем же дело? Ведь раньше этого не было... А дело в том, что наши деспоты-властители, находящиеся теперь у власти, в молодости были подобны этому шарлатану Толику-чистоделу. Они, неоднократно совершали дерзкие побеги из далекой Сибири, поэтому и потворствуют этим двуногим волкам, подобным себе.

Добровольные страдальцы

В один из дней заканчивающегося лета на помост тюремной вахты взошли двое бородатых стариков и три женщины средних лет и остановились перед низкой дверцей вахтенной калитки, которая преграждала вход на территорию притюремного рабочего двора. Она запиралась длинным шкворнем, один конец которого проталкивался в отверстие, просверленное в бруске дверцы, а другой — через иное отверстие был просунут в помещение вахты. Дежурный вахтер, когда ему нужно было кого-либо пропустить во двор, вытягивал шкворень из калитки, проходящий человек рукой отворял ее и проходил вовнутрь, затем дверца захлопывалась прибитой к ней растяжной пружиной, и вахтер запирал калитку на шкворень.

Пришедшие старики сняли с голов картузы, перекрестились и, устремив взор через широкое окно, глянули внутрь вахты — там сидел тюремный охранник и покуривал свернутую им из газетной бумаги сигарку. Один из стариков, обратясь к нему сказал:

— Гражданин хороший, пропусти-ка нас, пожалуйста, в тюрьму: там находите наш священник, так мы хотим вместе с ним страдать за Христа.

Вахтер, взглянув на них с недоумением, ответил:

— Откуда это вас черт принес сюда, дураков помешанных?! Да еще и картузы с голов сняли, как будто бы в Русалим пришли...

Одна из женщин поспешно проговорила:

— Да мы знаем, что здесь не Иерусалим, но мы хотим находиться вместе с дорогим нашим батюшкой и страдать за Христа.

Вахтер громко крикнул:

— Убирайтесь сейчас же отсюда подобру-поздорову, а то я вот выйду да надаю всем вам по шеям!

Старик, учтиво кланяясь ему, стал просить:

— Гражданин хороший, да пусти же нас, пожалуйста, в тюрьму к нашему дорогому батюшке, чтобы нам “плыть вместе и тонуть вместе”.

Вахтер, растворив двери вахты, выбежал на помост и вытолкал всех их одного за другим с вахтенного помоста наружу.

В это время к въездным воротам подъехал возчик с телегой, нагруженной какими-то мешками. Вахтер через другие двери вахтенного помещения вышел во двор, держа в руке ключ, подошел к воротам, отомкнул большой замок и раскрыл настежь обе створки ворот.

Когда возчик стал заезжать, стоявшие поодаль два старика и три женщины как по команде стремглав побежали внутрь рабочего двора по другую сторону телеги, отделявшей их от вахтера, но растерявшись и не зная, куда бежать, устремились было к близ находившейся канцелярии.

Вахтер, поспешно затворив ворота, со сквернословным криком помчался вслед за ними и, догнав стариков, сперва ударил кулаком по голове одного, затем другого, да так сильно, что картузы слетели с них и покатались по земле, как два колесника. Старики бросились за ними. Тем временем вахтер, обогнав трех убегающих женщин, стал впереди них и, махая руками, погнал обратно к вахте, затем, поравнявшись со стариками, схватил обоих за шивороты и потащил к вахтенной калитке и, открыв дверку, вытолкнул наружу, после чего выгнал и женщин.

Прошло с полчаса...

К воротам опять подъехала та же телега, уже опорожненная, и вахтер снова вышел и растворил ворота.

Старики и женщины, увидев опять представившуюся им возможность забежать на территорию рабочего двора, стремглав помчались туда. Вахтер успел-таки в воротах задержать одного из стариков и со сквернословным криком стал ожесточенно бить его, сбил на землю и, схватив за руку, волоком вытянул за ворота. Наспех втолкнув в петли дужку замка, побежал догонять тех четверых, что забежали на территорию двора. Настигши второго старика, стал его так же нещадно бить, как и первого, и так же волоком потащил через вахтенную калитку за зону, а затем побежал вслед за женщинами. Они, добежав до помещения канцелярии, отворили в нее дверь, думая, по всей вероятности, что там находится их любезный батюшка, но, увидев какого-то одиноко сидящего за письменным столом охранника, с удивлением глядевшего на них, в растерянности попятились назад.

В это время вахтер, запыхавшись до хрипоты, подбежал к ним и ударил каждую из них кулаком по спине. Женщины, закричав, стали навзрыд плакать.

Смягчившись сердцем, он прекратил экзекуцию, но с громким криком погнал их к вахте и, отворив калитку, выпроводил за зону. Затем, покричав, размахивая руками,

еще некоторое время и добавляя при этом в свою речь многие нецензурные прилагательные, существительные и глаголы, он зашел в помещение вахты, взял телефонную трубку и стал докладывать:

— Товарищ начальник, к помещению вахты подошли какие-то безалаберные люди — два старика и три бабы, по внешнему виду люди как будто нормальные, но по поступкам их, какие они тут вытворяют, можно заключить, что они выходцы из дома умалишенных.

После некоторого молчания — видимо, начальник о чем-то расспрашивал его — он возбужденно начал пояснять:

— Они как ошалелые забегают на рабочий двор и просят, чтобы я впустил их в тюремную камеру, в которой находится какой-то священник, которого они называют своим батюшкой, и неотступно просят к нему, чтобы быть им вместе с ним и страдать за Христа. Притом со слезами на глазах все время повторяют какие-то нелепые слова: "Хотим плыть вместе и тонуть вместе с нашим дорогим батюшкой". Скажите, как мне поступить?

Начальник за разъяснением обратился к прокурору, сказав ему все, что слышал от вахтера. Прокурор ответил:

— Водворите, непременно водворите их в камеру, только не в ту, в которой находится священник. Я сегодня же пришлю санкцию на их арест.

После этого начальник дал указание вахтеру об их аресте.

Выйдя на помост, вахтер обратился с призывом к стоявшим несколько в стороне и не охлаждающим еще в своей ревности пришельцам:

— Ну, кто из вас желает страдать за Христа? Заходите! — и отворил привахтенную калитку.

Обрадованные его дружелюбным голосом, простодушные странники и странницы с поспешностью взошли на помост и прошли через калитку во двор, при своем шествии радостно повторяя:

— Спаси тебя Господи, спаси тебя Господи, добрый человек...

К этому времени по указанию начальника тюрьмы вышел ответственный дежурный и повел этих доброхотных искателей неволи в канцелярию. Там на каждого из них было заполнено личное дело с обозначением фамилии, имени и отчества, места и года рождения, потом у всех сняты дактилоскопические отпечатки.

С ними были два узелка, в одном из которых была книга акафистов, а во втором — Следованная Псалтирь. Они, идя в тюрьму, рассудили меж собой, что батюшка будет нуждаться в этих книгах во время всеобщего молебствия. Когда у них изъяли обе принесенные книги и положили их в ящик письменного стола, то они стали возмущенно возражать и протестовать, объясняя, для какой надобности принесли сюда эти книги, но, услышав в ответ, что книги эти принесены будут перед началом молебствия, поверили этому и успокоились. Им представлялось, что их батюшка, находясь в тюрьме, совершает общенародные моления на память — без книг и все люди, находящиеся возле него, стоят на коленях с великим благоговением и сокрушением сердца и со слезами молятся Богу о своих грехах и грехах всего мира. Никто из них никогда в жизни не поверил бы тому, кто им сказал бы, что их батюшка, находясь в тюрьме, не вылезит из-под нар и даже не помышляет о каком бы то ни было молебствии.

Через пятнадцать-двадцать минут их завели в тюремный корпус, где они увидели великое множество дверей, расположенных по одной стороне необыкновенно длинного коридора. Они немало были смущены каким-то непонятным для них приглушенным шумом, наподобие того, какой бывает слышен на молочном заводе от нескольких работающих сепараторов, тогда как они надеялись услышать мелодичное молитвенное пение. Ответственный дежурный, отделив женщин от стариков, повел их в самый конец коридора, где

находилась женская камера. Ключник последовал за ним, оставив стариков стоять на месте, и, открыв там камеру, запустил в нее женщин. Затем, вернувшись к старикам, впустил и их в особую камеру.

Переступив через порог этого пространного мрачного помещения, бородачи были объаты ужасом при виде множества людей, сидевших и лежавших на полу и на нарах и вполголоса разговаривавших меж собой. Под потолком висела сплошная синяя пелена табачного дыма. Большинство из находившихся в камере были раздетыми до пояса по причине сильной жары. Пройдя несколько вперед, старики стали осматриваться — свободных мест не было ни на нарах, ни под нарами, ни даже в проходе — везде сидели и лежали люди, чуть посвободнее было лишь возле туалетного бачка. И тут они волей-неволей сели на пол, как и все прочие люди.

Сердца у обоих стеснило нахлынувшее тяжелое чувство уныния при виде той потрясающей душу картины, которую пришлось им увидеть. Долгое время, понурясь, сидели они молча, иногда переглядываясь друг с другом. Вдруг к ним подошел какой-то человек, вся грудь, спина и руки которого были разрисованы множеством татуировок, и, обратясь к ним, спросил:

— Мужики, по какой же статье уголовного кодекса ведут вам следствие?

— Да ни по какой, — ответили они.

— То есть как ни по какой? — переспросил он.

— Да так, мы сами пришли сюда добровольно, чтобы страдать за Христа.

— Да ну?! — удивился он. — Вас завтра же выгонят отсюда!

— А мы не пойдем, — ответили они, — потому что сами пришли сюда.

Все находившиеся в камере устремили внимание и слух к начавшемуся разговору.

— Ну как же это могло получиться? — неотступно допытывался подошедший. — Уму непостижимое явление — вы сами добровольно пришли в тюрьму?!

Тогда один из стариков начал подробно рассказывать о том, как они пришли к тюремной вахте в поисках своего дорогого батюшки, и по окончании рассказа все находившиеся в камере громко рассмеялись.

В это время раздался звонок, извещающий о вечерней поверке, затем прозвенел отбой, в камере смолкли разговоры и люди погрузились в глубокий сон. Добровольные искатели неволи легли спать там, где сидели, — возле туалетного бачка, и так крепко заснули, что не слышали, как ночью шарлатаны обыскали их, спящих, с головы до ног с немалой утратой для них. Дело в том, что, собираясь в далекую дорогу, они зашили на всякий случай в свою одежду довольно большую сумму денег, чтобы понемногу расходовать ее на свои бытовые нужды и нужды любезного батюшки, но шарлатаны, нащупав у них припрятанные сбережения, вырезали их вместе с тканью верхней и нижней одежды, оставив ни с чем простодушных пришельцев. Поднявшись утром и осознав постигшую их беду, они загрузили до отчаяния.

В полдень, производя обход тюрьмы, начальник зашел и в их камеру. Добровольные пришельцы обратились к нему со своей просьбой, взывая:

— Гражданин начальник, мы по своей безрассудности пришли вот к вашей тюрьме, разыскивая своего дорогого батюшку, надеясь на то, что вы позволите нам встретиться и побыть вместе с ним. Но сейчас мы осознали, что эта встреча, конечно, невозможна. Так выпустите нас, пожалуйста, отсюда, и мы уедем домой.

Начальник, пристально посмотрев на них, ответил:

— Что же вы так быстро охладели в своем замысле страдальческого подвига? Вчера только с таким неотступным рвением добивались нашего разрешения на свое определе-

ние в тюрьму, но, побыв здесь всего только одну ночь, уже и спятились от своего целеустремления. Нет-нет, подольше погостите, подольше...

Добровольные пришельцы замолчали, не зная, что на это и ответить. Начальник вышел из камеры. А они остались сидеть с поникшими головами, удрученные неизреченной печалью.

Вдали от тюремных стен им воображалось, что находиться в камере или уйти из нее домой — все это зависело от их произволения, ввиду того что они сами добродушно изъявили желание страдать за Христа... но только вместе со своим дорогим батюшкой. Если же это условие почему-либо не будет выполнено, то они — добровольные страдальцы, не сделавшие никакого преступления против законов государства, — имели право на добровольный выбор неволи или свободы.

Но вот потянулись дни за днями их томительной страдальческой жизни в ожидании своего освобождения из-под стражи, зависящего всецело, как они думали, от благоволения начальника.

Через две недели, производя обход тюрьмы, начальник опять зашел в камеру, где находились добровольные страдальцы. Они в состоянии душевного возмущения стали настойчиво требовать своего освобождения, ссылаясь на то, что они ни в чем не виноваты и не нарушали никакого закона. Начальник ответил, охлаждая их пыл:

— Знайте, что вы сейчас находитесь на положении арестованных и на ваше содержание под стражей у нас имеется санкция прокурора. Ваше следственное дело, заключающее в себе единственный акт, составленный тюремной администрацией по поводу совершения вашего безалаберного поступка, направлен в Москву на рассмотрение спецзаседания тройки ОГПУ. Ожидайте себе приговора на заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок не менее восьми лет.

После этого начальник вышел из камеры, а добровольные страдальцы остались стоять как громом пораженные.

Собравшаяся вокруг них компания рецидивистов подняла адский хохот с приговариванием:

— Дураки! Дураки! Ха-ха-ха! Из дураков дураки!.. — и издевались так все остальные дни.

С тех пор каждую ночь им, спящим, уголовники закладывали между пальцами ног обрывки бумаги и поджигали их. Когда разгоревшееся пламя обжигало оголенную кожу, то старики, не помня себя, вскакивали на ноги и начинали прыгать, чтобы загасить огонь, а те весело смеялись и этим довели страдалцев до состояния душевного расстройства, так что вскоре медсестра увела их из камеры в тюремный стационар.

Дети-убийцы

Через несколько дней в камеру впустили девятилетнего мальчишку. Он смело, без малейшего смущения прошел на самую середину помещения, окинул взглядом всех находившихся на нарах людей и, увидев среди шарлатанской шатии малолетнего арестанта, подобного себе, улыбнувшись, подошел к нарам, где тот находился... Один из шарлатанов в то время сидел и покуривал скрученную им сигарку. Мальчишка обратился к нему:

— Паханок, оставь мне докурить.

Тот протянул ему недокуренную сигарку. Мальчишка, взяв в рот недокурок, глубоко втянул в себя табачный дым и закашлялся. Давший ему недокурок спросил:

— Ты что, сынок, с воли пришел что ли?

— Нет, — ответил мальчишка, — я уже давно здесь нахожусь. Первоначально сидел в детской камере, нас там было десять мальчишек. Но случилось одно мокрушное дело, ведется следствие, и нас по одному развели по разным камерам.

После слов “мокрушное дело”, заменяющих на жаргоне слово “кровопролитие”, шарлатаны стали задавать ему мно-

гочисленные вопросы о случившемся. Он, забравшись к ним на нары, стал давать ответы на их вопросы, добавляя к своему рассказу многие нецензурные слова. О сути того происшествия, ставшего известным для всех уже гораздо позднее, можно было бы написать целое повествование, присовокупляя к нему некоторые существенные догадки, восполняющие упущенное: мальчишка тот кое о чем, кажется, сознательно умалчивал или, может быть, даже и не запомнил всего.

История эта началась весной, когда было еще довольно холодно. Один бродяга как волк рыскал там и сям, повсюду приюхиваясь, и приметил, что вблизи от его шарлатанского пристанища в неполной средней школе две учительницы ходят одетыми в дорогостоящие каракулевые полудошки. Он долгое время улавливал возможность пробраться в школьную раздевалку, которая находилась на первом этаже, возле входной двери. Разглядел даже, что там была довольно широкая форточка, но проникнуть в раздевалку не было возможности из-за находившейся там гардеробщицы.

Тогда он предпринял хитрую уловку — заимел знакомство с тремя хулиганистыми мальчишками из этой школы. Один из них был в возрасте девяти лет, а два других — одиннадцати. Стал угощать их пряниками, печеньем, конфетами и через несколько дней, когда дружба их основательно утвердилась, выпросил, всегда ли гардеробщица находится в раздевалке? Они рассказали ему, что она через каждые сорок пять минут выходит из раздевалки со звонком в коридор и звонит, извещая всех о начале перемены, а через пятнадцать минут звонит опять, извещая об окончании перемены. Тогда он предложил мальчишкам, чтобы они во время перемены, когда гардеробщица выйдет из раздевалки со звонком, забежали в раздевалку, сняли с вешалок две каракулевые полудошки и выбросили их ему через форточку во двор. За это он пообещал им большое денежное вознаграждение. Все трое, обольщенные этим обещанием, недолго думая изъ-

явили согласие на предложенную жульническую махинацию. Шарлатан дал как бы в задаток несколько рублей, а остальные пообещал уплатить после совершения покражи.

На другой день он пришел в заранее высмотренное место и притаился. По окончании первой перемены гардеробщица, взяв звонок, вышла из раздевалки и, закрыв входную дверь на крючок, стала звонить. Все ученики разбежались по классам, а три шаромыжника остались возле раздевалки. Когда гардеробщица поднялась со звонком на второй этаж и скрылась из виду, меньший из них, выдернув крючок из петли, отворил входную дверь, выбежал на двор и помахал рукой притаившемуся в засаде шарлатану, а двое других забежали в раздевалку, сняли с вешалок полудошки и, забравшись с подставленного ими табурета на подоконник, выбросили полудошки через форточку во двор. Подбежавший шарлатан, моментально подхватив их, сложил в рюкзак и поспешно ушел.

Гардеробщица, возвращаясь со звонком со второго этажа, мельком увидела из коридора через застекленную дверь отражение в огромном зеркале, которое было установлено на поворотной площадке лестницы, как один из мальчишек поспешно выбежал из раздевалки, а двое других стояли, очевидно, в ожидании его с наружной стороны барьера и, остерегаясь, чтобы она не увидела их, быстро убежали в свои классы. Зайдя в раздевалку, гардеробщица сразу обратила внимание на то, что табурет, на котором она сидела возле барьера, оказался стоящим около окна, затем невольно обратила внимание на не вполне притворенную форточку, бывшую прежде замкнутой на защелку. Ей стало понятно, что мальчишка не без умысла забегал в помещение раздевалки, но зачем именно — она не могла пока догадаться.

По окончании классных занятий все ученики, зайдя в раздевалку, оделись и вышли из школы. После них в раздевалку зашли преподаватели, и тогда обнаружилась пропажа двух полудошек.

Начались поиски. Директор сообщил по телефону об этом печальном факте в милицию. На другой день в школу пришел следователь, расспросил обо всем случившемся гардеробщицу. Та рассказала все, что могла знать о случившейся покраже и возложила вину на трех учеников, из которых заметила хорошо только одного — самого меньшего — и назвала его фамилию. Следователь вызвал из класса в кабинет директора заподозренного в краже мальчишку. Тот, представ перед следователем, на все задаваемые вопросы отвечал одно:

— Не знаю.

Следователь по его лицу, выражению глаз и особенностям разговора сразу определил, что мальчишка принадлежит к числу жуликоватых проныр. На заданный вопрос:

— По какой причине ты вчера после окончания первой перемены запоздал явиться в класс вместе со всеми учениками? — он ответил:

— Выходил на двор.

— А зачем? — спросил следователь.

— Я там курил, — ответил пронырливый шаромыжник.

— Стало быть, вы выходили курить все трое?

— Нет, — ответил он, — я курил один.

— А что тогда делали те мальчишки, с которыми ты был вместе?

— Не знаю.

— Как их фамилии?

— Не знаю.

— Ну как это ты не знаешь, когда все ученики в школе знают один другого. Тебя вот не только ученики, а даже гардеробщица знает по фамилии.

И так, сколько ни допрашивал его следователь, ничего не выведал, наконец увел с собой в милицию и водворил в арестное помещение.

В течение недели мальчишку ежедневно водили на допрос и пытались узнать от него фамилии мальчишек, кото-

рых видела вместе с ним гардеробщица, однако он упорно отвечал одно и то же: "Не знаю". Следователь с первых минут производимого им дознания осознал факт, что перед ним предстоит не просто мальчишка — ученик второго класса, а наследственный преступник — криминальный выродок со всеми задатками, присущими будущему рецидивисту-вору, в котором не по возрасту развиты лукавство, упорство, терпеливость. Следователь внушительно говорил ему:

— Я буду держать тебя под арестом месяц, два, три, год, другой и больше, пока не назовешь мне фамилии своих товарищей, а как только назовешь, сразу же освобожу тебя из-под ареста. Я знаю, что ты не способен был залезть на подоконник, находившийся почти на высоте твоего роста, даже и с маленькой ношей, пусть даже и с помощью табурета, а сделали это твои товарищи. Назови мне их фамилии, и я выпущу тебя из арестантской.

Но он все время говорил одно и то же: "Не знаю". Следователь, видя, что обыкновенные меры воздействия на него не приведут к нужному концу, вынужден был прибегнуть к методу телесного истязания. При дальнейших допросах он стал хлестать его ремнем и только так сломил неодолимое упорство — мальчишка назвал фамилии товарищей, после чего следователь выпустил его из-под ареста, а вместо него водворил в разные камеры двух его соучастников.

При допросе первого из них он прибегнул к необходимому следственному лукавству, сказав:

— Ваш меньший товарищ добросовестно признался мне, рассказав обо всем, и я освободил его из-под ареста. Признался и второй твой товарищ, рассказав о том, как вы с ним выбросили полудожки через форточку во двор. Теперь осталась очередь только за тобой.

Мальчишка был твердо уверен в том, что гардеробщица никак не могла увидеть их (а о том, что всех их выдало зеркало, ему было невдомек). Он предполагал, что меньшего

компаньона арестовали просто по подозрению, и тот, очутившись в арестной камере, сразу же предал их.

Улики, которыми располагал следователь, были неопровержимыми, и, поверив его хитрой уловке, мальчишка рассказал обо всем, что произошло. После того следователь уже без особой предприимчивости вынудил на признание и второго.

По окончании следствия следователь повторно арестовал их меньшего компаньона, несколько дней назад освобожденного из-под стражи.

Через два месяца началось судебное разбирательство совершенного преступления, и суд приговорил меньшего из виновников кражи к шести месяцам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительной колонии для несовершеннолетних, а двум другим определил меру наказания по полтора года лишения свободы с отбыванием срока в той же колонии. А главный-то виновник этого преступления, бродячий шарлатан, будучи абсолютно никому не известен, после совершения кражи умотал куда-то со своей добычей, не оставив и следа после себя...

В период следствия до дня суда эти мальчишки находились в разных камерах, после вынесения приговора их, как уже осужденных, привезли в тюрьму и водворили в общую детскую камеру.

Когда они очутились все вместе, то двое старших преисполнились чувства презрения и ненависти к своему меньшему соучастнику, обвинив его в предательстве, и втихомолку меж собой договорились в отмщение за это умертвить его.

Всякого впускаемого в камеру арестанта надзиратель-ключник обычно обыскивает и при том обрезает имеющиеся у него на брюках металлические пряжечки. Но бывают случаи, когда надзиратель забывает обрезать эти пряжечки и их срывают уже в камере сами арестанты и после оттачивают их о кирпичи имеющейся в камере печки, затем на эмалированной кружке старательно правят острие и потом

бреются этими отточенными пряжечками. Таких примитивных бритв, называемых в тюрьмах “писками”, в каждой камере обычно бывает по нескольку штук. Имелись эти “писки” и в детской камере — не известно, каким образом смогли они попасть туда. По всей вероятности, в той камере прежде находились взрослые и хранили эти “писки” запрятанными в каком-либо секретном месте, может быть даже под нарами, втыкая их в брус под лежащие на нем концы дощатого настила. Эти запрятанные сокровища со временем сделались собственностью мальчишек, и они нашли им свое применение, используя их при обрезании ногтей.

Через несколько дней совместного пребывания в детской камере эти двое мальчишек, воспринявши злодейский умысел, во время глухой ночи, когда в камере все спали, зажали ладонями рот своему сонному товарищу, стащили его с нара на пол, перерезали “пиской” горло и кровь спустили в туалетный бачок. После того как он умер, они затащили его тело под нары и той же отточенной пряжечкой — “пиской” перерезали у него на шее все мышцы и сухожилия до самых шейных позвонков и, свихнув голову, оторвали ее от туловища.

Потом они подобным же образом расчленили его конечности и сложили их в углу под нарами, а туловище, согнув в баранку, затащили в туалетный бачок, который был вместимостью в четыре ведра, и закрыли его крышкой.

После подъема, когда надзиратель, отворив дверь камеры, выпустил всех на opravку, мальчишки, взяв вдвоем закрытый крышкой бачок, вынесли его в туалет и там, вытащив из него обезглавленный труп с перерезанными руками и ногами, протолкнули в туалетное отверстие. Он упал в ассенизационную яму и утонул в смрадной скверне фекалий. После opravки, они, сполоснув бачок, наполнили его до половины водой, занесли в камеру и старательно вымыли под нарами пол.

В течение дня в тюрьме на opravку обычно выпускают два раза — утром и вечером. Перед вечерней opravкой

мальчишки, затащив бачок под нары, сложили в него оставленные руки, ноги и голову и, идя на opravку, вынесли закрытый бачок в туалет и все находившееся в нем выбросили в ассенизационную яму, закончив тем свое коварное дело кровавой расплаты. Вечером, во время общетюремной поверки, обнаружился недосчет одного мальчишки. Ответственный дежурный принес из канцелярии картотеку и стал переключать всех пофамильно, и только тогда раз узнали, кого именно не было между предстоящими.

Произвели тщательное простукивание всего пола под нарами, но не обнаружили ни малейшего дефекта в половицах. Основательно проверили решетки — и там не было признаков повреждения. Никто не мог понять таинственного исчезновения несовершеннолетнего арестанта. Стали всех находившихся в камере по одному выводить в канцелярию и расспрашивать о случившемся, однако никто не промолвился даже и полусловом.

И только через полмесяца надзиратель-ключник, находясь в туалете и бросая недокурную папиросу в ассенизационную яму, увидел вынырнувшую на поверхность скверны часть маленькой руки до локтевого сустава. Тотчас же он сообщил об этом начальнику тюрьмы, начальник срочно вызвал ассенизатора и тот, вычерпывая отходы, вытащил погрязшие в фекалиях оторгнутые члены тела: голову, руки, ноги, а затем и туловище мальчишки...

Этап. Побег

В начале осени по камерам прошелся ответственный дежурный и, выкликая по списку арестантов, выпроваживал их из тюремного корпуса во двор и затем передал списки в руки командиру конвойной группы. Тот, свернувши списки вчетверо, положил их вместе с прочими дополнительными докумен-

тами в полевую сумку и, обратясь к многочисленной толпе, подготовляемой к этапированию, во всеуслышание крикнул:

— Выстраивайтесь в этапную колонну по четыре человека в ряд!

Один из находившихся в толпе несколько выдвинулся и громко сказал командиру:

— Я еще не осужден, зачем же вы включили меня в число этапиремых?

Командир повелительно крикнул ему в ответ:

— Становись в строй!

Арестант снова с убедительностью сказал:

— Да вы поймите, что я не осужден еще!

Стоявший вблизи конвоир ударил его в плечо прикладом винтовки и раздражительно повторил слова командира:

— Становись в строй, говорят тебе!

Человек этот хотел еще было что-то сказать, но находившиеся рядом люди стали объяснять ему, что они тоже не осуждены, как и он.

После того как все выстроились, командир просчитал по рядам число принятых им под надзор людей и громко возгласил:

— Внимание! Шаг вправо, шаг влево из строя колонны считается за побег! Конвой применяет оружие без предупреждения! Следуйте вперед!

Широкие ворота тюремного двора быстро растворились, один из конвоиров, взяв оружие наизготовку, первым вышел за ограду, вслед за ним двинулась вся этапиремая колонна и пошла строем по улицам города. Люди, шедшие навстречу, поспешно отходили в сторону, автомашины проезжали краем дороги, уступая путь проходящему этапу.

Через некоторое время колонна подошла к железнодорожному вокзалу, возле которого несколько поодаль стояло уже несколько товарных вагонов, оборудованных под перевозку заключенных; в них устроены были двойные нары

сплошного настила в передних и задних частях вагонов. Над верхними нарами, почти под самым потолком, проделаны были небольшие оконные проемы высотой не более сорока пяти сантиметров и шириной около семидесяти. Решеток в них не было, но вместо решеток были горизонтально прикручены довольно толстые полудуги на расстоянии десяти сантиметров одна от другой. Одна дверь вагона отодвигалась, а вторая, на противоположной стороне, была наглухо забита, в ней было пропилено небольшое отверстие, через которое пропускался туалетный рожок.

Командир вынул из полевой сумки врученные ему списки и стал перекликать фамилии этапиремых людей, и они по одному, выходя из строя, по приставленной лестнице взбирались наверх и заходили в вагоны.

Нас, пятьдесят два человека, прежде находившихся в одной камере, уместили в один вагон опять вместе с шарлатанской кликой, и те, как только оказались в вагоне, сразу же согнали в передней части вагона с верхних нар людей, зашедших при перекличке прежде них, и заняли весь этот верх своей ватагой.

Ночью поезд отошел от станции и направился в Краснодар. По пути следования на некоторых станциях к составу подцепляли дополнительные вагоны, наполненные этапиремыми.

При каждой остановке поезда солдаты конвойной группы деревянными молотками, насаженными на длинные черенки, усердно стучали по всем стенкам вагонов, проверяя их исправность.

Утром поезд остановился на какой-то станции, дверь вагона отодвинули, и хлебрез, отсчитав пятьдесят две хлебные пайки весом по девятьсот грамм, положил их в отдельный ящик, поставил туда же миску с сахарным песком и просунул этот ящик по полу вагона чуть ли не на самую середину, после чего плотно задвинул двери. Один тип из шарла-

танской клики, поспешно спустившись вниз, взял миску с сахаром и поставил ее на свои верхние нары, затем выбрал из ящика восемь паек одних горбушек, положил их все туда же, где стояла миска, и после этого поднялся на свое место.

Сорок четыре человека с удивлением смотрели на поступок оголтелого наглеца, догадываясь, что он вознамерился присвоить весь их паек сахара, но, однако, никто не осмелился высказать ему замечания, зная наперед, что заплатился бы за это тяжелым телесным увечьем. Все восемь шарлатанов, расположившись вокруг миски и ломая по кусточку хлеб, обмакивали его в сахарный песок и ели, а остальные с негодованием украдкой взирали на них. А так как это стало продолжаться ежедневно, то со временем никто уже не обращал на это внимания, вроде бы соглашаясь, что сахар дается только для привилегированной шатии.

В одном из вагонов этапного эшелона имелась передвижная кухня, там было установлено несколько армейских котлов с наглухо закрывающимися крышками и с пристроенными снизу внутренними топками. В них два раза в день варилась пища.

Поезд с минимальной скоростью шел по различным железнодорожным ответвлениям, временами подолгу простаивая около железнодорожных станций в ожидании, когда ему представится возможность дальнейшего продвижения. Но временами, когда путь был свободен, он, ускоряя свое движение, мчался, не останавливаясь ни на одной станции, наверстывая ранее упущенные часы, и из-за этого сваренная поварами баланда раздавалась по вагонам не своевременно, а с большими запозданиями. Изголодавшиеся люди, так же как некогда в тюрьме, выпивали эту полученную порцию через край мисок, не нуждаясь в ложках.

Через несколько дней этапный эшелон дальнего следования подошел к Казани и, не задерживаясь там, помчался к Свердловску, но и там остановился ненадолго и с ускорени-

ем помчался дальше. В Омске была сделана чрезвычайно продолжительная остановка. Там стали поочередно выводить людей из вагонов и увозить на автомашинах в санпропускник, где производили прожарку нательного белья и верхней одежды, мыли в бане, брили, стригли и прочее и прочее.

Когда людей из нашего вагона привезли в зону санпропускника, то пришлось подождать, так как душевое отделение было уже переполнено привезенными прежде нас.

Спустившись из кузовов на землю, мы уселись на имевшиеся в ограде скамейки. Один шофер, развернув автомашину, уехал, а второй, вынув из-под сиденья своей кабины целую сумку всякого инструмента: отверток, ключей, плоскогубцев, напильников и прочего набора, положил все это сбоку передней части автомобиля, а сам, заползши под него, лег на спину и стал производить какой-то ремонт. Шарлатанская шатия, сгруппировавшись, сидела отдельно, о чем-то тихо переговариваясь и время от времени украдкой поглядывая на занимавшегося своим делом шофера. Один из шатии, перейдя на другую сторону автомашины, стал о чем-то разговаривать с шофером, отвлекая его внимание, а другой, подкравшись со стороны кузова к лежавшей сумке, выкрал из нее маленький разводной ключ и, незаметно отойдя от автомобиля, присоединился к своей группе.

Но вот нас всех призвали на санобработку и завели в банный корпус. Там стали производить прожарку верхней одежды и белья, затем повели в душевое отделение и по окончании процедуры выпустили из санпропускника. Перед тем как выходить из корпуса, один из шарлатанов, сняв с ноги сапог, положил в него украденный разводной ключ, затем, неполностью натянув сапог на ногу, притворился, будто бы наколол в санпропускнике гвоздем ногу, а потому еле-еле ступал на нее. Друзья, с обеих сторон подерживая его, подвели под руки к автомашине, втащили в кузов и все время находились возле него. По приезде к

эшелону они всей шатией втащили его на руках в вагон, и поэтому “больного” тщательно не обыскивали.

Пока поезд стоял на месте, вся шарлатанская клика находилась в состоянии спокойствия. Когда же через несколько дней после окончания санобработки всего этапного состава эшелон двинулся дальше, шарлатанская шатия уже во вторую ночь принялась за дело. Первым долгом прощупали все до единой гайки и потом стали развинчивать их имеющимся у них ключом, откидывая в сторону одну за другой бывшие над оконным проемом железные полудуги. Примерно к середине ночи все дуги, за исключением одной нижней, были откручены, и оконный проем освободился. Привязав один конец полотенца к оставленной полудуге, они стали готовиться к вылазке.

Первым решился выпрыгнуть Толик-чистодел. Перед этим он до половины высунул голову из оконного проема и стал внимательно высматривать последний вагон, где находился конвоир. Наш вагон был в середине состава, и свет от установленных на последнем вагоне прожекторов уже не так сильно ослеплял зрение своим мощным пучком, направленным в сторону первого вагона. Дорога тянулась по обширной Западно-Сибирской равнине, где не было холмов, однако поезд часто изгибался и снова выравнивался, что давало возможность наблюдать за конвоиром на площадке заднего вагона.

Солдату-конвоиру на его посту присесть не на что, а потому он поневоле беспрестанно прохаживается то туда, то сюда, тем более что обязан следить за каждой стороной состава. Но все равно нет-нет да и навалится он всем телом на поперечный поручень вагонной площадки и в таком положении смотрит не вперед, а назад или даже и дремлет. Так, видимо, было и в ту минуту...

Толик-чистодел, долгое время не видя конвоира, быстро вылез через оконный проем наружу и, держась обеими ру-

ками за полотенце, нащупал ногами железную рейку, по которой на блочных колесиках двигается полотно вагонной двери, и прыгнул как можно дальше от мчащегося с огромной скоростью поезда на железнодорожную насыпь. Помедлив две-три минуты и не видя конвойного солдата, вслед за ним вылез второй шарлатан и также по примеру Толика-чистодела спрыгнул с мчащегося поезда вдаль от спального настила. Несколько помедлив, спрыгнул и третий.

После них, зорко понаблюдав за конвоиром, вылез из вагона четвертый и только встал на железную рейку, как поезд резко снизил скорость. Приготовившийся прыгать хотел было использовать этот удачный момент, но тут поезд вдруг въехал на железнодорожный мост и стал двигаться по нему на малой скорости. Шла секунда за секундой, мосту, казалось, не будет конца... Вылезший наружу шарлатан, постояв несколько на железной рейке, решил на время залезть обратно в вагон, пока поезд минует ужасное место. Сообщив об этом шепотом своим друзьям, находившимся неотступно у оконного проема, он стал взбираться наверх по стенке вагона. Спуститься было легко, но подняться оказалось не так-то просто, как это ему представлялось. Ноги скользили по гладкой стенке вагона, не находя никакой опоры, а друзья сверху не могли оказать ему никакой помощи, потому что не могли дотянуться до него. Так, некоторое время дергая ногами, он где-то в стороне нащупал головку болта и, чуть опершись на него, дотянулся до оконного проема. Друзья, подхватив его под руки, стали помогать ему протискиваться в вагон. И только он до половины туловища пролез в вагон, как его заметил конвоир. Выстрелить в него он, по всей вероятности, не решался, боясь, что шальная пуля могла попасть в какой-либо из передних вагонов, а то даже и в кабину паровоза, и потому начал стрелять вверх, поднимая тревогу.

Поезд остановился. Через несколько минут залаяли служебные собаки, шарлатаны сразу как по команде быстро со-

сочили со своих мест на пол вагона и залезли в самую даль, под противоположные нижние нары. Вскоре дверь отодвинулась, группа солдат, забравшись в вагон с винтовками и фонарями, осветила всю внутренность. Увидев лазею в оконном проеме, конвоиры стали нещадно бить прикладами всех находившихся там людей без разбору, — всех, кто только попался им под руку. Послышались крики изувеченных; кто был порасторопнее, тот по примеру шарлатанов забрался также под нижние нары и стал недоступен для побоев.

Но вот паровоз огласил всю местность протяжным гудком, давая знать, что на линии задерживаться долго не может. Солдаты перестали бить людей, командир крикнул находящимся под нарами:

— Вылазьте все на середину вагона для переклички!

Но ни один из спрятавшихся даже не пошевелинулся, только слышен был стон изувеченных. Командир крикнул вторично, но никто не повиновался его команде. Тогда он стал просить, чтобы все вышли на поверку, но так никто и не вылез из своего убежища...

Пришли плотники и стали снаружи забивать наглухо досками весь оконный проем. Командир опять убедительно начал просить, чтобы спрятавшиеся вылезли на перекличку. Кто-то выкрикнул ему из-под нар:

— Выкликай так — будем отзываться!

В это время паровоз опять стал давать звуковые сигналы, напоминая о чрезмерной задержке. Командир, мирясь с возникшим положением, начал перекличку, и люди стали отзываться. После окончания переклички он поставил отметки возле трех неоткликнувшихся фамилий, и вся конвойная группа поспешно вышла из вагона. Паровоз в третий раз просвистел, и состав вскоре тронулся.

Всю ночь конвоиры при каждой краткосрочной остановке эшелона усиленно стучали по стенкам вагонов своими деревянными молотками.

Утром, когда стали раздавать хлеб, командир снова поднялся в вагон, пересчитал людей и снова встревожился, обнаружив нехватку еще трех человек. Но ему ответили, что они тяжело заболели от ударов винтовочными прикладами и потому лежат, не поднимаясь, под нарами. Он, нагнувшись, глянул под них и, успокоившись, сошел.

Как только дверь вагона задвинулась, шарлатанская клика сразу же согнала с верхних нар находившихся там людей и заняла своей ватагой места возле самого окошка, а согнанные со своих мест люди перебрались на противоположные нары с наглухо забитым окном, где прежде располагались шарлатаны.

На вечерней поверке командиру напомнили, что избитые нуждаются в медицинской помощи; он, ничего на это не ответив, ушел из вагона. На другой день на поверке он воочию убедился, что тяжелобольные не вылезают из-под нар по причине своего увечья. При следующей остановке поезда он вызвал врача. Пришедшая женщина-врач, осмотрев больных, сказала, что их немедленно нужно везти в больницу. Командир возразил, что у него нет свободных солдат, которые могли бы сопроводить их до ближайшего концлагеря. Врач настойчиво требовала:

— Больные должны быть определены на длительное стационарное лечение, у них тяжелые телесные повреждения: у одного перелом плечевой кости, у второго перелом руки выше локтя, у третьего сломаны два ребра. И как вы намереваетесь везти их дальше в таком состоянии? Сейчас же ссадите их, иначе я сообщу об этом в Комиссариат здравоохранения, и вы будете привлечены к ответственности...

Наконец командир уступил: больные на носилках были спущены из вагона на землю и подъехавшая машина скорой помощи увезла их в сопровождении двух солдат в город.

Ночью поезд двинулся дальше.

Через несколько дней на какой-то железнодорожной станции в наш вагон зашло пополнение — пять человек.

Когда плотно двери за ними задвинулось, один из вновь пришедших громко спросил:

— Есть ли здесь кто-нибудь из живых во Христе?

Все находившиеся в вагоне молча переглянулись, услышав непонятный для них вопрос, и ничего не ответили.

— Есть, есть! — отозвался я после некоторого молчания.

Он, подойдя ко мне, сказал:

— Мир тебе, брате, Христос посреди нас.

— Есть и будет во веки веков, — ответил я на его приветствие.

Он заключил:

— Аминь.

После этого мы сели на краю нижних нар и стали знакомиться. Во время нашего откровенного собеседования выяснилось, что он принадлежит к неведомой для меня христианской секте “федоровцев”. На верхней одежде его во многих местах были нашиты четырехконечные кресты из белой материи. Это обращало на него внимание всякого встречного и поперечного. Хотя я не разделял с ним его убеждений, но все-таки он был для меня самым близким, любезным человеком в этой инакомыслящей людской среде. И так мы ехали с ним до самой Волочаевки, ежедневно беседуя о том, что у нас было общего, и это давало некоторое облегчение душевной тягости, неотступно сопутствовавшей нам в этом мрачном вагоне.

Пересыльный лагерь

В Волочаевке поезд остановился и этапиремый народ сошел на землю. Пришло начальство, всех привезенных подвели к воротам пересыльного лагеря, намереваясь поодиночке запускать в обнесенный высоким забором двор, и объявили, чтобы каждый из выкликаемых называл свое имя и отчество, статью, по которой осужден, и срок...

После этих слов из толпы послышались отдельные выкрикивания:

— Мы ничего не знаем! Мы ни о чем не осведомлены! Какая там статья?! Какой срок?!

Староста лагеря поднял вверх руку, после чего все умолкли. Он громко возгласил:

— Слушайте внимательно!

И назвал по порядку несколько фамилий, добавляя к ним имя и отчество каждого из перекликаемых, и в конце перечисления сказал:

— Каждого из вас закрытое московское спецсовещание тройки НКВД по литерной статье СОЭ (социально опасный элемент) приговорило к восьми годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в ИТЛ. А остальных по той же литерной статье СОЭ закрытое спецсовещание приговорило к десяти годам лишения свободы также с отбыванием срока наказания в ИТЛ.

После этого воцарилось гробовое молчание.

Староста начал по списку выкликать фамилии, и люди по одному стали проходить через вахту во двор пересыльного лагеря, называя при этом свое имя и отчество, объявленную литерную статью и срок, и сразу же стали заходить в находившиеся в зоне пересылки жилые бараки и занимать там, где только были, свободные места на нижних нарах и под нарами, а потом и по всему полу.

Мой брат-федоровец повстречался в бараке с каким-то знакомым ему человеком, привезенным прежде в этот волочаевский пересыльный концлагерь, и они, сев на нижние нары, стали беседовать. Вдруг к ним подошел какой-то шарлатан, держа в руках бушлат лагерного пошива, весь испещренный разноцветными латками, и, обратясь к федоровцу, сказал:

— А ну, мужик, сними-ка с себя пиджак — он тебе не личит.

Федоровец, без возражения расстегнув пуговицы, снял пиджак со своих плеч и отдал грабителю, а тот взамен дал ему латаный-перелатаный бушлат. Федоровец, приняв одежду, натянул ее на себя, а шарлатан вышел из барака.

На верхних нарах у противоположной стены большая группа шарлатанов играла в карты. Один из них, по всей вероятности из числа почтеннейших этой клики, сразу же обратил внимание на федоровца, одетого в гражданский пиджак с нашитыми на нем белыми крестами, и потом вдруг через короткий промежуток времени видит этого человека уже одетым в лагерный бушлат с разноцветными латками одна возле другой. Он, пристально посмотрев на федоровца, спросил его:

— Мужик, а где твой пиджак с нашитыми на нем крестами?

Федоровец, с безразличием махнув рукой, ответил:

— Бог дал, Бог и взял.

— Нет-нет, мужичок, — настойчиво вопрошал он, — кто снял с тебя пиджак?

Федоровец равнодушно повторил:

— Бог дал, Бог и взял.

Догадываясь, что мужик не скажет того, что ему хотелось узнать, он обратился с этим вопросом к своей шатии:

— Братцы, кто снял с мужика пиджак?

Один из сидящих ответил:

— Шакал.

— Шакал? — с удивлением переспросил почтенный шарлатан и, обратясь к какому-то молодому парнишке, стоявшему возле нар, сказал:

— А ну-ка, сынок, быстро сбегай и позови сюда Шакала!

Парнишка ушел и через несколько минут вернулся с человеком, который именовался Шакалом.

Пришедший Шакал смиренно спросил:

— Сережа, ты зачем меня позвал?

Сергей, отвлекшись от своих карт, с негодованием посмотрел на него и спросил:

— Ты снял с мужика пиджак?

— Я, — ответил Шакал.

— Тебе кто разрешил это сделать?

— Гриша Лобан разрешил мне, — смущенно ответил Шакал.

— Гриша Лобан? — с многозначительной интонацией переспросил его Сергей.

— Да, — подтвердил Шакал.

Сергей, отложив в сторону карты, неспеша слез с верхних нар, подошел к печке, возле которой лежало несколько поленьев, выбрал из них одно нетолстое и начал этим поленом нещадно бить Шакала. Тот умоляюще закричал, прося у него прощения за непочтительность по отношению к нему. Сергей, сбив его с ног, стал пинать и колотить его, потом повелительно крикнул:

— Лезь под нары!

Шакал с покорностью заполз туда, избегая дальнейших побоев.

После этой расправы Сергей бросил полено к печке и диктаторским тоном сказал:

— Двадцать минут сроку, чтобы мужик был одет, иначе изобью до полусмерти.

Потом поднялся на верхние нары, взял в руки карты и продолжил свою игру.

Шакал, выбравшись из-под нар, поспешно ушел из барака и не больше чем через пятнадцать минут возвратился, неся в руках пиджак, обшитый крестами. Подойдя к федоровцу, возвратил ему отнятую у него вещь, получив взамен свой излатанный бушлат, и, обратясь к Сергею, смиренно сказал:

— Сережа, посмотри...

Тот на мгновение повернулся и, увидев мужика одетым в свой пиджак, сосредоточенно уставился опять на

имевшиеся у него карты, а Шакал, подергивая одним плечом, вышел за дверь барака.

Через два-три дня в барак вошел староста пересылки и вместе с ним зашли какие-то два человека, по внешнему виду которых можно было заключить, что один из них был начальником какого-то лагерного подразделения, а второй — надзирателем того лагеря. Староста вынул из кармана длинный список и стал выкликать фамилии. Люди, отзываясь, стали выходить на середину барака. Надзиратель, глядя на лицо каждого из вызванных, стал их отбирать, говоря:

— Ты иди направо, а ты — налево.

И, не заглядывая в личное дело, где указана статья каждого заключенного, которая характеризует его моральные качества, а просто по физиономиям он сразу же отделил всех шарлатанов от простого народа и потом сказал старосте:

— Эти люди нам не нужны, — и махнул рукой на стоящих слева шарлатанов.

Те, будучи отделенными от остальных, стали меж собой перешептываться, говоря:

— Вот негодяй, в цвет гадает...

Отобранных людей вывели из барака и выпустили за лагерную зону.

Когда ушла эта партия этапиремых из пересыльного лагеря, в бараках стало намного свободнее. Я решил перейти на жительство в соседнее барачное помещение и занял там место на нижних нарах.

Вечером того же дня в зону пришло небольшое пополнение из какого-то лесоповального лагерного подразделения. Лес в тех местах был уже полностью выпилен, а потому лагерный пункт закрыли и лесорубов этапировали на пересылку. Некоторые из вновь пришедших за свой ударный труд на лесоповале были одеты в новые бушлаты.

Как только они зашли в барак, шарлатаны сразу же всех их обыскали и отняли все деньги, какие только у них

нашлись, притом сняли с них эти новые бушлаты, а взамен дали старые рваные телогрейки.

На другой день во двор пересыльного лагеря заехал на телеге с бочкой ассенизатор и по договоренности с шарлатанами в специально пристроенном у него под телегой ящике тайно вывез эти награбленные у людей бушлаты за зону и спровадил на “черный рынок”.

Один из ограбленных сказал:

— Мы находимся под двойным гнетом — нас грабят так и этак; вот теперь нас этапируют на какое-то другое местожительство, и по приезде туда бухгалтер сразу же посмотрит в вещевую ведомость, где написано: “Одеты по сезону в новые бушлаты”, и спросит: “Где же ваши бушлаты?” Мы ответим: “Их отняли у нас грабители в пересыльном лагере”. Бухгалтер, принципиально не признавая этого явления, не предусмотренного законом, запишет наши фамилии в список промотчиков и обяжет платить за эти бушлаты в десятикратной стоимости, и мы сделаемся должниками на долгое и предолгое время, пока из нашего будущего грошового премвознаграждения бухгалтерия полностью не удержит эту законно ограбленную сумму.

На работах

В скором времени в барак пересыльного лагеря пришел какой-то человек, приехавший из поселка Литовко, и стал набирать строительных рабочих: плотников, печников, столяров, каменщиков, штукатуров и других специалистов. Я записался у него столяром и был вместе с прочими мастерами увезен в зону 16-й колонны. В 16-й колонне я был зачислен на работу в сборочный цех деревоотделочных мастерских.

Весь поселок Литовко в то время находился под общим конвойным оцеплением, расставленным на сторожевых вы-

шках по всей округности, а потому заключенные имели возможность свободно ходить по нему с одного объекта работы на другой. Там строилось много двухэтажных и одноэтажных деревянных домов в норвежском стиле с высокими крутыми крышами и эффектным фасадным оформлением, придающими им своеобразие и оригинальность. Даже фигурная выпилка углов на каждом одноэтажном доме отражала какое-то художество строителей. Воздвигались и кирпичные здания, и тоже с художественным характером.

В деревоотделочных мастерских мы в основном занимались изготовлением дверей и рам для строящихся домов. Продолжительность рабочего дня была десять часов без единого выходного, за исключением 1 мая и 7 ноября. По всем стенам цеха были расклеены агитационные плакаты с одним и тем же эксплуататорским призыванием: "Отдадим все силы и всю трудовую энергию на выполнение государственного плана!" Каждое утро, за полчаса перед выходом на объект, весь народ, обычно по звонку, собирался возле вахты, и помощник начальника лагеря по культурно-воспитательной части, взобравшись на высокий помост, размахивая рукой, громко ораторствовал:

— В минувшую декаду выполнение производственной нормы было на сто восемьдесят процентов. Это хорошо, но можно сделать больше.

По окончании второй декады он объявил, что план выполнен на сто девяносто процентов. А в заключение опять высказал пожелания, что можно сделать еще больше. По окончании третьей декады выполнение плана — на двести процентов, и опять то же пожелание... На следующий месяц вследствие этого почти наполовину добавили норму выработки и снизили расценки. Ничуть не обескураженный этим оратор опять призывает к дальнейшему прогрессу, говоря:

— В минувшую декаду выполнение плана было на сто десять процентов — хорошо, но можно сделать больше.

И так без конца эта наглая бешеная эксплуатация, не признающая никаких ограничений и пределов, выматывала последние силы у закабаленных тружеников. И спросил бы кто-нибудь, чем же кормили этих людей, отдающих все свои силы и всю свою трудовую энергию на выполнение Госплана? Одной только кашей из ячневой сечки, которую варили два раза в день — утром и вечером, с небольшим добавлением соевой муки вместо масла. А обеда вообще не было, и потому каждый брал с собой на работу кусочек черного хлеба.

Так, столяр пятого разряда за десятичасовой рабочий день собирал три однопольных наплавных двери, которым в отправительной фактуре была указана цена 206 рублей за штуку, что в общей сложности составляло 618 рублей. А получал он за свою работу лишь скудное дневное пропитание — девятьсот грамм черного хлеба, два черпака по пятьсот грамм жидкой кашицы и стакан чуть подслащенного чая. И в дополнение к этому за перевыполнение производственных норм давали еще две булочки весом по сто пятьдесят грамм каждая, испеченные из пшеничной муки простого помола, посыпанные сверху щепоткой сахарного песка. Весь порцион этот стоил в то время не более 5 рублей. В конце месяца выплачивали по 40 рублей так называемого премиального вознаграждения за перевыполнение нормы. На них можно было купить в лагерном ларьке сорок этих полубелых булочек.

В центре поселка Литовко стали производить монтаж дома связи с установкой коммутаторов и подводом к ним многожильного кабеля. Меня командировали туда на устройство деревянных желобов ниже уровня пола, по которым прокладывался этот кабель. Вместе с тем возникла надобность изготовлять там распределительные щитки и прочие устройства из дерева внутри самого дома, так что впоследствии я вообще был переведен на жительство в лагерное подразделение связистов.

По окончании всего монтажа телефонной станции нас, несколько человек, увезли спецэтапом в город Комсомольск, в лагерь административно-хозяйственного отдела. Нам, пяти специалистам, привезенным на монтаж тамошнего дома связи, который находился на Комсомольской площади, дали общий пропуск на бесконвойное хождение со строгим маршрутом: до объекта работы и обратно. Наш лагерь находился на окраине этого обширного города заключенных, в котором рядами один возле другого сплошь были построены концлагеря с высокими плотными заборами и сторожевыми вышками, образуя многокилометровые улицы, и не видно было конца этим зонам, расположенным в строгой последовательности по левобережью реки Амура. Глядя на этот необъятный массив четырехугольных лагерных строений, невольно вспомнишь нелепую выдумку, сочиненную каким-то лжеумником и опубликованную в газете "Правда", что Комсомольск-на-Амуре построен комсомольцами. Однако эту ложь и поныне еще распространяют между легковерными людьми.

На следующий месяц мне ни с того ни с сего отказали в получении пропуска на бесконвойное хождение — по всей вероятности, как человеку, принадлежащему к числу социально опасных, и я был переведен в зону пересыльного лагеря.

Как только я прибыл туда, барачные шарлатаны сразу же проверили все мои карманы и, не найдя при мне денег, сняли с моих плеч новый бушлат, полученный в лагере административно-хозяйственного отдела. В то время стояла уже зима, и я, оставшись в одной телогрейке, сильно зябнул от холода, находясь в необорудованном для жилья бараке.

В середине зимы набрали довольно большой этап, включив в него всех людей из пересыльного лагеря, и повели на правый берег Амура. При выходе из лагеря я получил другой бушлат, но уже обшитый латками, причем в отдельной графе вещевой ведомости против моей фамилии была написана оговорка — "промотчик".

В том году началось строительство железной дороги на побережье Охотского моря к глубоководной Советской Гавани. Несколько километров дорожной насыпи от первой заамурской станции Пивань были уже сделаны. По проекту будущая дорога должна была упереться в гряды сопок, сквозь которые необходимо было пробивать туннель. Но, так как массив этой гряды состоял из мелкокаменистого грунта, инженеры признали целесообразным в определенном месте гряды произвести мощный взрыв и проделать там выемку, по которой и провести линию строящейся дороги.

На подступах к этой гряде со стороны станции Пивань построили лагерь и привезли туда народ, который должен был готовить место к запланированному взрыву. Начались буровые работы и проделывание длинного коридора в недрах гряды.

Не имея в то время машины для механического бурения, горнорабочие примитивным способом пробивали шпурами горизонтальные отверстия в горе, влагали в эти бурки булочные патроны, заполненные взрывчаткой, и производили прострелы. Затем выгребали размельченный взрывом грунт и тачками вывозили его к подножию сопочной гряды. И вновь бурили, и делали прострелы, и опять выгребали и вывозили измельченный грунт... И так метр за метром углублялись в массив сопки, скованных внутри вечной мерзлотой.

Кто бы мог вообразить эту тяготу бурильных работ, происходивших в крайней тесноте?! Да и что собой представляли подземные работы, совершавшиеся самым простейшим способом?

Один из бурильщиков держал руками в горизонтальном положении двухметровый шпур, имевший вид длинного лома с расплюснутым наподобие лопаточки концом, имевшим заостренные грани. Эту заостренную лопаточку он упирал в замерзшую горную породу или скальные взбугренности, а второй рабочий изо всей силы ударял кувалдой по

другому концу шпура. Шпур при частом его поворачивании размельчал своими гранями смерзшийся массив горной породы и проделывал круговое отверстие, которое прочищали специальной ложечкой и после прочищения опять продолжали углублять, пробивая отверстие на полуметровую глубину. И таких бурок делали несколько. Потом закладывали в них бумажные свертки-патроны с аммоналом весом по полкилограмма и производили прострелы. Отогревшаяся при взрывах порода позволяла расширять стенки проделываемого подземного коридора, который делали из расчета на ширину свободного размаха рук с кайлом или кувалдой.

Когда бурильщики добрались до середины сопочной гряды, то стали делать там огромное вместилище — катакомбу с расчетом, чтобы можно было заложить туда аммонал. При выкайливании этой катакомбы представилась возможность производить бурение одновременно несколькими парами бурильщиков и множеству кирквальщиков, но тут выяснилось, что недостаточно освещения: рабочие трудились с часто угасающими керосиновыми коптилочками, не видя как следует даже место своего забоя.

По окончании подготовительных работ в сделанную катакомбу было заложено восемьдесят тонн аммонала, который заполнил до предела все ее пустующее пространство. Весь народ был уведен в безопасное место на расстояние пяти километров, затем произвели взрыв, после которого в месте катаклитического разрушения одного звена сопочной гряды образовалась широченная логовина, получившая впоследствии наименование Пиванское седло. Ударной волной разбросало на большое расстояние гигантские глыбы смерзшегося грунта, которые по необходимости пришлось опять буровать и взрывать, раздробляя на мелкие комья.

На следующее утро после взрыва началось прокладывание трапов по намеченному контуру будущей насыпи и были протянуты шнуры от колышка к колышку для указания

ограничительной бровки. Рабочие один за другим стали поспешно катать по трапам тачки, до предела нагруженные взорванным грунтом, и устраивать по указанному уровню дорожную насыпь. И так потянулись дни за днями и недели за неделями, а гряда тянувшегося навала стала удлиняться пикет за пикетом.

Труженикам усилили питание — в лагерную кухню привезли мясо. Но если бы какая-либо брезгливая женщина глянула на это мясо, то ее непременно стошнило бы при виде привезенной мерзости: в бочках были засолены неудобосказуемые срамные места, вырезанные из-под коровьих хвостов. На бойне их даже не промывали, предполагая, что они предназначены для кормления сторожевых собак. В другой раз привезли засоленные губы от коровьих и бычьих морд, но даже не опаленные, а вместе с волосами. Когда их сварили в кухонном котле, то волоски отстали от мяса, и есть эту похлебку было отвратительно из-за плавающих в миске множества волосков.

Как-то в лагерь привезли быка, попавшего под поезд. Через него прошел весь состав, из-за чего бык этот был весь перемят и превращен в какой-то бесформенный ком с разорванными внутренностями. Шкуру частями удалось-таки содрать, но на мясе осталась тьма-тьмушая прилипшей шерсти, а когда стали есть это мясо, то в нем оказалось столько песка, что невозможно себе и представить. Так работающий народ кормили отбросами от мясозаготовок, и притом строго по норме из расчета пятьдесят грамм в день.

Верховодство уголовников

Нужно упомянуть, что, после того как прибывший из пересыльного лагеря этап был запущен в зону дорожно-строительного лагеря, пришедшая с рабочим народом шарлатан-

ская клика численностью одиннадцать человек сразу же нашла себе применение. Прежде всего по приходе на новое место трое самых почтенных из этой шатии остались сидеть в бараке, выжидая своего времени, а остальные восемь человек вошли гурьбой в кабинет начальника лагеря и стали рассказывать ему о великих организаторских способностях тех трех, что остались в бараке, уверяя начальника, будто бы они имеют большой практический опыт, да и талант, в деле руководства производственными бригадами и умеют ладить как с начальством, так и с рабочими, и усиленно выпрашивали у него, чтобы он назначил их бригадирами.

Начальник, не знал ни одного из вновь пришедших, а потому, принимая эти льстивые речи и отзывы за истину, уступил их просьбе и назначил выпрашиваемых ими трех человек бригадирами.

Как только те приняли под свое руководство вверенные им бригады, то с первого же дня включили в число рабочих по два человека из своей шарлатанской клики.

В зоне лагеря находились два больших барака. Новые бригадиры выпросили у начальника распоряжение, чтобы два человека из их шатии были назначены дневальными в эти бараки, восхваляя этих людей как усердных тружеников во всяком деле. Начальник по их рекомендации назначил этих типов дневальными, закрепив в их ведение оба барака.

На другой день рабочие бригады ушли на свои объекты и в бараках остались одни больные, освобожденные от работы лекпомом (фельдшером). Новоназначенные дневальные, как один, так и другой, после их ухода прежде всего выпили по стакану чифиря (крепко заваренного чая), затем разошлись каждый в свой барак и приступили к исполнению служебных обязанностей.

Посмотрев на людей, находившихся в бараке, один из дневальных сказал, указав пальцем на двух сидящих вместе освобожденных от работы:

— Идите пилить дрова! А ты, — ткнув пальцем на другого, отдельно сидящего больного, — наноси воду в барак! А ты, — указав на больного, лежащего на нарах, — подымайся и мой пол.

Тот еле слышно ответил:

— Да я температурно-больной.

— Подымайся, говорю! — повелительно крикнул дневальный. — Я лучше леккома знаю, больной ты или здоровый.

Больной умоляюще повторил:

— Я температурно-больной, не могу даже подняться с постели...

Дневальный, подойдя к нему, спросил, повысив голос:

— Не можешь подняться?

— Не могу, — тихо ответил больной.

— Тогда я подниму тебя! — и, схватив больного за ноги, рывком стащил его с нар. Больной упал на пол, тот начал пинать его ногами, приговаривая:

— Сейчас же подымайся и мой пол.

Больной, еле-еле поднявшись, подошел к бочке, начерпал в ведро воды, взял тряпку и, опустившись на колени, стал, ползая, мыть пол, временами останавливаясь для передышки, при этом упирался головой в нары, и опять полз то в ту, то в другую сторону, смачивая и протирая половицы, а дневальный, следя за его работой, делал замечания:

— Вот тут плохо промыл — перемывай заново.

Больной подползал к тому месту и снова смачивал и тер недостаточно промытые места и только перед полуднем окончил свое задание, после чего в изнеможении улегся на свое место. Дневальный же, уйдя в сапожную мастерскую, занялся там игрой в карты.

И так это стало повторяться изо дня в день, навсегда утвердившись в своей обыденности.

Подобное творилось и на производстве, ибо в каждую из вышедших в карьер бригад были включены с подачи брига-

дилов по два бобыля из шарлатанской клики, которые сделались их помощниками в деле тирании вверенного им народа. Эти осатаневшие изверги, никогда не работавшие и занимавшиеся только воровством, бандитизмом и картежными играми, вследствие чего сердца их ожесточились до звероподобия, как цепные псы, с ненавистью смотрели на всякого человека, не принадлежавшего к их шарлатанской шатии. Они ходили по карьере всегда с палками, которыми нещадно били труженников, не давая им ни минуты отдыха, вследствие чего в скором времени рабочие сделались до крайности изможденными, однако общебригадный процент выработки в карьере не опускался ниже ста семидесяти.

Начальник лагеря был в восхищении от успехов на своем участке работ и иногда приходил в карьер посмотреть на интенсивность труда находившихся там бригад. Странное явление: пока начальника или прораба не было на объекте, шарлатаны, девять человек, сидели все вместе и либо играли в карты, либо пили крепко заваренный чай, которым снабжал их повар лагерной кухни, либо рассказывали друг другу какие-нибудь небылицы, либо просто дремали. Но, увидев издалека идущих к месту работы начальника или прораба, все они поспешно поднимались, брали в руки лопаты или кирки и начинали вроде бы усердно трудиться. А когда начальствующие скрывались из виду, они сразу же бросали инструмент и усаживались опять на прежние места.

Однажды кто-то из рабочих сел на землю и стал смазывать солидолом ось своей тачки. Второй, подойдя к нему со своей тачкой, хотел было проделать то же самое. Смазавший кивнул головой в сторону сидящих вместе шарлатанов и тихо спросил:

— Ну, когда же мы перестанем за них отрабатывать?

— Один из шатии, вероятно, услышал эти слова, поспешно встал и, подбежав к рабочему, пнул носком ботинка ему в живот:

— Ты разве не знаешь, гадина, что ворам работать не полагается?!

Рабочий после этого пинка свалился на бок, весь побледнел и лежал так несколько минут, пока немного не отдышался, потом вяло поднялся и стал продолжать свою работу.

Внутри зоны находился небольшой ящик для жалоб начальнику лагеря, висел он возле вахты, и к нему был прицеплен маленький замочек. Однако ящик этот всегда был пустым: рабочие боялись даже и приблизиться к нему, потому что за этим ящиком наблюдали несколько пар глаз двуногих волков. Они следили за всем и вникали решительно во все, подсматривали за всяким пишущим, интересуясь, что он пишет — не донос ли и не жалобу ли какую на них? И если бы кто когда-либо осмелился подойти к этому ящику и опустить в него свою жалобу, то сразу же был бы ими заподозрен как доносчик, и горе было бы тому смельчаку. Все лагерники находились полностью под их засильем.

Один тип из этой стаи писал как-то письмо к подобным себе двуногим волкам, находившимся пока еще на свободе. В нем он описывал свое господствующее положение в концлагере и подбодрял дружков наглым восклицанием: “Не смущайтесь, братцы, и не страшитесь тюрьмы: мы живем и дышим полной грудью, мы держим весь лагерь в своих руках”. Оно действительно так и было: эта паразитарная клика из-за своей сплоченности в любых условиях быта даже и при незначительной численности всегда одерживает верх среди разрозненного народа и держит его в закабалении, и нет никакой возможности освободиться от этого гнета.

Однажды между рабочими пронесся слух, что в контору лагеря поступила ведомость лицевого счетов, пересланных из разных концлагерей, где прежде находились некоторые из рабочих, что проживали теперь в дорожно-строительном лагере. На прежнем месте они имели кое-какие финансовые сбережения, начисленные им за перевыполне-

ние производственных норм и теперь высланные вслед за ними. Шарлатанская клика сразу же наострила уши.

Вечером, когда все труженики пришли в зону, шестеро шарлатанов, но без соучастия бригадиров и дневальных, репутацию которых они оберегали во мнении обитателей всего лагеря, призвали в барак бухгалтера из конторы и, заведя его в отдельное помещение — сушилку, где рабочие просушивали свою верхнюю одежду, сказали ему:

— Принеси нам сюда копию ведомости поступивших вам в бухгалтерию лицевого счетов.

Бухгалтер ответил, что сделать этого он не может ввиду того, что эти сведения никому из посторонних лиц не сообщаются. Услышав этот ответ, четверо схватили бухгалтера за руки, а двое других накиннули ему на шею веревочную петлю и слегка затянули ее. Один из душителей, обратившись к нему, сказал:

— Осознаешь ли ты, что это значит?

Потом, сняв с его шеи петлю, досказал свое шарлатанское притязание:

— Если не принесешь нам ведомость, то в следующий раз мы ознакомим тебя с более внушительным воздействием.

Бухгалтер, зная о коварстве этих людей и сам будучи человеком подневольным, также проживающим в зоне, оказался в безвыходном положении, а потому пошел в контору, сделал выписку с ведомости лицевого счетов и отдал ее шарлатанам. Они, ознакомившись с полученными данными, на другой день заставили нескольких рабочих написать свои заявления начальнику лагеря, прося выплатить им по его усмотрению некоторую сумму денег с лицевого счетов на их бытовые нужды. Тот наложил на заявления резолюции, и бухгалтерия выдала им указанную начальником сумму. После получения денег шарлатаны в тот же вечер отняли у рабочих половину того, что им было вручено.

Каждое утро прорабом обычно отсылался в город курьер с письменными сводками о продвижении работ на Пиван-

ском седле. Шарлатаны вручили курьеру часть из имевшихся у них денег и велели купить и принести им в карьер водки и там припрятать. Курьер по принуждению, с риском для своего положения принес им эту запрещенную покупку.

Вечером другого дня в бараке началось пение песен и продолжалось далеко за полночь. Зашедшему в барак надзирателю шарлатаны поднесли стаканчик водки, и он, выпив его, ушел на вахту, ничего не сказав относительно ночных криков и песнопений. Рабочие в ту ночь спали не более трех-четырёх часов, а шарлатаны днем выпались в карьере. Эти попойки стали происходить через каждые две-три ночи. Шарлатаны пропивали у рабочих деньги поочередно, сперва у одних, потом у других, — те немногие рубли, которые за долгое время начислила им концлагерная бухгалтерия.

В начале следующего месяца в зону пришел инкассатор и стал выплачивать премиальное вознаграждение за ударную работу на Пиванском седле. При выдаче денег присутствовал начальник лагеря. Бригадир во всеуслышание объявили, чтобы каждый рабочий жертвовал из своей полочки четвертую часть на покупку общелагерного патефона и пластинок. Начальник, услышав это объявление, с участием воскликнул:

— О да, да! Это благоразумная затея, так, так!

Все рабочие отдали бригадирам требуемую часть от своего грошового премвознаграждения. Через день шарлатаны купили на эти деньги водку и устроили очередную попойку.

В следующий после этого месяц перед получением премвознаграждения бригадир высказали новую выдумку о сборе четвертой части от получаемых денег на покупку краски и олифы для покраски в обоих бараках нар и полов. Присутствующий при этом начальник одобрил и эту наглую авантюру, сказав:

— Так, так! Эту покраску обязательно нужно произвести ради гигиеничности.

И ведь на ум не взбрело этому олуху поинтересоваться, приобретен ли патефон, на покупку которого деньги были собраны в минувшую получку.

И так вошло в обычай, что при каждой получке бригады под всякими благовидными предложениями грабили рабочих. И те, свыкшись с этой наглостью, терпели выпавшее на их долю шарлатанское иго.

Внезапный расстрел

В конце зимы через Пиванскую седловину проделан был узкий коридор, после чего началась отсыпка дороги по другую сторону сопочной гряды, затем на проложенные рельсы поставили железнодорожные вагонетки, которыми стали пользоваться при расширении насыпи. Часть людей, в основном, конечно, бурильщиков, увели вперед, на берег реки Хунгари, где построено было уже новое лагерное подразделение, и там началась разработка скалистого Хунгарского прижима.

Пробыв там некоторое время, я тяжело заболел воспалением легких, и меня увезли в городскую лагерную больницу, где я пробыл до самой весны. В середине марта, после своего выздоровления, я направлен был в пересыльный лагерь, где в то время находился только что привезенный из Москвы эшелон заключенных, следовавших во Владивосток, но по какой-то неизвестной причине завезенных в Комсомольск. Через неделю их по присланной из Москвы телеграмме вновь стали размещать по вагонам, чтобы увезти по назначению. В этот этап включили и меня.

В начале апреля наш эшелон прибыл на берег Японского моря. Климатический контраст юга по сравнению с Комсомольском изумлял каждого из приехавших на эту иную географическую параллель. Тут уже была в полном разгаре весна: солнце пригревало по-летнему, небо было голу-

бое-голубое, без единого облачка, морская даль умиляла взор своей необозримостью. На берегу лежало множество рыбацких лодок, рыбаки растягивали для просушки огромный невод. Вдали виднелись стоящие на рейде огромные океанские пароходы, но навигации еще не было.

Наш этап был направлен на дальний север, на берег Охотского моря близ города Магадана, в Нагаевский морской порт, но там бухта была еще покрыта льдом, препятствующим заходу морских судов. В том году, как говорили матросы, навигация началась намного раньше обычного, так что нам пришлось не особенно долго быть в пересыльном лагере.

Вскоре нас погрузили на товарно-пассажирский пароход, и он, снявшись с якоря, отправился в далекое плавание. Мы, находившиеся в трюме корабля, не видели по пути ни Японии, ни острова Сахалина, ни одной громады морских льдов, встречавшихся в Охотском море.

Через неделю пароход прибыл в Нагаевский порт, и нас вывели на берег. Шел уже май, а в Магадане было еще холодно. Этапным строем нас повели по узкой автодороге через не особенно высокий подъем по всему городу на другую его сторону, где на расстоянии четырех километров, в пригороде, находился пересыльный лагерь. Это был в полном смысле слова тюремный городок, в котором находилось тринадцать режимных зон, отгороженных одна от другой высокими дощатыми заборами. В летний период в каждой из этих зон помещалось по тысяче пересыльно-заключенных, но подолгу они там не задерживались ввиду того, что в золотопромывочный сезон прииски бесконечно требуют пополнения людских резервов, а потому их и направляют туда в спешном порядке этап за этапом.

В ту пору года, когда нас пригнали в тюремный городок, народу там было не особенно много.

Несмотря на то что все внутренние зоны огорожены были высокими заборами, для шарлатанов это не являлось

препятствием. Караульная стража находилась только на угловых вышках общей внешней зоны, а внутренние зоны не были под стрелковым обозрением. Со стороны общего двора лагеря, вокруг которого располагались внутренние зоны, были устроены сторожевые вахты с вахтерами, через которые можно было пройти на территорию той или иной зоны. Шарлатаны в заборах каждой зоны оторвали внизу по две доски, загнули на них гвозди и затем, несколько оттянув, раздвигали их в ту и другую сторону, вследствие чего образовывалась лазея, проникши через которую, они сдвигали оторванные доски на свое прежнее место, и отверстие вновь закрывалось так, что никому из посторонних невозможно было заметить этот проход, если предварительно не знать, где он находится. Благодаря этому шарлатаны невозбранно ходили по всем зонам.

Услышав, что в пересыльный лагерь прибыл первый этап с "материка" при начавшейся уже навигации, презренная шарлатанская клика числом не менее двадцати человек на другой же день пришла в нашу зону и устроила всем тщательный обыск, отыскивая прежде всего деньги. На ночь всех заключенных охранники запирали на замок в бараках с решетками на окнах, но шарлатаны не были этим стеснены и ничтоже сумняшеся производили грабежи среди дня. После окончания прощупывания каждого из вновь прибывших этапников двуногие волки один за другим полезли через известные им проходы каждый в свою зону.

Один хлюст из этой волчьей стаи, не полез вслед за друзьями, а прошел через нашу зону к противоположному забору, раздвинул известные ему две доски и пролез в другую. Перейдя и ее из конца в конец, стал отыскивать возможность пробраться в особую, 13-ю зону, где находились женщины. Она предусмотрительно была огорожена намного старательнее, чем все прочие. По верху ее забора была натянута в несколько рядов колючая проволока, и сам забор посередине и снизу

также был обтянут колючей проволокой, которая толстыми скрепами была прибита к каждой его доске, чтобы исключить всякую возможность проникновения в эту зону извне.

Хлюст принес с собой строительную скобу, разогнутую с одного конца и старательно отточенную. Внимательно, с простукиванием, просмотрел каждую доску и обнаружил, что они со временем обветшали и сделались ситовыми. Лицевая сторона забора была обращена в сторону женской зоны, где она и была скреплена проволокой. Он подсунул один конец скобы под прожилину и легко оторвал от нее пять или шесть досок. Шляпки гвоздей прорвались сквозь них как на нижней, так и на средней прожилине. После чего он стал этот сегмент забора, скрепленный связующей проволокой, постепенно расшатывать. Вскоре проволоки сломились — сперва внизу, а потом и в середине забора, что дало ему возможность отодвинуть нижнюю часть этой щитовидной связки досок. Образовалась лазея, сквозь которую он пробрался в зону и поспешно зашел в первый же барак. Там находился стационар, в котором лежали на койках больные женщины. Он сразу же набросился на одну из них. Та от испуга закричала, и он зажал ей рот ладонью. Вторая, увидев это, с криком выбежала из помещения. В женской зоне в то время находился надзиратель. Услышав крик, он побежал в стационар, увидел там хулиганствующего шарлатана и схватил его, желая удержать. Тот, вырвавшись, вознамерился было бежать, но надзиратель опять ухватился за него. Тогда шарлатан, выхватив из-за голенища своего сапога ту разогнутую отточенную скобу, которой отрывал на заборе доски, ткнул ею надзирателя в грудь, мгновенно умертвив его, а сам убежал, протиснувшись сквозь проделанную лазею в соседнюю зону, а оттуда скрылся неизвестно куда, затерявшись среди бывшего в пересыльном лагере народа.

Женщины, видя убитого надзирателя, побежали к вахте и сообщили об этом дежурному вахтеру. Тот по телефо-

ну просигналил на главную вахту, стоявшую во внешней зоне, откуда тотчас раздались несколько выстрелов, возвещающих тревогу.

Из казармы, отстоявшей на пятьдесят или семьдесят метров от пересыльного лагеря, быстро прибежало целое воинское подразделение, вооруженное винтовками, среди которых находился один солдат с ручным пулеметом. Узнав от вахтера о случившемся, они забежали внутрь основной зоны через широкие ворота, открытые для них настежь, и потом, как было указано вахтером, устремились во внутреннюю зону, находившуюся по соседству с женской, куда убежал убийца. Забежав туда, солдат, державший в руках пулемет, вышел вперед и громко крикнул находившимся внутри барака:

— Выходите все наружу!

Люди, ничего еще не знавшие о совершенном убийстве, были немало смущены тем, что в их зону ни с того ни с сего вбежало подразделение солдат с огнестрельным оружием в руках, чего никогда не бывало прежде, и, с опаской озираясь, стали нерешительно выходить из барака во двор, ожидая чего-то необыкновенного, но уж никак не расстрела.

Когда же они вышли наружу, то находившийся впереди пулеметчик дал длинную очередь по стоявшей в растерянности многолюдной толпе, и люди, как скошенная косою трава, упали на землю. Оставшихся в живых, которых по случайной случайности не задела пули осатаневшего чекистского изверга, стрелы бросились в барак, в растворенных дверях которого получилась великая давка. Одни, не успевшие до выстрелов выйти из барака, устремились наружу, чтобы узнать о случившемся, другие, спасаясь от расстрела, мчались им навстречу, сбивая на пол и топча ногами встречных. Кто-то, попав с солнечного света в темноту барака, не замечал упавших, спотыкался об них и падал сам, с громким злым сквернословием проклиная всех и вся, творящих им препону

на пути спасения... Забежав в барак, как в укрытие, все быстро и как попало залезли под нары, один поверх другого...

Солдаты, удовлетворенные этим кровавым злодеянием над беззащитными людьми, ушли из зоны, думая, по всей вероятности, что совершили героический подвиг отмщения за убитого надзирателя. Вечером, надо полагать, командир отделения перед строем объявил похвалу пулеметчику — учителю кровавой расправы, и тот с достоинством ответил:

— Служу трудовому народу!

Через некоторое время в зону пришли целой бригадой дворники, ассенизаторы и уборщики мусора, приведенные из всех одиннадцати зон, и стали уносить мертвые тела, которых оказалось сто тринадцать. С площадки соскабливали запекающуюся кровь, вместе с землей клали ее на носилки и выносили туда же — за территорию зоны. На тех же носилках приносили песок и посыпали им весь двор, особенно те места, на которых виднелись еще следы пролитой крови.

К вечеру все успокоилось, затихло и арестантская жизнь потекла в обычном русле, как будто ничего особенного не случилось. Оставшиеся в живых не были связаны ни друг с другом, ни с убитыми никакими родственными или братскими узами, общностью взглядов или убеждений. Это был пересыльный лагерь, где этаплируемые люди не знали ни имени, ни фамилии друг друга, где подолгу не задерживались, а потому и не стремились к какому бы то ни было знакомству. Потому-то оставшиеся в живых с видимым равнодушием отнеслись к этому ужасному происшествию, совершившемуся на их глазах крайне неожиданно и необыкновенно быстро, как внезапно разразившаяся гроза со сверканьем молнии и раскатами грома и потом так же неожиданно и быстро прекратившаяся и оставившая после себя незабываемые воспоминания.

Но кто они были, эти убитые люди, и откуда? Это не было известно никому из очевидцев расправы. Их имена и фами-

лии узнали только немногие работники спецчасти, которые перед похоронами у каждого из мертвецов снимали дактилоскопические отпечатки и по ним опознали этих неизвестных, после чего каждому надели на шею специальную дощечку, где были написаны фамилия, имя и отчество, год рождения, статья уголовного кодекса и срок наказания, и с этой по смертной эпитафией опускали в общую могилу. А дома, в родной деревне или селе, многих из этих похороненных ожидали, проливая слезы и подсчитывая месяцы и дни, их жены и малые дети, зная, что отцы должны скоро возвратиться, так как были приговорены к полутора или двум годам лишения свободы за незначительные бытовые преступления: за невыплату налога, самовольный уход из колхоза, недостаток по неуважительной причине должного числа трудодней, требуемых с каждого колхозника... А их вот ни с того ни с сего застрелил из пулемета тупоумный чекистский изувер.

Кто бы смог без возмущения услышать или прочесть повествование об этом ничем не оправданном акте расстрела ни в чем не повинных людей?! Кроме этих ста тринадцати убитых, было еще множество раненых. Об этом ужасном событии знали только еще гражданские врачи, представители гуманитарной профессии, но, однако, не произошло никакой огласки. Все было тщательно заглушено, скрыто и замято, нигде не проскользнуло ни единого слова о случившемся кровопролитии, и оно осталось не известным никому, как и многие подобные кровавые злодеяния, совершенные чекистами в разное время и в разных местах.

Этап на прииск

Ранней весной начальники приисков развернули интенсивную работу по подготовке золотоносных полигонов к двигающемуся золотопромывочному сезону, а потому по-

всюду почувствовалась нехватка рабочей силы. С одного из приисков с якутским названием Курангалых в пересыльный лагерь приехала автомашина, и в ее кузов стали плотно усаживать людей, в число которых был включен и я.

После оформления соответствующих этапных документов в кузов поднялись два солдата с винтовками и встали рядом за установленный там дощатый барьер возле самой кабины. Люди же сидели с поджатыми ногами, повернувшись лицами в противоположную от них сторону — к заднему борту кузова. Через несколько минут шофер завел мотор и выехал из лагеря.

Автомашина помчалась по укатанной дороге вдаль от видневшегося берега моря и через полчаса очутилась среди сплошного леса, состоящего исключительно из лиственницы. Лишь изредка между деревьями виднелись кусты стланика, покрытые длинной вечнозеленой хвоей наподобие кедра.

После двух или трех часов езды на пути встретился небольшой поселочек по названию Палатка с виднеющейся посреди его зоной концлагеря, сделанной из тонких жердочек. В этом поселочке автодорога раздваивалась: влево пошло ответвление на запад, а наша машина неуклонно мчалась на север. Через какое-то время на пути встретился второй маленький поселочек — Стополсотни, так же с концлагерем. Название этого поселочка соответствовало его месторасположению на сто пятидесятом километре от Магадана.

Ехать в скрюченном положении было крайне тяжело, и у всех сидящих ноги онемели до судорог. Время от времени шофер останавливал машину, предоставляя возможность страдальцам на пятнадцать-двадцать минут подняться на ноги для удовлетворения естественных надобностей. Истомившиеся люди с великим трудом, придерживаясь один за другого, вставали, поочередно проталкивались кто к заднему, а кто к боковым бортам кузова, разминали свои

онемевшие ноги и опять садились на прежние места, скрючиваясь всем телом и обняв руками свои ноги. Через короткий промежуток времени вновь начинались судороги, боли в ногах и в поясице до нетерпимости, но все молча переносили эти тягости, осознавая и муки рядом сидящих. Лишь какой-то один кляузный шарлатанишка, находившийся между нами, истошно глаголал на каждом уклоне автодороги, а при подбрасываниях автомашины на дорожных неровностях, когда всех сдвигало в сторону кабины, он, не мирясь с возникающей теснотой, неистово, со сквернословием клял впереди его сидящего человека и при этом кулаком давал ему тычок за тычком в затылок, обзывая паразитом и гадиной, твердя одно и то же:

— Не сдвигайся назад! Не сдвигайся назад!..

На каком-то уклоне дороги, когда он больше прежнего стал нудно каверзить, один из конвоиров ударил его в спину прикладом винтовки и с негодованием крикнул:

— Чего ты бесконечно скулишь? Только одного тебя и слышно!

Он, несколько присмирив, замолчал, но через короткое время при новых встряхиваниях машины опять продолжил свою нудную каверзу. В конце дня в одном придорожном поселке автомашина остановилась, подъехав к нескладно построенному зданию. Шофер, выйдя из кабины, сказал, что здесь будем спать, и, закрыв ключиком дверцы автомашины, куда-то ушел. Конвоиры велели всем вылезти из кузова и заходить в это неказистое помещение с кривыми углами — там, по всей вероятности, были летняя кухня и столовая для сезонных рабочих, посреди находилась довольно обширная печь, сложенная из кирпича, и стояли длинные столы и скамейки. Зайдя внутрь, люди сели на скамейки и так, сидя, навалившись на столы, уснули. Один из конвоиров ушел к недалеко находившемуся концлагерю, возле которого была казарма военизированной охраны с виднеющимся на ее крыше

красным флагом, а второй остался возле этого нежилого помещения, где находились подконвойные люди.

В середине ночи у многих явилась нужда выйти наружу по естественной надобности, но солдат, закрыв дверь на засов, из помещения никого не выпускал, потому что на карауле остался один. Запертые люди озадачились: как же быть? В ту пору года в тех местах начались уже белые ночи и конвоиру можно было бы по одному выпускать людей на двор, но он, не видя вблизи туалета, не решился кого-либо выпустить, опасаясь побега. Внутри помещения было темно из-за того, что в одной стене было прорублено на улицу всего лишь два маленьких окошечка. Кто-то из этапной компании в полумраке случайно обнаружил, что в кухонной печке находится вмазанный в нее поварской котел и, сняв с него крышку, полушепотом сказал:

— Братцы, да здесь вот котел!

И, забравшись на печь, бесцеремонно испражнился в него. За ним, разумеется, последовали все остальные.

Утром, как только солнце вышло из-за окружающих поселочек сопок, шофер пришел к автомашине и завел мотор, за ним пришел и солдат, уходивший в казарму. Раскрыв дверь, конвоир стал, пересчитывая, выпускать из помещения бывших там людей. Выходивший последним закрыл крышкой кухонный котел и поспешно вышел наружу. Второй солдат усадил людей в кузов, и шофер первоначально подогнал автомашину к вахте близ находившегося концлагеря, откуда через проходную калитку вышел хлебозерез и с ним несколько человек лагерной обслуги, они вынесли за вахту ящик с нарезанными пайками хлеба и ящик с провиантом на текущий день — соленую рыбу (лосось) и пиленый, кусочками сахар. Получив этапный порцион, люди стали есть в кузове, не поднимаясь со своих мест, а шофер завел мотор, и автомашина неспешно выехала на основную дорогу и продолжила свой путь.

Скоро дорога резко уклонилась на запад, а через некоторый промежуток времени люди опять стали томиться, находясь в скрюченном положении, но терпеливо, в молчании переносили эти страдания, даже сварливый шарлатанишка несколько меньше каверзил, чем в минувший день.

Перед полуднем, когда миновали поселочек Оротукан, на пути встретился длинный автодорожный мост, и шофер во всеуслышание сказал, что это мост через реку Колыму. По мосту автомашина поехала медленнее. Был ледоход, массивные льдины толщиной не менее двух метров с шумом ударялись одна о другую, от них откалывались огромные ледяные глыбы и, поворачиваемые течением, иногда на несколько секунд довольно высоко поднимались над поверхностью реки, становясь ребром и высываясь угловатыми острьяками из бурлящего мутного водоворота. В конце моста находился оперативный пост военизированной охраны, были установлены шлагбаум и караульная будка. Подъехав к ней шофер, остановил машину. Караульный солдат, выйдя из будки, подошел к автомобилю и попросил шофера предъявить путевой лист. Тот протянул к нему из кабины руку с нужным документом. Глянув на него, солдат поднял шлагбаум, шофер включил мотор, и машина, сойдя с моста, помчалась по автодороге дальше и к вечеру без особых приключений прибыла на прииск.

При громком слове "прииск" должно быть представляется место, где сосредоточено огромное количество новейшей техники со всевозможными мощными землеройными машинами, экскаваторами, бульдозерами, перфораторами, с установленными на них скрейберами, движущимися трансмиссионными лентами и прочее и прочее. Но, увы! вместо всего этого взору предстало жалкое зрелище полигона, на котором виднелась всего-навсего небольшая будочка, где находилась походная кузница, в которой отковывали и закаливали буры, да недалеко в стороне, за отвалом, лежало множе-

ство примитивного устройства саночек с прибитыми к ним ящиками, в которых приисковые рабочие зимой вывозили на себе с полигона взорванный грунт, лежавший поверх золотосодержащего слоя песков. На расстоянии трехсот пятидесяти или четырехсот метров от полигона находился концлагерь с оградой из тонких жердочек, внутри виднелись два больших барака, несколько в стороне от них находились кухня и несколько небольших жилых помещений. Автомашина, подъехав к вахте, остановилась, народ спустился на землю, вахтер, зачитывая по списку фамилии, пропустил по одному всех этапников в зону, и люди, разминая ноги, пошли в один из барачков, на который им было указано.

Барак этот разделен был на две секции — правую и левую, в середине же находился большой тамбур, перегородженный пополам глухой стеной, за которой была устроена сушилка. Зайдя в правую секцию, я немало удивлен был тем, что жильцов там было ничтожное количество, хотя наступил уже конец рабочего дня и приисковые труженики должны были бы находиться на отдыхе. Можно было догадаться, что в лагере нехватка рабочей силы.

Прибывшие новики разместились по сплошному двухъярусному настилу нар, расположенному по обе стороны секции. В передней стене барака было всего лишь одно небольшое окно и в секции было весьма темно. Постепенно глаза привыкли к полумраку, и я вдруг увидел валяющуюся на полу кем-то оброненную пятирублевую купюру и, подняв ее, спросил, обратясь к находившимся там старожилам:

— Кто из вас утерял пять рублей?

Один из них, бывший поодаль от меня, ответил:

— Пусть они будут твои, поскольку это твоя находка.

— Нет, — возразил я, — кто-то же из вас утерял их.

— Да возьми их себе! — повторил тот и добавил: — Мы здесь нужды в деньгах не имеем и сожалеть об этой ничтожной потере никто из наших не будет.

— Весьма странное явление, — в недоумении проговорил я.

— Нам здесь выплачивают огромные денежные оклады, — пояснил собеседник, — а потому-то мы и небрежно относимся к сбережению денег.

— Вам выплачивают оклады? — с удивлением переспросил я его.

— Да, — подтвердил собеседник.

— Да какие же могут быть оклады заключенным? — скептически возразил я.

— Как ни странно, но я вот исполняю на прииске обязанность конюха, и мне установлен твердый оклад семнадцать тысяч рублей.

— Семнадцать тысяч рублей? — крайне изумленно переспросил я его, ибо мне, находившемуся минувшие осень и зиму в Комсомольске-на-Амуре, известно было, что там заключенному-конюху платили всего-навсего четырнадцать рублей в месяц, и то лишь как премиальное вознаграждение за добросовестное отношение к порученному хозяйственному делу.

Все вновь прибывшие, услышав мое изумленное восклицание, враз замолчали, обратив внимание на нашу беседу, так что в помещении воцарилась глубокая тишина. Собеседник, оценив мое изумление, с усмешкой добавил:

— А вот приисковые старатели, занятые непосредственно на промывке золота, причислены к разряду труженников сдельной оплаты труда и получают деньги в зависимости от веса сданного ими золота. И их месячный заработок достигает зачастую двадцати пяти тысяч рублей.

После этих слов все новички слезли со своих нар, обступив рассказчика, стали с удивлением спрашивать, правда ли это?

— Правда, правда! — заверили их старожилы.

Удивлению вновь прибывших не было предела, и они стали задавать рассказчику многочисленные вопросы, пытаясь

узнать у него о своем новом местопребывании, и прежде всего о том, что же представляет собой Колыма со всем ее концлагерным управлением. Но главное, они особенно дознавались о причине щедродательности государственных деятелей, выражающейся в баснословно высокой оплате труда.

— На реке Колыме, — сказал рассказчик, удовлетворяя их просьбы, — существуют в данный период четыре горнопромышленных управления: Тенкинское, Западное, Северное и Северо-Западное; они охватывают собой огромную территорию вдоль всего верховья реки до среднего ее течения. Там располагается большое количество самостоятельных золотых приисков, моющих золото на многих речных притоках, которые сосредотачивают в себе многочисленные малые ручьи и ручейки, в истоках которых в основном то и производится вся золотодобыча. В нашем концлагере живет много старых рабочих-золотоискателей из всех четырех горнопромышленных управлений, которые трудились на многих приисках и отдельных приисковых ответвлениях, называемых участками. И вот на основании своего многолетнего опыта они заключают, что на всех этих обширных золотоносных территориях, насчитывающих много полигонов, находящихся в данный период в стадии технической разработки, имеется почти одинаковое содержание количества драгоценного металла в кубометре промываемого грунта, а потому-то вот и одинаково высокие заработки у всех золотодобытчиков Колымы. Старые золотопромыватели — лотошники, живущие на Колымских приисках уже по нескольку лет, рассказывают, что в первые годы после вскрытия грунтового слоя торфов, лежавших поверх золотороссыпного песка, и при начале их разработки они примитивным способом, с помощью простейших золотомойных лотков, намывали в день до двенадцати килограмм золота. Но должен сделать небольшую оговорку, что это, конечно, их золотоискательское мастерство, приобре-

тенное ими за долгое время, ибо они научились отыскивать направление золотороссыпных жил со встречающимися на них отдельными кочками, где из каждой такой обнаруженной кочки они извлекали по несколько килограмм мелких самородочков. Должен сказать, что теперь уже того дармового намыва золота, конечно, нет, но, однако, все равно золотодобыча на наших Колымских приисках необыкновенно велика. Лично я сам в прошлом году работал в Западном управлении на прииске Мельдяк, находящемся в обширной Чайурьинской золотоносной долине. Там производят механическую промывку золота с помощью скрейберов. Там я видел, что один скрейбер при обслуживании его двумя рабочими бригадами по двадцать человек, которые в две смены днем и ночью тачками высыпали в его бункер золотосодержащие пески, а он промывал их, за сутки извлекал по двести килограмм золота. Во избежание золотоутечки в филевые выбросы под ним съемку золота производили четыре раза: в полдень, вечером, в полночь и утром.

Колыма хранит в своих недрах огромные, богатейшие месторождения золотых россыпей. Судя по открываемым каждый год все новым и новым подземным кладовым, залегающего на ее территории несметного золотого сокровища, можно с уверенностью сказать, что государство наше в скором времени сказочно обогатится и расцветет. Улучшится благосостояние всего нашего народа. У нас не будет уже ни голодающих, ни оборванно одетых, исчезнут слезы и воздыхания, возникающие по причине материальной скудности. Поисковые партии геологоразведчиков говорят, что золотой телец, залегающий среди грунтов Заполярья, скованных вечной мерзлотой, головой лежит на Аляске, а туловище его покоится на Колыме. И те намывы золота старателями Аляски, которые описал в своих книгах золотоискатель Джек Лондон, по сравнению с колымской золотодобычей очень и очень малая величина.

Кто-то из слушателей спросил у рассказчика, кто и каким образом разыскал эти места золотых сокровищ? Тот ответил:

— Каждую весну геологические партии, снабженные новейшими золотообнаруживающими приборами, грузятся со всеми своими инструментами и аппаратурой на десятки нарт оленетранспорта, и олени увозят их за двести, триста, четыреста и более километров в таежную даль, и там они в течение лета производят между сопок разведку. Прежде всего смотрят на дно протекающих по долинам ручейков, выискивая в них местонахождение металла, называемого пиритом, выявляющего себя в виде отдельных мельчайших блесточек, имеющих вид чистого золота. По присутствию его распознают, что в том месте должны быть золотоносные пески, потому что пирит является спутником золота, и там уже производят тщательные поиски и исследования. В случае обнаружения признаков местонахождения золота, вкапывают в том месте столб, астрономическими инструментами устанавливают географические координаты данного места — градусы, минуты и секунды меридиана и параллели — и надписывают их на том столбе. А на географических картах ставят определенные значки и пометки.

На следующий год или несколько позднее в то место привозят поисковую бригаду рабочих-золотоискателей вместе с годовым запасом продовольствия, обмундирования и инструментом: кирками, ломami и бурами. Привозят и аммонал. Рабочие ставят там палатки и начинают рытье шурфов. Несколько углубившись, делают промывочное опробование грунта при помощи лотков, затем, при дальнейшем углублении, вновь производят такое же опробование, и так, постепенно опускаясь глубже и глубже, достигают наконец золотосодержащего пласта и, прорывшись до его подошвы, то есть до конца, измеряют толщину залегающего слоя песков. После этого начинают линиями рыть множество шурфов по

пространству всей долины, распознавая по ним длину и ширину золотоносного полигона, и если в том месте богатое содержание золотых россыпей, то в скором времени туда прокладывается автопроезд и там открывается прииск.

Впоследствии распространился слух, что геологоразведчики обнаружили местонахождение золота на реке Индигирке, отстоящей от наших мест на пятьсот километров, — стало быть, к тем местам будут строить автодорогу.

Столетний мертвец

После приезда на прииск вновь прибывшим дали один день отдохнуть после перенесенных мук транзитного этапирования и потом вывели на полигон. Начальник прииска дал указание нарядчику лагеря, ведавшему и распределявшему рабочих по местам приисковых объектов, чтобы он сформировал из новых людей особую бригаду, и, когда она была укомплектована, назначил в нее бригадиром одного рабочего, находившегося прежде в одной из старых бригад, а потому знавшего золотомойное производство.

Всех вышедших за зону людей взял под свое наблюдение надзиратель лагеря. Прииск был бесконвойным из-за недостатка военизированной охраны. Придя на полигон, рабочие получили буры, с обеих сторон окованные несколько изогнутыми ударными остриями, напоминающими собой искривленное шило. Бригадир указал каждому члену бригады определенное место, поставив всех в ровную линию на расстоянии двух метров один от другого, и объяснил, как нужно делать шурфы, которые должны быть длиной один метр двадцать сантиметров, шириной восемьдесят сантиметров с углублением на три метра.

Первоначально нужно было пробурить по две скважинки в линию в девяносто сантиметров одна от другой диамет-

ром по десять-двенадцать сантиметров с углублением на полметра, и рабочие взялись за дело, пробуравивая в грунте нужные скважинки. Сперва работа пошла довольно успешно ввиду того, что верхний слой грунта был несколько отогрет весенними лучами солнца. Раздробленный грунт внутри бурок выскрабливали и вычищали специальными ложечками, насаженными на длинные черенки. Через три или три с половиной часа все скважинки были пробурены на нужную глубину. Пришел взрывник и с ним двое рабочих — его подручников. Они принесли три мешка аммонала и засыпали его в каждую сделанную бурку в небольшом количестве, вложив туда бикфордовы шнуры с имеющимися на них капсюлями. Потом все бурки затрамбовали мелкораздробленным грунтом и велели всем шурфовщикам уйти с полигона, после чего стали производить взрывы, по окончании которых рабочие возвратились на свои места и начали разрыхленный грунт выбрасывать на размеченные бровки шурфов. После взрывов мерзлая земля несколько отогрелась, так что легко было обрабатывать стенки углубления, придавая ему четырехугольную форму. По удалении взорванного грунта шурфовщики опять стали бурить новые скважинки в обоих концах шурфов также на полметровую глубину, и вот тогда все почувствовали трудоемкость приисковой работы, почувствовали, что вечная мерзлота, сковавшая собой недра северной земли, нелегко уступала рабочим. Смерзшаяся порода разнообразных категорий грунта, перемешанная с крупными булыжниками и мелким щебнем, как зацементированная, едва-едва поддавалась дроблению на мельчайшие комочки внутри скважинки, и нужно было изо всей силы ударять заостренными концами бура, чтобы разрушить это вечномерзлотное сцепление. Сущее бедствие для шурфовщика, когда пробуравливаемая им скважинка при ее углублении упиралась в какую-либо огромную булыжину, которую по необходимости приходи-

лось с удвоенной затратой мускульной энергии пробивать насквозь. При этой трудной работе ежечасно затуплялись острия буров, изготовленных из лучших сортов стали, и их в кузнице заново отковывали и закачивали.

К концу десятичасового рабочего дня у всех шурфовщиков заболели локти и плечи от этой чрезмерно тяжелой и напряженной работы. Вечером они медленно поплелись в зону и, придя в барак, сразу же легли на нары по своим местам, изнемогши от усталости. Ночью во время сна все эти труженики лежали вниз лицами, подсунув руки под себя из-за невероятной боли в суставах. Утром их всех опять вывели на полигон и развели по прежним объектам работ.

Через пять или шесть дней при углублении шурфов уже почти на предельную уходку между рабочими то тут то там стали часто происходить драки, и бригадир беспрестанно бежал по полигону, разнимая сцепившихся. Суть дела заключалась в том, что при углублении шурфов почти до трех метров на бровках образовывались высокие насыпи выброшенного грунта, примерно в полтора метра. И вот, чтобы выбросить на гребень этой насыпи, то есть на высоту более четырех метров сыпучую мерзлотную массу со дна обрабатываемого шурфа, нужно было иметь сноровку, дабы не перебросить ее и не недоброе, потому что при недоброе все эти комья скатывались с образовавшейся насыпи обратно в шурф, а при перебрасывании падали в соседний шурф. И вот бывало, что довольно увесистый ком или камень, скатываясь туда, падал шурфовщику на голову, и тот, разозлившись, вылезал наверх и, схватив первую попавшуюся ему бульжинку, с четырехметровой высоты бросал ею в своего соседа по работе. Тот, в свою очередь выбравшись наверх, набрасывался на него, и только бригадир, подоспев к месту завязавшейся схватки, разнимал их и заставлял спускаться в свои шурфы.

Через десять-двенадцать дней шурфовочных работ специалист-опробовальщик стал часто спускаться на дно шур-

фов, набирал там в лоток немного размельченного грунта и, выбравшись наверх, промывал его в горячей воде, специально нагретой в зумпфе для этой надобности. Наконец, все шурфовочные работы на полигоне были остановлены, так как на дне лотка после промывки грунта, начинавшегося на глубине трех метров, над золотосодержащим слоем песков, обнаружались мельчайшие блесочки верхового золота. После этого рабочие оживленно забегали по полигону, поднося аммонал к шурфам, укладывая по полмешка на дно каждого из них, протягивая бикфордовы шнуры, заваливая шурфы землей и тщательно ее утрамбовывая. Затем все ушли с полигона, и был произведен мощный взрыв. Вверх полетели огромные глыбы смерзшегося грунта, скрываясь из виду в синеве небес, и, падая обратно, дробились на мелкие комья.

В прежнее время зимой рабочие на примитивных сачочках вывозили этот разрыхленный грунт за отвальную линию, но в ту весну из Магадана на прииск был привезен гусеничный экскаватор "Кунгуровец" с ковшем емкостью в полтора кубометра. Он после взрыва своим ходом подошел к отвальной линии и начал выбрасывать с полигона взорванный грунт, а рабочие несколько в стороне опять стали бурить скважинки и выкайливать новые шурфы.

Через несколько дней один рабочий-шурфовщик, случайно зайдя на другую сторону насыпи, сделанной экскаватором, увидел там мертвого человека, лежавшего вниз лицом на отвальном склоне, и крикнул экскаваторщику:

— Остановись, остановись! Ты убил человека!

Экскаваторщик, прекратив работу, спустился по лестнице со своей машины и подошел к тому месту, где находился мертвец. Одновременно с ним на крик сбежались все бывшие на полигоне и стали с удивлением рассматривать неизвестного им мертвеца, одетого по-граждански: на нем была кожаная тужурка, суконные брюки-бриджи с нашитыми на них хромовыми леями, на ногах были яловые сапоги,

на голове — кожаный картуз. Все недоумевали, какими же судьбами очутился здесь этот странный чужой человек?

Находившийся в то время на полигоне маркшейдер велел двум рабочим сходить за начальником прииска и уполномоченным НКВД, который выполнял обязанности следователя.

Взойдя на отвал, уполномоченный повернул мертвеца на спину, и все увидели синее-пресинее лицо. Следователь стал производить обыск. Из наружного кармана тужурки он извлек кошелек с мелкими золотыми самородочками весом примерно полкилограмма. И всем стало понятно, что человек этот был золотоискателем. Второй наружный карман оказался пустым. Затем следователь, расстегнув пуговицы тужурки, опустил руку во внутренний карман и вынул оттуда паспорт, называвшийся видом, и какой-то исписанный лист бумаги, свернутый вчетверо. Раскрыв паспорт, он прочитал еле заметную потускневшую запись: "Борискин Александр Иванович, 1798 года рождения, житель города Иркутска".

Несмотря на то что лицо мертвеца уже утратило те черты, по которым можно было бы хоть примерно распознать его возраст, собравшиеся по отдельным приметам определили, что ему было лет сорок пять или чуть более того. Стало быть, покойник пролежал, скованный вечной мерзлотой, почти целый век.

Далее уполномоченный развернул вчетверо сложенный лист исписанной бумаги, оказавшейся предсмертным письмом, в котором разобрать можно было только некоторые слова. По ним можно было догадаться, что он писал кому-то свое завещание о распределении между детьми или родственниками оставшегося у него в Иркутске капитала и всего движимого и недвижимого имущества. Вот какую заботу возымел он при приближении смертного часа.

Все находившиеся на прииске недоумевали: как же так могло получиться, что его не разорвало взрывом, по какой

такой необыкновенной случайности он оказался не затронут ударной волной и остался невредим? Вторая случайность также изумляла всех: как так удачно он был зачерпнут экскаваторным ковшом, имевшим по краю ряд огромных зубьев длиной по двадцать сантиметров. Стало быть, зачерпнут мертвец был ковшом не поперек, а вдоль туловища либо с головы, либо с ног. И третья, не могущая не обратить на себя внимание случайность, что его вовремя увидел рабочий-шурфовщик, когда экскаватор выбросил его из ковша вместе с грунтом на отвал. Если бы он не был тотчас же замечен, то через короткое время экскаватор засыпал бы его следующим полуторакубометровым выбросом земли и похоронил бы навсегда в этой новой для него могиле.

Почему появился здесь в минувшем веке этот человек-старатель, предпринявший крайне рискованное путешествие на поиски новых месторождений золота? Каким путем смог прибыть он сюда, в этот дикий, необитаемый край, и, доверяясь своему чутью, на такой глубине обнаружить золотые россыпи? И наконец, кем похоронен был он здесь в никогда не оттаиваемой глубокой могиле?

Осенью того же года, когда морозы сковали землю, на прииске построили тепляки и установили в них зумпфы с водой, разведя под ними костры, и в горячей воде продолжали промывку золота. На полигоне образовали забои и стали в них пожарами отогревать смерзшийся золотосодержащий грунт. На все это требовалось огромное количество дров. Два возчика беспрестанно подвозили на лошадях, запряженных в волокуши, срубленные ими не особенно далеко от прииска деревья, тотчас же распиливали их на чурбаки и сжигали. Один из возчиков натолкнулся на одно довольно толстое, уже с отвалившимися от него сучьями и все потрескавшееся дерево, но усомнился рубить его, так как на нем вокруг нижней части всего ствола имелись вырезанные ножом слова: "Здесь были золотоискатели из горо-

да Иркутска...” И далее следовало перечисление фамилий, имен и отчеств пяти человек. Среди них значился и Борискин Александр Иванович. Возчик, приехав на полигон, рассказал об этой оказии горному мастеру, находившемуся в то время в тепляке около зумпфов. Мастер, придя к тому дереву, прочитал вырезанные на нем слова и по своему ту-поумию не осознал великую ценность этой исторической находки, которая, как памятник, долгие и предолгие годы свидетельствовала бы собой будущему поколению русских людей о бесподобном героизме иркутских смельчаков-золотоискателей, предпринявших такое рискованное путешествие за “тридевять земель”, на неведомую тогда еще далекую северную реку Колыму, и первыми обнаруживших на одном из ее притоков месторождение золота. Безрассудный человек, не посоветовавшись ни с кем, велел возчику спилить это дерево и увезти на полигон, где рабочие тотчас же распилили его и сожгли на кострах.

Весть об обнаружении Борискина с большим замедлением была сообщена в Магадан, так как в те времена не была еще налажена телефонная связь. Даже ежедневные сводки по намыву золота по всем приискам передавались из рук в руки курьерами, ходившим пешком на определенные дистанции. Да и надо заметить, что весть эта при своем поступлении в Главное управление Дальстроя, по всей вероятности, не возбудила в ком следовало должного интереса (как новость второстепенной важности) из-за царившей тогда во всех местах Колымы “золотомойной страды”, а потому начальствующим было не до этого. А вскоре наступили холода, и, видимо, ни у кого не появилось желания ехать в такую даль, да тем более на новооткрывающийся прииск, ради одного любопытства.

Разведчики приехали на прииск в легковом автомобиле только весной следующего года и произвели дознание об обнаруженном столетнем мертвце, бывшем в то время уже за-

ново погребенным. Выкапывать его из могилы не нашли нужным, ограничились одними расспросами очевидцев, присутствовавших при его обретении, и собирались уже восвояси. Но вдруг до их слуха совершенно случайно донеслось от одного простого рабочего сообщение о спиленном и сожженном достопримечательном дереве. У следопытов явилось неотвратимое желание повидать хотя бы то место и оставшийся от него пень. После произведенной экскурсии они начали вести следствие по поводу безрассудного поступка горного мастера, и его, как единственного виновника в этом акте, за повеление спилить достопамятное дерево посадили с собой в автомобиль и увезли в Магадан, откуда он на прииск уже больше не возвратился. Эта репрессивная акция, как возмездие за безвозвратно утраченную историческую ценность, была уже абсолютно бессмысленна и решительно ничем не могла поправить дела, с течением времени преданного полному забвению. Прииск же тот, после того, как побывали на нем дельцы из Магадана, стал называться по решению Главного управления Дальстроя именем Борискина.

Но возвратимся к загадочному появлению в тех местах пяти золотоискателей из Иркутска, прибывших сюда как на необитаемый остров. В минувшие времена не было абсолютно никакой возможности оказаться там группе людей с нужным геолого-разведывательным инструментом и большим запасом продовольствия и ни с того ни с сего, на авось начать трудоемкую разведывательную работу, требующую огромных материальных затрат, затрат времени и мускульной энергии. Магадана тогда еще и в помине не было, хотя, может быть, и были на побережье приморские поселки — Ола, Армань, Тауйск, но сама бухта Нагаева была известна мореплавателям только как место укрытия кораблей от бушующих штормов, но без причала. Так что проехать в те места, где оказались иркутчане, из Нагаевской бухты, отстоящей от речного притока Колымы более чем на пятьсот кило-

метров, преодолевая бесконечные гряды сопок, было невозможно ни на каком вьючном транспорте.

Единственное верное предположение, что они могли приплыть в те места с низовой Колымы, то есть из бухты Амбарчик, на парусной лодке в начале лета, когда на Колыме половодье.

Церковная история повествует, что в те далекие времена, когда Аляска была уже продана американцам, на ней продолжалась рьяная деятельность православных миссионеров по распространению христианской веры среди эскимосов и прочих туземных племен и корабли русского флота часто отправлялись в плавание к берегам Аляски. Сохранилось даже повествование, что некий корабль с группой миссионеров пустился в такое плавание поздней осенью, когда на Охотском море возникают ужасные тайфуны — страшные ураганы огромной разрушительной силы. Но корабельщики пренебрегли этой опасностью. Находясь в открытом море, корабль был захвачен тайфуном и утонул. Но миссионеры невзирая ни на какие опасности и трудности вновь и вновь продолжали отправляться на проповедь по примеру апостолов Христовых, неся “свет во откровение языков”.

Можно полагать, что на какой-то из этих кораблей погрузилась группа иркутских старателей со своими золотискательскими орудиями: ломами, кирками, лопатами, золотомойными лотками, топорами, пилами, шатром для жилья, постельными принадлежностями, большим запасом продовольствия и прочим житейским скарбом, — и корабль направился к Берингову проливу. Миновав его, корабль уклонился от своего курса, пришел в бухту Амбарчик и, спустив с борта на воду лодку со всем имеющимся на ней грузом, отправился по назначению, а группа старателей, расправив паруса, направилась вверх по неведомой им реке Колыме. Плывя по ней целыми днями и продолжающимися в ту пору года белыми ночами, они через какое-то сравни-

тельно недолгое время прибыли в верховье одного из многих ее притоков и, высадившись на берег, начали разведку. Имея большой практический опыт, они сразу же определили, что в том месте должно быть месторождение золота. Обосновавшись на определенном месте, они с уверенностью принялись дело, пожогами отогревая вечную мерзлоту и постепенно спускаясь вглубь, и когда добрались до золотосодержащего слоя, то прорыли шахту и стали производить добычу золота. Потрудившись там некоторое время, Борискин, по всей вероятности, заболел и вскоре скончался, друзья похоронили его в вырытой ими шахте, завалив ее до верха грунтом, а сами на лодке со всем имуществом уплыли в низовья Колымы, где дождались по преждеусловленной договоренности корабля, который и взял их на борт.

Самородки

В середине июня мерзлый золотосодержащий грунт начал отогреваться под лучами солнца. Тогда рабочие установили на полигоне примитивные золотомойные проходнушки, представлявшие собой простые желоба, сбитые из досок, шириной тридцать пять сантиметров, высота боковых стенок составляла двадцать пять сантиметров, длина — сто семьдесят сантиметров. По всему дну желобов на расстоянии двенадцати сантиметров одна от другой были набиты четырехгранные реечки толщиной по двадцать пять миллиметров. Поверх этих реечек во всю длину желобов сверху донизу было настлано сукно, плотно облежавшее эти реечки. Желоба устанавливали в наклонном положении, примерно под тридцать пять градусов, наверху их были установлены тюрочки с зауженным низом, внутри тюрочков были вложены грохоты наподобие решета с крупными отверстиями диаметром тридцать миллимет-

ров. На эти грохоты насыпали золотосодержащий грунт и сверху лили на него черпаками воду. Золото, будучи тяжелее земли, осаждалось на низ, падая сквозь отверстия грохотов на дно желобов, и задерживалось на краях реечек, покрытых сукном, а мелкие камешки и песок смывались струей воды и скатывались по желобу. Оставшиеся на грохотах крупные камни сбрасывали с проходнушек вниз, а вместо них насыпали на грохоты новый грунт.

Бригадир, приведя нас на полигон, разделил всех на звенья по три человека, каждому звену отвел определенный забой, дал по одной проходнушке, и мы начали с усердием работать.

В середине рабочего дня пришли горный мастер, надзиратель лагеря и бригадир, вынули сукно из желоба нашей проходнушки, сгребли с него в принесенное ведро всю задержавшуюся на выступах реечек землю, перемешанную с золотом, и затем сукно вновь разостлали по желобу. Такую же съемку золота произвели во второй проходнушке, находившейся по соседству с нами, затем в третьей, четвертой... и так поочередно у всех трудившихся на полигоне. Тут я впервые в жизни увидел маленькие золотые самородочки величиной чуть больше горошинки, а то и совсем мизерные, и все они по виду ничем не отличались от желтой меди.

В конце дня со всех проходнушек опять произвели съемку золота и вновь унесли его вместе с землей в приисковую золотую кассу.

Поздно вечером бригадир сказал, что наше звено за день намыло семь килограмм золота. Нас это сообщение ввергло в безрассудно-радостное настроение.

Так потекли одна за другой наши трудовые недели на полигоне почти с одинаковыми ежедневными намывами золота.

Однажды днем надзиратель шел по полигону, пересчитывая людей, занятых на промывке золота. В одном месте

он несколько приостановился, потом приподнял ногу, намереваясь сделать шаг вперед, и вдруг другая его нога соскользнула назад. Он подумал было, что наступил на груды мелких камешков, и вдруг, повернувшись, увидел рассыпанные по земле мелкие самородочки. Обратившись к бригадиру, он закричал:

— Что это вы так небрежно обращаетесь с золотом?! Рассыпали и не спешите собрать его!

Старые приисковые рабочие, находившиеся на полигоне, громко рассмеялись, услышав этот гневный окрик.

— Что вы смеетесь? — возмущенно спросил надзиратель. — Это ж преступная халатность, за которую будут судить вас и нас!

Горный мастер, подойдя к нему, спокойно сказал:

— Ты живешь уже много лет на золотых приисках и не понял того, что нечаянно наступил сапогом на золотоносную кочку — этот потайной клад земных недр, состоящий из золотых самородочков.

Взяв в руку скребок, он стал разрывать грунт вокруг этой кочки, поучительно рассказывая:

— Золото во многих местах тянется как бы мелкими жилками, наподобие малюсеньких ручейков, которые струйками текут по ровной поверхности земли, попадая кое-где в ямочки. Подобно им, распространяются и золотоносные жилки. В некоторых местах бывает обильная концентрация золотой россыпи, называемая золотоискателями кочкой. Вот на одну из таких кочек ты нечаянно наступил сапогом, и она рассыпалась. Теперь мы соберем ее и промоем.

Взяв совковую лопату, он пересыпал все содержимое естественного клада земли в ведро и пошел с золотомойным лотком к ручью промывать золотую россыпь. После промывки они оба с надзирателем пошли в золотую кассу и взвесили обнаруженное дармовое золото — его оказалось два килограмма семьсот грамм.

После этого удивительного случая прошло много дней... Как-то однажды я накладывал в забое грунт в тачку, чтобы везти его к проходнушке, и вдруг увидел какой-то необыкновенный плоский кварцевый камень размером чуть больше моей ладони. Я поднял его — он оказался необычайно тяжелым. Показал обоим своим сотрудникам — они были в недоумении. Случайно мимо проходил горный мастер. Окликнув его, я показал свою находку. Взяв камень в руку, он сказал:

— Это самородок.

— А почему же он не имеет вид золота? — спросил я.

— Он весь оброс кварцем, — ответил мастер. И стал пояснять нам: — Все приносимое с полигона в кассу золото первоначально толкут, потом обдувают, затем переплавляют и делают из него слитки, а до этой обработки оно находится в так называемой рубашке и вида не имеет, а вот после переплавки оно становится уже чистым золотом с присущим ему блеском. Так вот и этот найденный тобой самородок я сейчас унесу в приисковую золотую кассу, там сперва отобьют с него весь кварцевый нарост, потом обдуют и затем переплавят.

Положив самородок в карман, он ушел с полигона, а вечером сказал мне:

— После освобождения самородка от приросшего к нему кварца его вес стал два килограмма двести грамм.

Я равнодушно отнесся к этому сообщению, недопонимая ценность этой находки. Но если основательно разобраться в сути...

В начале тридцатых годов цена на золото на мировом рынке была установлена в 35 американских долларов за тройскую унцию, вес которой — тридцать один и одна десятая грамма. Соединенные Штаты скупали его у золотодобывающих стран. Со временем цена на золото стала подниматься и увеличилась примерно в десять раз. И вот если исходить из этой последней стоимости, то можно представить

себе ценность моей находки: самородок стоил около 24 тысяч американских долларов. Американский доллар по сравнению с нашим золотым рублем равен 73,5 копейки. На наш бумажный рубль, имеющий обращение внутри нашей страны, можно было купить в то время один килограмм пшеничного хлеба из муки простого размола. Но что можно было купить в то время на американский доллар на территории Соединенных Штатов? Эта информация держалась от нас в строгом секрете.

Людоед

Еще в начале лета, когда уже стало тепло, с прииска ушли в побег трое из старых рабочих. На розыск их никто не отправился, потому что не было резервных охранников. Шестеро посменно стояли на вышках лагерной зоны, через каждые четыре часа сменяясь. Трое посменно дежурили на вахте. Единственный надзиратель должен был успеть побывать днем и на полигоне, и в зоне лагеря. На небольшом таежном ключе в семи километрах от прииска, за не особенно высоким сопочным перевалом находилось лагерное подразделение, где проживали пятьдесят рабочих, трудившихся на промывке золота, и при них там находился всего-навсего один надзиратель. Не было даже конвоира, чтобы сопровождать возчика, перевозившего, иногда и в ночное время, на двух выючных лошадях намытое золото в приисковую золотую кассу, а его бывало иногда намного более ста килограмм. Так что не было никакой возможности кому-либо из солдат отправиться на розыск беглецов, и потому их личные дела после побега направили в Магадан, где они и стали храниться в столе побегов.

День за днем прошло лето. В середине августа началось похолодание. Лес, окружающий приисковую территорию и

состоящий в основном из лиственниц, наполовину пожелтел, но работа на прииске шла по-прежнему активно. Воды в ручье, в котором промывали золото, стало намного меньше, но и это пока еще не являлось помехой производству, только в сентябре ручей запрудили из-за нехватки воды.

В одно утро с верховий ручья на полигон пришел какой-то сильно истощенный человек. Рабочие спросили его:

— Откуда и кто ты?

Он назвал свою фамилию. Тогда, присмотревшись к нему, все узнали в нем одного из трех беглецов — он стал неузнаваем.

Надзиратель увел объявившегося беглеца в зону, там дали ему поесть, потому что он был очень голоден, затем доставили его к уполномоченному НКВД, который и стал его допрашивать.

Прежде всего уполномоченный спросил:

— Как вы готовились к совершению побега?

Допрашиваемый стал рассказывать заранее придуманную небылицу, в реальность которой нельзя было не поверить, потому что она была хорошо и со знанием дела продумана.

— За три дня перед побегом, — говорил вернувшийся, — мы приобрели в зоне трехлитровые консервные банки и сделали из них котелки. Затем в лагерьном ларьке купили по три килограмма сливочного масла, перетопили его, несколько подсолили и наполнили им эти котелки. Утром при бригадном разводе вынесли котелки за зону и спрятали на полигоне в камнях филевого навала. На другой день купили в ларьке по две буханки хлеба, взяли также спичек, соли, намного раньше сумели приобрести два ножа, которые сковал один из наших в приисковой кузнице из строительных скоб. В полдень, когда надзиратель ушел с полигона на обед, мы развернули свои мешки, сшитые нами из матрацовок, положили в них провиант и, зайдя за отвал, кра-

дучись, перебежками стали добираться до леса, а потом всю прыть пустились бежать прочь от прииска и так бежали до самой полуночи, а потом пошли уже умеренным шагом. Зная, что в лагере нет сыскной собаки, нет и резервных солдат, мы и не опасались, что за нами будет погоня. Шли несколько поодаль вдоль автопроезда, тянувшегося к основной трассе. У нас было в мыслях как можно быстрее дойти до Магаданской автодороги и потом на расстоянии от нее направить путь свой к Магадану и, не доходя до него пятьдесят шесть километров, повернуть с трассы направо и устремиться к русской деревне по названию Армань, расположенной на берегу моря, и от нее уже по побережью, переходя от селения к селению, прийти к городу Охотску.

После десяти дней ходьбы, съев имевшийся у нас небольшой запас хлеба, мы стали питаться прошлогодними клюквенными ягодами, которых было великое множество на болотистых местах вдоль нашего пути, добавляя к ним по небольшому кусочку перетопленного сливочного масла, и так шли по намеченному маршруту. Через четыре недели пришли наконец к Магаданской трассе. В одном дорожном поселке закупили в магазине продовольствия, наполнив им свои мешки, и пошли дальше. Обремененные покупками, мы за целый день прошли не более пятнадцати километров, а на второй день прошли и менее того, утомившись до изнеможения. К тому же начался затяжной дождь, из-за которого поневоле пришлось остановиться. И эта остановка длилась четырнадцать дней. Хотя мы пережидали его, сидя возле костра, но вся наша одежда вымокла до нитки, и у меня за это время изменилось настроение. Я понял, во-первых, что такие длительные остановки по причине дождей могут быть еще и еще и, во-вторых, что, идя таким черепашьям шагом, мы до зимы в Охотск прийти не сможем.

Через несколько дней, подойдя к берегу Колымы, мы ужаснулись, видя ее полноводие и огромные волны. Я предложил

вернуться назад, но друзья возразили, что через реку можно переправиться выше по течению. Махнув рукой, я объявил им, мол, вы идите, как знаете, а я возвращаюсь. На том мы и расстались: они пошли в одну сторону, а я — в другую. Дорогой меня еще раз захватила дождевая погода, и пришлось опять посидеть, пережидая ее, дней десять. Вот так, идя понемногу и неся на себе ношу, я еле-еле доплелся до своего прииска.

После допроса надзиратель увел объявившегося беглеца в зону и оставил в покое, а на другой день он вышел на работу в составе своей бригады.

Как правило, если охранники задержат на дороге совершившего побег из концлагеря, то бесчеловечно бьют его и после водворяют в карцер (темное, без окон арестантское помещение), где держат в продолжение двадцати суток на крайне скудном рационе питания, давая в сутки триста грамм хлеба и одну кружку воды вместимостью четыреста грамм, да дважды в неделю кормят вареной пищей, наливая пол-литровый черпак баланды. Человек выходит из карцера как после продолжительной болезни, бледным, истощенным, имея одни кости, обтянутые кожей, при ходьбе придерживается руками либо за стенку, либо за какие-нибудь близ стоящие предметы. Но этого объявившегося беглеца ввиду того, что он сам возвратился в концлагерь с повинной, подобным наказаниям не подвергали.

В конце осени на прииск для работников вольнонаемного состава привезли бочку спирта. Но так как спирта оказалось очень много, то начальник прииска распорядился, чтобы добросовестно работающим на промывке золота заключенным в виде премии позволили покупать в ларьке спирт по специально выдаваемым талонам по сто грамм в день.

В лагере было несколько человек, не употребляющих алкоголя. И вот возвратившийся беглец сумел выпросить у непьющих три талона на покупку спирта и напился до одурения, после чего начал буяннить. Рабочие стали усмирять

его, но он никак не успокаивался. Тогда один из жильцов барака, желая несколько развлечь его разговором, сказал:

— Твои товарищи по побегу теперь, наверное, уже гуляют в Охотске...

Тот глянул на него своими бешеными глазами и не помня себя проговорил:

— Да-да, как бы не так! Гуляют в Охотске... Мы, как убежали с прииска, вскорости потеряли ориентир и заблудились среди высоченных сопок, и во время нашего блуждания я их обоих зарезал и съел, сперва одного, а потом и другого.

После этих жутких слов всех находившихся в бараке объяло невыразимое изумление и всем стало понятно, что это сушая правда, высказанная при алкогольном одурении, что все случилось именно так, а не иначе.

На основании этого признания можно было догадаться о всей трагедии их побега.

На первых порах, надо полагать, они, гонимые страхом преследования, бежали в глубь сопок, не зная усталости, перебегая большие и малые притоки Колымы, стремящие свое течение либо на восток, либо на северо-восток. Наконец, забежав в верховье какого-то притока, стали подниматься на верх не особенно высокой сопочной гряды уже черепашьям шагом и, достигнув верха перевала — водораздельной гряды, таким же черепашьям шагом спустились к низовью, потому что сопки, особенно в своей верхней части, состоят почти сплошь из навала камней различной формы и величины, а потому спускаться нужно было с предельной осторожностью, чтобы не искалечиться. Затем им предстояло взбираться на новый, притом более высокий перевал. А вскоре они ужаснулись, не видя конца и края сопкам, одни из которых были выше других. Вскоре их, по всей вероятности, застал дождь, который идет в этих краях иногда по две недели без перерыва. Во время непогоды они, не видя солнца, потеряли ориентир и заблудились среди высоченных сопок.

Питались они прошлогодними клюквенными ягодами, но много съесть их невозможно: ягоды очень кислые, быстро появляется оскомина. В долинах им встречались озера, где водится великое множество рыбы. Но для них она была недоступна, так как у беглецов не было рыболовных крючков. Бесконечно блуждая, они съели все имевшееся у них продовольствие и, не видя конца своему странствованию, голодая, сговорились и вдвоем зарезали и съели своего третьего компаньона. А через какое-то время, не находя выхода из создавшегося положения, один из них поднял руку и на второго своего компаньона, бесславно закончив попытку побега.

Возвратившемуся в концлагерь беглецу после его бессознательного признания в своем мерзком поступке не стало жителя от рабочих: все стали называть его не по имени или фамилии, а по общеприсвоенной ему кличке Людоед. И не было уже у него иного имени, кроме этого презренного прозвища.

— Чей это лом? — Людоеда! — Чья очередь нести в кузницу буры на заправку? — Людоеда. — Людоед, тебя в контору вызывают! — Людоед, дай-ка мне на время твою кирку! — Людоед, подойди-ка сюда да помоги мне вылезти на верх отвала! — Людоед, тебя сейчас только что бригадир разыскивал... и прочее, и прочее.

Он, затравленный и пренебрегаемый всеми лагерниками, в конце концов притерпелся, привык к своему униженному положению и, забыв собственное имя, с безразличием стал отзываться на этот посмешный оклик даже при деловом разговоре.

Берзин и Колымские прииски

Осенью на прииск из горнопромышленного управления приехал инкассатор, чтобы выплатить заработную плату за минувшие два месяца сезонных работ. Нашему звену выпла-

тили за первый месяц по 18 тысяч рублей каждому, за второй — по 19 тысяч. Почти такие же суммы выплатили и остальным членам нашей бригады. Но старые приисковые рабочие получили значительно больше нашего: у них было гораздо больше сноровки и опыта, а потому и намытого золота.

Эти огромные суммы рабочие отослали своим родным. Но некоторые родственники с недоверием отнеслись к присланным деньгам, подозревая незаконность их происхождения, и отказались от получения присланного, поэтому часть переводов возвратилась на прииск. Тогда начальник концлагеря разослал сомневающимся родственникам почтовые открытки с оттиском штампа "Комендантское отделение лагерных пунктов", в которых заверял легальность получения заключенными, работающими на золотоносной Колыме, огромных денежных окладов.

Эти почтовые открытки читались многими почтовыми работниками, и кто-то из заинтересованных читателей дал сигнал по данному поводу в Народный комиссариат финансов. Берзина, бывшего в то время начальником Главного управления строительства Дальнего Севера, назвали всесоюзным растратчиком государственных финансов, сместили с занимаемой должности и отозвали в Москву, где он и исчез бесследно. Вместо него назначили Павлова и подобрали ему в помощники кровожадного чекиста Гаранина, возложив на того ответственность по управлению северо-восточными концлагерями.

В давнее время, когда Берзин, получив назначение, приехал на эту самую отдаленную, неосвоенную окраину страны, преткновения ему встречались беспрестанно во всяком деле, и преодолеть их приходилось быстро, по своему усмотрению, без совета с кем-либо.

Первых привезенных пароходами заключенных сразу же по специальному предписанию из Москвы колонизировали, и они работали уже на положении вольнонаемных ра-

бочих, отстраивая Магадан, исполняя иные работы, но большая часть была отправлена на прииски. Те, что остались в Магадане, быстро освоились и привыкли к городским условиям жизни, а потому ехать в таежную даль, в крайне тяжелые климатические условия не особенно то желали. Зимой в тайге бушевали страшные метели, так что передвигаться приходилось, держась руками за натянутые по улицам крепкие веревки. Из-за плохой дороги было скверное снабжение продуктами питания, особенно овощами, в частности чесноком и луком, которые содержат в себе противощитовидный витамин С, а потому цинга разила всех подряд — молодых и старых, и люди оставались без зубов и волос, сияя большими лысынами до самого затылка. То были основные причины, тормозившие на первых порах наем рабочей силы.

В те времена все побережье Охотского моря было сдано в концессию Японии, которая вылавливала рыбу лососевых пород: кижуча, горбушу, кету и зубатку. Потому возле почти всех прибрежных поселков, где жило в основном русское население, располагались рыболовные промыслы концессионеров, на которых и трудились жители побережья. Концессионерам запрещалось привозить на территорию СССР свою рабочую силу из Японии, а потому они вынуждены были за большие денежные оклады нанимать на работу русских людей.

Видя, что концессионеры хорошо оплачивают рыболовный труд и доставляют из Японии по дешевой цене продукты питания — свежее мясо, свежие овощи и фрукты, в том числе яблоки, сливы, апельсины, мандарины, лимоны, — колонисты по окончании своих работ в Магадане так же стали наниматься на работу к этим концессионерам.

Берзину поневоле пришлось выплачивать огромные оклады, чтобы завербовать рабочих на прииски. По сравнению с количеством золота, переправлявшегося из Магада-

на в Москву, эти тысячи рублей, что платились рабочим, были совершенно ничтожным расходом для государства.

Дальстрою срочно требовались инженерно-технические специалисты по постройке автодорог. Временный автопроезд, наспех проделанный из Магадана до реки Колымы и дальше, на болотистых местах погружался в топь, и его нужно было отсыпать заново, что стоило огромных денег. К тому же надо было строить автодорожный мост через Колыму, ибо устроенный первоначально на длинном стальном тросе паром был крайне непрактичен, да и небезопасен. Первые приехавшие по договору инженеры-строители, обозрев эту необжитую северную землю, увидев пораженных цингой людей, невольно ужаснулись. Они поделились своими впечатлениями с коллегами на "материке", после чего ни за какие денежные оклады нельзя было завербовать на работу в Дальстрой ни одного работника из инженерно-технического персонала.

Но вот со временем в Магадан пароходами стали привозить тысячи заключенных, среди которых были люди всяких профессий и специальностей, в том числе и строители мостов и автодорог, а потому нужное обустройство стало совершаться без особых помех и затруднений. Берзин вознамерился было, как и в минувшие годы, произвести колонизацию, восстановив вновь прибывших в правах гражданства, желая таким образом закрепить их на жительство на территории Дальнего Севера как вольнопоселенцев, но ему поступило указание из Москвы о прекращении колонизации.

Вновь прибывшие заключенные заполнили собой все необжитые места колымских притоков и стали трудиться на промывке золота.

С расширением фронта приисковых работ обнаружались новые богатейшие подземные сокровища золотых россыпей с неслыханным содержанием драгоценного металла в каждом промываемом кубометре земли. С Колымы на

“большую землю” хлынул изобильный поток золота, вывозимого разными видами транспорта.

Берзин обратился с запросом в Москву: как оплачивать труд заключенных, работающих на приисках по промывке золота? Ему, ориентируясь на опыт оплаты золотоискателей обедневших Алдано-Ленских приисков, предложили действовать по собственному усмотрению и рекомендовали в соответствии с себестоимостью намываемых килограммов золота выплачивать старателям сотую долю от общей суммы. Под себестоимостью подразумевались, конечно, все финансовые затраты в течение года с учетом транспортировки заключенных, продовольствия, техники и горючего, ремонтных и строительных работ и так далее и тому подобное. Сюда же входила заработная плата всем занятым на основном и подсобном производстве, руководящим и номенклатурным работникам, инженерно-техническому персоналу, конторским служащим... И эта сотая доля от себестоимости составила всего лишь 30 копеек за грамм добываемого металла. Но по тем намывам, что извлекались на приисках, эта сотая доля составила огромные суммы, подлежащие выплате заключенным.

Берзин дал указание бухгалтерии, которая стала начислять соответствующие суммы. И если бы не та злополучная почтовая открытка, что попала в руки столичным чиновникам, то такое положение дел тянулось бы еще какое-то время и потом, при уменьшении намывов золота, что и случилось через несколько лет, все постепенно вошло бы в должную колею без малейшего шума и гама.

Гаранинский террор

По окончании летнего золотопромывочного сезона, при наступлении холодов промывку золота стали производить в тепляках, специально построенных на полигонах. Они

представляли собой огромные сараи с проделанными в верхней части тремя отверстиями, через которые выходил дым от горящих костров.

Внутри тепляков было установлено по нескольку железных зумпфов, похожих на огромные корыта, изготовленные электросварщиками из толстых листов железа, они наполнялись водой, и под ними разжигались костры. Рабочие промывали золото проходнушками, так же как и летом, а некоторые мыли лотками в подогретой воде. Вода для проходнушек черпалась из зумпфов и потом стекала обратно по специально устроенным желобам.

Намывы золота намного сократились. В связи с этим работы стали производиться в две смены — днем и ночью, старатели трудились так же, как и летом, по четырнадцать часов.

В середине осени начался снегопад, и вслед за ним стали бушевать метели ураганной силы, сваливающие людей с ног, по причине этого золотопромывка закончилась. Когда же ослабевала метель, рабочие выходили на полигоны, разгребали снег, размечали места для будущих шурфов и принимались за дело. Работа стала крайне изнурительной, потому что все полигоны за одну ночь иногда покрывались такими сугробами, что нельзя было обнаружить место вчерашних работ. Так это продолжалось всю зиму. Весной работать на шурфовке стало значительно легче.

С наступлением лета возобновился промывочный сезон.

Новоназначенный начальник Дальстроя Павлов, приехав в Магадан, основательно ознакомился с существующим положением дел и прежде всего дал указание о прекращении выплаты денег заключенным за совершаемые ими намывы золота до времени, пока не будет составлена новая система по учету и нормированию всех видов труда на концлагерных объектах работы.

Вслед за Павловым в Магадан на пароходе прибыл целый корпус молодых солдат регулярных войск НКВД, пред-

назначенных для исполнения конвойных, сторожевых и оперативно-сыскных служб в местах расположения концлагерей. Они были раскомандированы по всем горнопромышленным управлениям. Сразу же в концлагерях был введен строгий режим, к каждой рабочей бригаде был назначен определенный конвоир, которому под расписку счетом стали сдаваться при разводе бригад подконвойные рабочие, и он, ежедневно принимая их под свой надзор, объявлял им одними и теми же заученными фразами: "Внимание, бригада! Вы перешли в ведение конвоира, а потому обязаны беспрекословно исполнять все предъявляемые вам требования как во время маршрутного следования, так и на объекте работы. При ходьбе к полигону выход из бригадного строя хоть на один шаг в правую или левую сторону будет считаться попыткой к побегу, а потому конвоир применит оружие без предупреждения!"

При введении строгого режима люди впали в пессимистическое настроение, а когда стало известно, что начальник Дальстроя запретил выплачивать деньги за сдаваемое золото, то все стали трудиться "спустя рукава" и золотодобыча сократилась больше чем наполовину.

Через некоторое время Павлов получил телеграмму: "Срочно проинформируйте о причине уменьшения намывов золота на Колымских приисках!" Павлов ответил: "С прекращением оплаты за сдаваемые концлагерниками килограммы золота они снизили на приисках былые темпы работы". И получил новую телеграмму: "Примените по отношению к заключенным самые жесточайшие репрессивные меры воздействия, вплоть до расстрелов, если это понадобится для пользы дела, но работать заставьте!"

После получения этого диктаторского повеления помощник Павлова по управлению северо-восточными концлагерями кровожадный чекист Гаранин приехал на первый ближайший к Магадану прииск и прежде всего осведомил-

ся: какая пища варится для рабочих в концлагерной кухне? Ему ответили, что обычная: на первое — суп из рисовой крупы с мясными консервами с добавлением растительного масла, а на второе — гречневая каша с перетопленным сливочным маслом.

— Выбросите сейчас же все это в помойную яму! — распорядился большевистский ставленник. — А вместо этого возьмите со склада ячневую крупу-сечку и варите для этого контрреволюционного отребья, как для скота, одну бурдамагу без единого грамма животных или растительных жиров!

Выслушав это сумасбродное повеление, начальник прииска возразил:

— Питаясь такой бурдамагой, рабочие и ноги свои таскать не смогут, а не только золото мыть.

Гаранин с раздражением крикнул:

— Мы будем мыть золото их кровью, но государственный план по золотодобыче выполним!

Затем, обратившись к начальнику концлагеря, Гаранин дал указание, чтобы сейчас же снять с золотомойного полигона две рабочие бригады и направить их на концлагерное кладбище рыть огромный ров длиной десять и шириной два метра и два метра глубиной. Приказание это без замедления было исполнено. Две бригады, взяв с собой кирки, ломы и совковые лопаты, вместе с бригадирами пришли на кладбище, вслед за ними пришел туда командир военизированной охраны и указал место для рва. Рабочие недоумевали: для чего понадобился такой огромный ров? Они подумали, что, может быть, на этом месте кем-то обнаружены случайные залежи золота. Но, однако, во время работы они не видели близ себя ни горного мастера, ни опробовальщика, который должен был бы беспрестанно набирать землю в лоток и промывать ее.

Поздно вечером ров был готов, и бригады ушли в зону концлагеря. Везде было по-обычному спокойно. Как и все-

гда, прошла общелагерная проверка, затем прозвучали возле вахты мерные удары в подвешенный там дрензель, возвещающая время отбоя, и все легли спать.

После полуночи, когда весь концлагерь был погружен в глубокий сон, в оба находившихся в зоне барака тихо вошли двадцать солдат вместе с командиром и стали по всем секциям отсчитывать на верхних и нижних нарах спящих рабочих: раз, два, три, четыре, пять, шесть... Каждого седьмого тихо будили и велели быстро одеваться. Затем, когда разбуженные люди — сорок человек — оделись, солдаты вывели их из бараков, довели до вахты и там, выстроив по два в ряд, повели в сторону концлагерного кладбища.

Вскоре все прибыли к вырытому огромному рву, где уже стоял трактор с работающим мотором, возле которого лежала гряда штыковых лопат. Солдаты выстроили приведенных у края рва по четыре человека в ряд, затем командир дал команду: “К бою!” Солдаты взяли винтовки наизготовку. “Огонь!” — скомандовал командир. Солдаты, надо полагать, были заранее подготовлены к совершению этой экзекуции и стали стрелять не враз, а один за другим, в такт выхлопам работающего трактора. Беззащитные, не понимающие сути дела люди, жертвы Гаранинского террора, стали падать кто как: иные сразу свалились на дно братской могилы, вырытой в минувший вечер собственноручно некоторыми из них, а иные, упав навзничь на краю могилы, стали биться в предсмертных конвульсиях...

Через несколько минут гнусная расправа с тружениками, не разгибавшими спин на кабальной приисковой работе, была окончена.

Солдаты, составив винтовки в козлы, стали сбрасывать в могилу трупы, потом, взяв лопаты, засыпали их землей...

На другой день при выводе рабочих на полигон две золотомойные бригады, только не те, что трудились над изготовлением обширного рва в минувший день, получили кир-

ки, ломы и совковые лопаты, после чего командир охраны повел их на концлагерное кладбище и велел выкопать новый ров. Рабочие, не подозревая, что им дан заказ на рытье собственной братской могилы, стали усердно трудиться. К вечеру ров был готов, и труженики с приподнятым настроением ушли в зону концлагеря, надеясь на премиальное вознаграждение за эту ударную работу.

Странно, но ни один человек из этих бригад не смог догадаться о совершенном злодеянии и причине исчезновения минувшей ночью некоторых жильцов из их секций... Бригадиры узнали об этом первыми, но не могли допустить мысли, что членов их бригад ни за что ни про что без суда и следствия расстреляли на концлагерном кладбище. Они предполагали, что люди по спецнаряду были увезены на какую-то срочную работу, тем более что в числе убывших был и один бригадир.

Поздней ночью в бараки опять пришли солдаты и прежде всего осветили фонарями все поднарное пространство. Некоторые из рабочих, каким-то чутьем догадываясь о зловещей тайне, спрятались под нары, но солдаты выволокли их на середину секции и первыми поставили в группу жертв, предназначенных для расстрела. После этого стали отсчитывать на верхних и нижних нарах по обеим сторонам секций спящих рабочих: раз, два, три, четыре... Каждого пятого тихо будили и заставляли быстро одеваться.

По окончании рокового отбора они вывели этих людей из обоих бараков, поставили в строй по два человека в ряд, затем принесли длинную лестницу и обшарили чердаки всех помещений, обнаружив и там несколько укрывшихся людей, которых присоединили к строю своих жертв. После повели отобранных пятьдесят два человека на кладбище и, так же как и в минувшую ночь, устроили побоище.

Невольно обращает на себя внимание безрассудность солдат, призванных в регулярную армию: ни один из них не отка-

зался от исполнения этого душепагубного приказа под предлогом того, что это бесчеловечно, предосудительно и грешно. Увы! Из их сознания заранее были вытравлены понятия о высоких идеалах человечества, они не возмущались гнусными злодеяниями и со спокойной совестью исполняли роль презренных палачей, стреляя в упор по беззащитным людям, которые целыми днями рыли землю на золотомойном полигоне и от труда рук которых эти солдаты получали свое иждивение.

Дело в том, что чекистские заправилы, основываясь на долгом служебном опыте, набирали в ряды своих войск воспитанников детских домов. Эти в большинстве своем незаконнорожденные крапивники-подкидыши, не знавшие своих отцов и не помнившие своих матерей, воспитывались в стенах детприемников в духе казенщины, им непонятны и чужды были родственные чувства, чувства братской любви и взаимности, их никогда не посещало чувство умиления при воспоминании родины, родного дома, родной семьи. Эти сведенцы, не зная один другого, с первых дней своего определения в детдом, восприняли дух злобы и неприязни при взаимоотношениях друг с другом, среди общежития им привились жестокость, черствость, неприязнь и безразличие к сожителям. Так постепенно воспитывался и возрастал жестокосердный бездушный человек-зверь. Эти люди были самыми подходящими для службы в войсках НКВД, и особенно в карательных отрядах.

После вторичного кровопролития Гаранин заставил старосту концлагеря сделать переключку оставшихся лагерников. Так были узнаны фамилии недостающих людей. После этого он составил акт, в котором указал точные данные убитых лагерников, и в конце собственноручно написал наглое заключение: "Умерли от воспаления легких".

Затем Гаранин отправился на соседний прииск и произвел там точно такое же побоище заключенных, затем — на следующий прииск и так далее. На прииске "Серпантин" из

одного барака солдаты вывели и расстреляли всех жильцов, оставив лишь дневального.

Людская кровь рекой потекла по всей Колымской земле. Не было прииска, куда не ступала бы нога этого взбесившегося каннибала...

Вся эта кошмарная история массового уничтожения заключенных совершалась в условиях строжайшего секрета.

Только гораздо позже один из тех трактористов, что присутствовали на каждом массовом расстреле, рассказал об этом злодеянии шепотком на ухо своему закадычному другу и рассказ свой заключил так:

— Знал бы ты, любезный, что в обе эти ночи я трясся всем телом как осиновый лист, сидя в своем работающем тракторе и взирая на это кровопролитное зрелище. Я ожидал, что меня расстреляют самым последним и бросят в эту общую могилу, чтобы навсегда уничтожить возможность разглашения кем-либо этой ужасной трагедии.

Переезжая из одного горнопромышленного управления в другое, Гаранин в одном таежном поселке, где находилась снабженческая база, обнесенная высоким забором, зашел на ее территорию не через вахту, как этого следовало бы ожидать, а, как хулиган, перелез через забор и подошел к складскому помещению. Грузчики в это время переносили мешки с овсом, и один из них, неся на спине мешок, не знал, что мешок имел в себе небольшую пробоинку, через которую овес тонкой струйкой высыпался на землю. Гаранин, увидев это, с гневом воскликнул:

— Ах ты, контрреволюционное отребье! На материке вредил и здесь вредишь! — и, выхватив браунинг, выстрелил в грузчика. Тот упал замертво, придавленный мешком овса.

Но при таком массовом уничтожении рабочей силы не случилось даже малейшего замедления в деле золотодобычи на всех приисках, потому что в Нагаевский морской порт стали приходить пароход за пароходом, доставляя все

новые и новые тысячи заключенных, и пересыльный лагерь в Магадане был все время переполнен этапирруемыми.

Из-за нехватки автотранспорта этапников из пересыльного лагеря стали отправлять пешими, их уже в пути следования принимали возвращавшиеся транзитные машины и увозили по назначению, восполняя с избытком ущерб, нанесенный Гараниным на приисках.

Но вот незадолго до окончания этого кровопролитного турне Гаранина известили, что одна из заграничных радиостанций сообщила о массовых расстрелах заключенных, производящихся по неизвестной причине на Колымских приисках по указанию начальника Управления северо-восточных концлагерей. Указали даже на тот случай, когда на прииске "Серпантин" солдаты оставили в живых одного лишь дневального. Другие зарубежные станции тут же подхватили это сообщение. Гаранин, встревоженный неожиданной оглаской его деятельности, прекратил экзекуции и возвратился в Магадан.

Из Москвы на имя Павлова была прислана срочная депеша, понудившая Павлова и Гаранина к выискиванию всевозможных хитроумных выходов из случившегося затруднительного положения. Чекистские изверги стали поспешно заметать следы совершенных злодеяний, и лжевыдумки, вернее, пустословия были вскоре сочинены и запущены. Удивительно, но большая часть колымских жителей этим фальсификациям поверила. А Гаранин из Магадана вскоре уехал.

Но остался определенный Павловым и Гараниным десятилетний срок наказания, названный впоследствии заключенными "гаранинским сроком", и на приговоренных к нему не распространялись никакие льготные послабления или уступки и даже амнистии.

Осудив на этот срок одного начальника прииска за невыполнение данного Москвой государственного плана по

золотодобыче, Павлов сказал ему: "Я оставляю тебя на прежнем месте работы в должности начальника прииска. Несмотря на то, что ты сейчас заключенный, я подчиняю тебе весь служебный персонал прииска, в том числе и военную охрану. Если сумеешь за промысловый сезон дать полтора плана золотодобычи, то я как законно осудил тебя, столь же законно тебя и амнистирую".

И вот все люди, приговоренные к "гаранинскому сроку", отбыли его день в день. Часть из них, находившаяся на подсобных работах в качестве obsługi, конторских служащих, дневальных, портных, сапожников, поваров, хлеборезов, каптеров, сторожей, лекпомов, санитаров и даже дворников и ассенизаторов, дождалась времени своего освобождения. А остальные, что находились на тяжелых приисковых работах, почти все погибли, сложив свои кости на далекой Колыме.

Вскоре и Павлова отозвали в Москву, а на его место начальником Дальстроя был назначен военный по фамилии Никишов. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом интендантской службы.

Некоторые номенклатурные работники Дальстроя, будучи по делам службы в Москве, с удивлением обнаружили в Центральном Исполнительном Комитете новых сотрудников — Павлова и Гаранина.

Каюры

Никишов, приехав в Магадан, бегло ознакомился с существующим положением дел и сразу же поехал по всем горнопромышленным управлениям, заезжая на каждый прииск, основательно вникая в суть золотомойного производства, расспрашивая у начальников приисков о нуждах и недостатках. В то время на многих больших приисках

производилась уже механическая промывка золота: по полигонам были установлены скрейберы, на которые вагонетками подавался песок и по специальным трубам нагнеталась вода. Электроэнергия поступала с небольших тепловых электростанций, построенных на каждом прииске, локомотивы на них отапливались дровами.

После начала механической промывки золота были введены кубатурные нормы вывоза тачками из забоев на бункер золотосодержащего грунта. В тех забоях, где не представлялось возможности замерить объем вывезенной кубатуры, возле бункера сажали человека, который подсчитывал число тачек, высланных в жерло бункера каждым рабочим. Для этого на каждой тачке написали номера. В соответствии с выработкой и людей стали кормить с ограничением. При выполнении трудовой нормы на сто пятьдесят процентов хлеба выдавали один килограмм двести грамм и три раза в день кормили вареной пищей из трех блюд. При выполнении нормы только лишь на сто процентов хлеба выдавали девятьсот грамм и три раза в день кормили вареной пищей из двух блюд. Если же рабочий несколько недовыполнил норму выработки, то ему хлеба выдавали семьсот грамм и два раза в день кормили, наливая по черпаку баланды, а обеда ему не полагалось. Если рабочий норму выполнял на пятьдесят процентов, то хлеба ему выдавали пятьсот грамм и кормили хотя и два раза, но наливали по полчерпака баланды. Если же рабочий по неважной причине не вышел на работу, то ему выдавали только триста грамм хлеба и водворяли в карцер, не давая никакой вареной пищи.

Такой распорядок введен был еще при Павлове, он же без изменения оставлен был и Никишовым.

В начале своей деятельности Никишов особое внимание уделял активному поиску геологоразведчиков, пробравшихся на тысячу сто километров в глубь тайги от берега Охотского моря к верховьям реки Индигирки. Они обнару-

жили на многих ее притоках месторождения золота, вследствие чего началось интенсивное транспортирование из Магадана в эти районы бурильных установок, запасных частей, необходимых материалов, геолого-исследовательской аппаратуры, а также продовольственных и промтоварных запасов, притом не на один год. Все это можно было завезти в те таежные дали только лишь в зимний период оленьим транспортом.

Недалеко от поселка Сусуман находились оленеводческие стойбища с пятнадцатитысячным поголовьем оленей, принадлежавших в то время единоличным владельцам — тунгусам. Эти хозяева имели большое число наемных батраков, которые исполняли у них обязанности пастухов и каюров. По договоренности с управлением Дальстроя, за определенную плату они транспортировали весь груз, предназначенный для геологоразведчиков, увозя его на сотни километров в сопровождении экспедитора и складывая в лабазы, для этой цели заранее построенные геологами в глухой тайге среди сопок.

Каюрская бригада формируется обычно из трех человек: двух каюров и бригадира — старшего из них, на которого возлагается вся ответственность за сохранность транспортируемого груза, оленей и транспортного инвентаря. Каждый из членов бригады имеет по восемнадцать оленей, которых они припрягают по два к нартам. Получается вереница из двадцати семи нарт. Трое нарт загружаются собственным багажом: палаткой, железной печкой с трубами, спальными мешками, выделанными оленьими шкурами, топором, пилой, запасной упряжью, двухмесячным запасом продовольствия, кухонным обиходом, в который входят ведро, кастрюли, чайники, сковородки, миски, кружки и прочее. На остальные же нарты нагружают предназначенный для транспортировки груз. Бригада способна увезти три с половиной тонны поклажи, каждая пара оленей тянет

в среднем по сто пятьдесят килограмм. Увязав на нартах принятые ими материальные ценности, они разделяют вереницу оленьих упряжек на три части — по девять нарт на каждого каюра — и отправляются в рейс к берегам далекой заполярной Индигирки, которая находится в пятистах километрах от поселка Сусуман. Ехать им туда приходится почти целый месяц, проезжая по двадцать-двадцать пять километров в сутки. Из-за коротких зимних дней едут до поздней ночи.

Приехав на место стоянки, все три каюра начинают спешно готовиться к ночлегу: двое пилят сухие дрова, а третий на облюбованном месте расчищает лопатой снег до самой земли. Затем все вместе растягивают и расправляют палатку размером два метра в длину и два в ширину, поднимая ее на тычинки и привязывая шнурами к близстоящим деревцам, внутри ставят печку. По всему низу палатки расстилают привезенные олени шкуры, поверх развешивают спальные меховые мешки (кукули) и тотчас растапливают печь. Кто-либо из них идет на реку, насакает целое ведро льда, ставит его на раскалившуюся к тому времени печь и начинает варить мясную похлебку с крупой, кипятить чай, отогреть возле печки замерзший хлеб. Двое других в то время распрягают оленей и привязывают к их уздечкам полуметровые чурбаки (чанкаи), примерно на тридцать-тридцать пять сантиметров ниже их морд, после чего животных отпускают пастись. Олени с привязанными чанкаями далеко убежать не могут, потому что эти чурбаки ударяют их по коленям, препятствуя быстрому бегу. Олени не нуждаются ни в каком уходе за собой. Им не нужен теплый хлев или загон, их не нужно ни поить, ни кормить, для них не заготавливают никакого вида кормов, потому что они довольствуются подножным кормом — мхом, который называется ягелем, они раскапывают его копытами из-под снежного покрова, а в летнее время едят и траву.

Закончив свои хлопоты, каюры забираются в палатку, снимают с ног обувь, состоящую из торбозов и меховых носков, сшитых из оленьих шкур, и, вывернув их наизнанку, просушивают возле печки, то же делают и с перчатками, затем начинают ужинать. После ужина заготавливают сухие тонкие полена дров, настрагивают также и тонкие лучинки для растопки печи утром. Одно тонкое полено опускают в ведро с водой. Потом, раздевшись, залезают в свои спальные мешки и засыпают. Печка постепенно затухает, и через час в палатке делается так же холодно, как и снаружи. Вода в ведре превращается в лед, но благодаря опущенному в него поленцу ведро не разрывается.

Иному человеку может представиться неправдоподобным, что люди спят среди глухой тайги на мерзлой земле при семидесятиградусном трескучем морозе в нетопленной палатке. Но спальные мешки каюров состоят из двух кукулей, сшитых из оленьих шкур и вложенных один в другой, причем один из них мехом обращают вовнутрь, а второй — наружу. Волосной покров на оленьей шкуре достигает сантиметровых толщин, волос очень толстый и растает на шкуре плотно-плотно, один возле другого, наподобие щетки, к тому же внутри волос пустой, а потому хорошо сохраняет тепло. И вот человек, лежа на промерзшей земле, но имея под собой три оленьих шкуры, не страдает от ужасного полярного холода.

Рано утром первый проснувшийся, несколько высунувшись из спального мешка, набрасывает в печь растопку и поджигает ее, затем быстро прячется в свой мешок. Несколько согрешившись, через десять-пятнадцать минут, когда печь разгорится, он, высунувшись вторично, набрасывает в нее сухих тонких дровец и опять прячется. Когда в палатке делается тепло, все трое вылезают из спальных мешков и начинают одеваться и обуваться. Кто-то готовит завтрак. Дождавшись рассвета, двое других отправляются на поиски оле-

ней, что занимает около двух часов, потому что, чем сильнее мороз, тем выше на сопку восходят эти животные из-за того, что наверху бывает гораздо теплее, чем у подножия.

Пригнав к палатке оленей, каюры отвязывают от их уздечек чанкай. Это, казалось бы, на первый взгляд простое дело, не требующее особенных усилий, весьма мучительная процедура. Когда животное, находясь на выгоне, ест мороженный ягель вместе со снегом, то растаявший во рту снег стекает на чанкай и на привязанный к нему поводок от уздечки. Веревочный узел намокает и превращается в ледышку, и развязать его голыми руками весьма непросто. Справившись с этой морокой, каюры набрасывают на оленей упряжь, которая состоит всего лишь из петлеобразной широкой лямки, называемой алыком. Этот алык надевают оленям через голову на шею, одновременно застремляя в алык переднюю ногу. Если олень тянет нарты с левой стороны, то ему застремляют правую ногу, а если с правой, то левую. Затем с оленей снимают уздечки с обледеневшими поводками и надевают запасные уздечки, а прежние складывают в мешки и вечером просушивают возле горячей печки.

Наконец, обедают, потом, сняв палатку, укладывают ее на нарты, складывают туда же все прочее обиходное имущество и отправляются в дальнейший рейс.

И вот так, изо дня в день, из месяца в месяц каюры ведут кочевой образ жизни, начинающийся с середины октября и заканчивающийся в конце апреля, пока вешние потоки вод, хлынув поверх толщи льда на реках, не воспрепятствуют их дальнейшим странствованиям по безлюдным просторам.

По существующему всесоюзному законоположению в скором времени все эти многотысячные стада оленей, принадлежавшие индивидуальным владельцам, были конфискованы и объявлены собственностью государства. Самих же владельцев арестовали и увезли в Хабаровск. На местах оленьих стойбищ были созданы оленеводческие совхозы, в ко-

торых пастухами и каюрами стали работать те же батраки, что прежде были у хозяев, а также русские заключенные.

С течением времени от поселка Аркагалы бригадой трактористов был проделан зимний автопроезд до верховья реки Неры, и автомашины беспрепятственно стали курсировать до берегов Индигирки. Несколько поодаль от устья Неры, впадающей в Индигирку, было основано Верхнеиндигирское горно-разведывательное управление и началось строительство таежного поселка Усть-Нера, где разместились продуктово-промтоварная снабженческая база, технические склады, склады для хранения бензина и взрывчатки. Но в первую очередь там был построен концлагерь и заполнен заключенными.

Никишов стремился к увеличению численности приисков, желая как можно больше расширить территорию новых золотомойных полигонов, чтобы не снижалось количество сдаваемого золота, резко убывавшего уже по причине выработки золотосодержащих Колымских приисков. Потому и требовалось срочное освоение вновь отысканных подземных сокровищниц драгоценного металла, являвшегося важным источником государственного дохода.

Несколько геологоразведочных партий были разосланы по всему верхнему течению Индигирки. В среднем же своем течении Индигирка имеет пороги, из-за которых движение речного транспорта крайне ограничено. Поэтому геолого-поисковые работы производились некоторое время только лишь до порогов, а основанный там геологоразведочный район назывался Предпорожным.

Выше Усть-Неры по течению Индигирки был основан Эльгинский разведывательный район. И — удивительное явление: в этом районе геологи обнаружили золото, находившееся внутри камней. Там впоследствии был открыт Аляскитовый рудник с механическим камнедробильным производством, где машинами разбивали и растирали в прах эти камни, после чего уже производилась промывка золота.

Толик-чистодел

На наш прииск поступило большое пополнение рабочей силы, привезенной с материка. Большую часть новоприбывших этапников распределили по старым бригадам как дополнение к уменьшившемуся числу приисковых рабочих, а остальных направили на подсобные работы.

После прекращения продолжительных дождей нашу бригаду, сняв с основного производства, направили с кирками и лопатами в верховье ручья, чтобы увеличить высоту дамбы, предохранявшей утечку дождевой воды из приискового водохранилища.

Из-за болезни нашего конвоира командир отправил нас без конвоя.

Когда мы шли тропиночкой к водохранилищу, нам встретился человек, исполнявший в конторе прииска должность нормировщика. Сойдя с тропинки, он уступил нам дорогу. Один из шедших в строю позади меня сказал своему напарнику:

— Если бы я точно знал, что у этого человека имеется при себе 500 рублей, то немедленно догнал бы его и убил.

У меня мелькнула в уме народная поговорка: “От избытка сердца глаголют уста”, и я подумал, что у этого лютого хищника лишь одно на уме: кого-то убить и ограбить.

Через некоторое время я, несколько повернув голову, глянул на сказавшего эти страшные слова. То был один из вновь прибывших этапников, и лицо его показалось мне знакомым. Это был Толик-чистодел, но сильно изменившийся наружно. Когда мы пришли к водохранилищу и все уселись кто на что мог в ожидании, пока бригадир осматривал новый объект работы, я, подсев к Толику-чистоделу, спросил его:

— Видимо, не удачен был у тебя тот побег, когда ты спрыгнул с вагона за Омском?

Он сурово посмотрел на меня и ничего не ответил.

Помолчав две-три секунды, он опять пристально глянул на меня, по всей вероятности припомнив ночь побега.

Я стал рассказывать ему о том, как после него спрыгнули с вагона два его товарища и как третий, спустившись из окна вниз, залез обратно в вагон, когда поезд въехал на железнодорожный мост. Рассказал я и о том, что произошло впоследствии... Заканчивая свой рассказ, я спросил Толика:

— Что случилось с тобой, когда ты спрыгнул на обочину насыпи?

— А случилось то, — ответил он, — что меня кубарем понесло по инерции вслед за мчащимся поездом по откосу насыпи и ударило о пикетный столбик так, что сломалась нога выше колена. Не имея возможности подняться с земли, я пролежал на том месте до самого утра. Когда рассвело, ко мне подъехал какой-то верховой, проезжавший по тропинке рядом с насыпью. Видя меня недвижимо лежащим, он спросил о причине моего бедственного положения. Я рассказал ему, будто ехал в вагоне пассажирского поезда и на последней станции вышел на перрон, надеясь купить там папирос и еды. В первом киоске не оказалось того, что мне нужно, а перейдя ко второму, стоящему несколько поодаль, вдруг услышал объявление станционного диктора: “Поезд номер такой-то — тот, в котором я ехал, — отправляется со второго пути”. Я, выходя из вагона, не знал, что по причине опоздания поезда стоянка его была сокращена. Видя, что состав уже тронулся с места и, увеличивая скорость, пошел от станции, я во всю прыть помчался за ним, уцепился за буфер последнего вагона и стал взбираться на него, надеясь там примоститься. Когда поезд уже несся со всей скоростью, по второму пути с шумом и лязгом промчался встречный состав, и необыкновенно сильным порывом воздушной волны меня сорвало с буфера. Я упал на рельсы и сломал правую ногу.

Верховой, сойдя с лошади, поднял меня и, усадив в седло, повез к обширному поселку, в котором находился жи-

вотноводческий совхоз. Благодетельный человек подвез меня к больнице, там врач наложил гипс на ногу, и санитары унесли меня на койку. Через какое-то время врач стал записывать с моих слов историю болезни. Я рассказал ему ту же небылицу. На вопрос о документах ответил, что все осталось в чемоданчике в вагоне уехавшего поезда. На лице врача я прочитал сомнение и понял, что он не поверил моему рассказу, разумеется потому, что на мне была сильно грязная одежда, изобличающая скрытую историю моего не особенно давнего прошлого, к тому же, надо полагать, информация о побеге заключенных из этапного вагона была сообщена милицией во все государственные учреждения, находившиеся вблизи железнодорожной магистрали.

На другой день ко мне в больницу пришел следователь и стал задавать те же вопросы, что и врач. В конце допроса он снял отпечатки с пальцев обеих моих рук и ушел. Я понял, что не сегодня, так завтра непременно опознают мою личность. Нужно было скрыться, но вся беда заключалась в том, что у меня не было костылей. Так смело и дерзостно было положено начало побега, но так плачевен и безрезультатен оказался его конец...

Утром к больничному корпусу подъехала черная милицйская автомашина, из нее вылезли два человека, зашли в палату, положили меня на носилки, занесли в крытый кузов и увезли в концлагерь, находившийся на территории совхоза, где я пролежал в стационаре около трех месяцев, пока не стал твердо опираться на сросшуюся ногу. Там произвели следствие, после которого привели на суд.

Первым же вопросом, заданным судьей, был: "Когда ты прекратишь совершать побеги из тюрем и концлагерей?" Я ответил ему: "Буду убегать бесконечно, пока не убьют". И потом, обратившись к судье, сказал: "Вы осознайте глубже эту единственную причину всех моих побегов: могу ли я отбыть такой длительный срок, какой дан мне? А потому в си-

лу необходимости должен бесконечно убегать и убегать, как только представится возможность". После двух или трех секунд молчания судья ответил: "Ну, а если дам тебе один год, отбудешь или нет? Или, может, и тогда убежишь?" Я возразил: "Год-то я отбыл бы, конечно, но кто ж мне даст один год?" Судья, не сказав больше ни слова, поднялся со своего судейского кресла и направился к двери совещательной комнаты. За ним последовали оба заседателя, присутствовавшие при судебном разборе моего дела. Через некоторое время члены суда вышли и председатель стал зачитывать приговор, в котором говорилось, что за совершение побега заключенным таким-то из этапного вагона подконвойного поезда в момент его следования по железной дороге суд, руководствуясь новым предписанием Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР от такого-то числа и такого-то месяца сего года, сделав в соответствии с этим предписанием льготное послабление и уступку по отношению к совершителю преступления заключенному такому-то, приговорил его к одному году лишения свободы с поглощением прежнего срока.

Услышав эти слова, я не поверил своим ушам — так ли это? Но переспросить судью относительно услышанного не решился. Через десять-пятнадцать минут принесли две копии приговора: одну вручили мне, а вторую — конвоиру, и тот повел меня в концлагерь. Дорогой я несколько раз прочитал врученный мне приговор и никак не мог понять загадочные для меня слова, что, руководствуясь не статьей уголовного кодекса, как это должно было бы быть, а новым предписанием Народного комиссариата внутренних дел, суд сделал льготное послабление и уступку. Это недоразумение мне разъяснили уже намного позже сведущие в этом деле люди. Оказывается, в газете "Известия" было опубликовано обращение Народного комиссариата внутренних дел ко всем преступникам, совершившим побеги из мест своего заключения

и проживающим скрытно. Им предлагалось прийти с повинной в управление милиции на территории их местопребывания и объявиться, после чего им будут выданы документы для трудоустройства и проживания на определенном месте. Некоторые не доверились этой публикации, а многие пришли и объявились в милиции. Им выдали соответствующие документы, официально оформили прописку и направили на работу по их желанию. Один из таких сказал, что он скрывался пятнадцать лет. Оказалось, что это предписание распространялось и на людей, подобных мне, потому-то судья и вынес свой приговор независимо от уголовного кодекса.

Когда конвоир привел меня в зону, то с первых же дней моего там пребывания мне, как имеющему малый срок, выдали пропуск на круглосуточное бесконвойное хождение.

На территории совхоза строилось многоквартирное жилое здание. Возле него находилось небольшое сторожевое помещение, в котором должен был находиться человек, охраняющий все строительные материалы: цемент, кирпич, известь, доски, шифер, гвозди и прочее. И вот на должность этого охранника назначили меня с условием круглосуточного проживания в той сторожке. Мне это было весьма кстати. Я заимел несколько закадычных друзей, и мы все ночи играли в карты, да к тому же еще и воровали, так что год этот прошел незаметно.

После своего освобождения из концлагеря я приехал в родной город к отцу и матери и стал жить вместе с ними.

— Ну, а теперь по какой статье уголовного кодекса ты проходишь? — поинтересовался я у Толика.

— По 59-й, пункт 3, — ответил он.

Всем лагерникам было известно, что по этой статье привлекают к ответственности за бандитизм.

— И как же это получилось, — спросил я его, — что ты так быстро после своего освобождения очутился опять за высоким забором?

— Проживая в доме родителей, — продолжил свой рассказ Толик, — я разыскал своих прежних друзей, и мы, как и в былое время, стали приходить на наши дружеские сходки в известные нам воровские притоны. Там, в попойках и с незамужними женщинами, любительницами разгула и кутежей, проводили ночи до рассвета, там же играли и в карты. В одну злополучную ночь я проиграл до копейки все имевшиеся у меня деньги и волей неволей вынужден был искать выход из создавшегося положения.

При наступлении дня я высмотрел один частный дом, в котором проживал главный бухгалтер военторга. На следующее утро, когда он вместе с женой ушел на работу, я подошел к калитке ограды их дома и нажал кнопку электрического звонка. Дверь приоткрыла пожилая женщина и спросила: “Что вам нужно?” Я ответил, что я инспектор по учету расхода электроэнергии и пришел проверить электросчетчик. Женщина ответила: “У нас счетчик проверяли на прошлой неделе, выписали квитанцию, и мы уплатили начисленную нам сумму денег”. “Эта квитанция в контору энергообита не поступала, — сказал я, — по этой-то причине я и пришел к вам, чтобы проревизировать правильность подсчета киловатт-часов”, и попросил показать мне выданную им квитанцию, чтобы записать ее номер и проконтролировать правильность денежного сбора в соответствии с расходом электроэнергии. Женщина широко растворила дверь калитки и сказала: “Ну зайдите в дом, посмотрите электросчетчик, а я покажу вам квитанцию”.

Войдя во двор, я пошел впереди и, подойдя к двери дома, остановился. Она, открыв дверь, вошла, я последовал за ней и, закрыв дверь на крючок, сразу же схватил ее за горло, сказав: “Я — грабитель! Давай деньги!” Женщина от неожиданности широко раскрыла глаза, потом дрожащим голосом ответила: “У меня денег нет, кроме тех, что находятся в хозяйственной сумке”, и указала пальцем на висевшую на сте-

не плетеную сумку. Я снял ее с гвоздя, увидел внутри портмоне, раскрыл его и вытащил несколько рублей. “Давай еще”, — сказал я. “У меня больше нет”, — ответила она. На столе стоял электрический утюг. Взяв его, я воткнул вилку штепселя в розетку и, когда утюг нагрелся, прижал его к плечу женщины. Она вскрикнула, а я повторил свое повеление: “Давай деньги!” Она сказала: “Посмотри на этажерке, там лежит ридикюль невестки — может быть, в нем сколько-нибудь есть...” Раскрыв ридикюль, я вынул из него две купюры по пятьдесят рублей, положил в карман и опять повторил: “Говори, где еще есть деньги?” Она ответила: “Больше нет”. Я за шею пригнул ее к полу, так что она поневоле опустилась на колени, зажал ее голову между своими коленями и раскаленным утюгом провел по ее спине. Она громко закричала. Я зажал ей ладонью рот и снова провел утюгом по спине. “Говори, где еще есть деньги?” Она, еле дыша, ответила: “Посмотри в спальне комнате, на тумбочке лежит летний пиджак моего сына, проверь в нем потайной карман”. Я взял ее за руку и повел вслед за собой. Опустив руку в карман пиджака, вытащил оттуда бумажник, в котором находилось несколько мелких денежных купюр — в общей сложности около ста пятидесяти рублей. Положив и их в карман, я вышел из спальни комнаты и опять повторил свой вопрос: “Говори, где еще есть деньги?” Она ответила: “Больше нигде нет”. Я снова пригнул ее к полу и вновь провел раскаленным утюгом несколько раз по ее спине. Она молчала. Тогда я опять провел раз, и два, и три утюгом... Вдруг она свалилась на пол и стала содрогаться всем телом в предсмертных конвульсиях и, вытянувшись, умерла. Я никак не ожидал, что она так быстро скончается, хотя и не собирался оставлять в живых свидетельницу.

Перешагнув через безжизненный труп, я вошел в залпную комнату и увидел стоящий у стены шифоньер. Раскрыв его, я снял висевшие там на плечиках мужские и женские

пальто, костюмы и платья, сложил все это на разостланную мною по полу простынь, связал в узел и вознамерился было уже уйти из дома, но взгляд мой случайно остановился на стоящем в углу комнаты несгораемом металлическом ящике. Отыскав в передней комнате лежащий под диваном топор, я стал разбивать им обнаруженный сейф. Во время этого усердного занятия мне не пришло на ум, что он может иметь секретную сигнализацию.

После долгих усилий мне все-таки удалось открыть дверцу и вывалить содержимое на пол. К сожалению, там я не нашел ни одного рубля. В сейфе находились какие-то аккуратно сложенные в канцелярские папки деловые бумаги.

Закончив свое дело, я забрал узел и, выйдя за калитку, пошел по улице.

Пройдя не более тридцати метров, я вдруг увидел мчащую навстречу черную милицейскую автомашину. Сердце мое невольно сжалось от какого-то тягостного предчувствия. Автомашина несколько сбавила скорость, но не остановилась, сидящие в ней три милиционера пристально посмотрели на меня и поехали дальше. Я понимал, что если с узлом проходит женщина, то это не вызывает ни у кого и малейшего подозрения, но если с узлом проходит мужчина, притом молодого возраста, то это явление у всякого встречного и поперечного невольно вызовет любопытство и даже сомнение.

Повернув голову, я увидел, что автомашина, доехав до калитки только что оставленного мною дома, остановилась и милиционеры побежали во двор. Тут я догадался, что они были вызваны к месту ограбления звонком секретной сигнализации, и быстро зашагал вперед, постоянно оглядываясь. Вдруг я увидел, что один милиционер, выскочив из калитки, побежал вслед за мной. Я поспешно завернул в первый встретившийся переулок и перебросил свой узел через забор второго дома с левой стороны от начала переулочка, имея в виду, что если милиционер бежит не за мной, то через не-

сколько минут возвращусь к той ограде, перелезу через забор и возьму свою поклажу. Но нет, вижу, что он быстро бежит по направлению ко мне. На дороге лежала какая-то палка, я поднял ее и стал идти, прихрамывая и опираясь на нее.

И вот я услышал позади себя торопливые шаги догоняющего и окрик: “Стой!” Я остановился. “Где твой узел, с которым ты только что шел?” “Никакого узла у меня не было”, — возразил я. — “То есть, как не было? Я же видел тебя издали идущего с узлом”. — “Нет-нет, что вы, товарищ милиционер, что вы! Ничего у меня не было, я вот пустой-то еле-еле тащусь — нога у меня болит, а не то чтобы там еще нести какой-то узел”. Милиционер засомневался, но все-таки сказал: “А ну, пойдем со мной”. “Куда?” — спросил я. — “Пойдем-пойдем”, — настойчиво повторил он. — “Да у меня нога болит, я спешу в больницу, но вот еле-еле иду”. “Идем-идем”, — повторил он свое повеление.

Возвращаясь, я еле тащился, желая надоесть ему своей медлительностью, надеясь, что он, отяготившись такой ходьбой, отстранится и уйдет один, оставив меня. Но нет, хотя и с частым моим отдыхом, но все-таки он довел меня до известной калитки. Наконец мы вошли в дом. Там было все так, как я видел, уходя из него несколько минут тому назад. На полу в передней комнате лежала умершая женщина, около нее стояла пришедшая, по всей вероятности на время обеденного перерыва, хозяйка дома и держала на руках ребенка двух или трех лет. Обе двери в комнаты были растворены, на полу в зале лежал опрокинутый мною сейф, возле него валялись разбросанные канцелярские бумаги.

При нашем входе в дом хозяйка, прежде стоявшая спиной к двери, обернулась, чтобы взглянуть на нас. Мальчик, сидевший у нее на руках, увидев меня, сказал: “Мама, этот дядя бабушку утюгом гладил”. И, протянув ручонку, указал на меня пальчиком. Этими словами он поразил меня, как громом. Оказывается мальчонка лежал в детской ка-

чалке, накрытый одеяльцем, и теперь явился правдивейшим свидетелем всего происходившего перед его глазами. Удивительно, что он не издал тогда ни единого звука, разумеется, из-за своего испуга, потому-то я и не увидел его.

После этих слов в доме наступило гробовое молчание. Прервал его старший милиционер, обратившись с просьбой к хозяйке дома: “Освидетельствуйте, пожалуйста, умершую”. Та, посадив мальчонку в качалку, расстегнула кофту своей свекрови и несколько развернула ее так, что всем присутствующим стало видно спину умершей — кожа на ней была сплошь полопавшейся от ожогов. После этого отвратительного зрелища старший группы сказал милиционеру, стоявшему возле него: “Принеси наручники”. Тот быстро сходил к автомашине и принес их с уже разомкнутыми браслетами. Подойдя ко мне, он защелкнул оба браслета на кистях моих рук. После этого они вывели меня из дома и посадили в свою черную автомашину.

Заканчивая свой рассказ, Толик сказал:

— Ожидая судебного разбора своего дела, я очень боялся, что меня расстреляют за это убийство, как совершенное с особой жестокостью. Но, нет... Осудили на десять лет лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере.

Самородки в отбросах

На одном из приисков в филевых наслоениях под скрейбером случайно было обнаружено весьма значительное содержание признаков смытого золота. Эта утечка золота происходила из-за перегруженности золотомойной машины, притом в те дни, когда начальство стремилось к максимальному количеству пропуска золотосодержащих песков, и потому невозможно было уследить за качеством со-

вершавшегося процесса промывки. Начальник Дальстроя обязал начальников всех приисков заставить рабочих произвести на полигонах раскайловку образовавшихся за многие годы огромных скоплений промытого грунта, выбрать из него все камни значительной величины и вывезти их тачками к месту грани полигонного отвала, а филевые выбросы заново сваливать в бункер для вторичной промывки.

Этот примитивный труд по выбору и вывозу камней требовал больших затрат мускульной энергии. Так, например, нагруженные карьерным хламом тачки должны были вывозить три человека: двое за веревки тянули спереди, а третий за ручки толкал тачку сзади, втаскивая ее по наклонному трапу наверх.

При промывке этих филевых выбросов обнаружилось неожиданно высокие показатели намыва золота, оправдывавшие в два и три раза прилагаемые усилия. Поэтому было решено прежде всего продолжать начатое перемирование филевых свалок, нежели затрачивать время и силы на разработку карьеров на полигонах с уже остаточным бедным содержанием золота.

Во время этих кабальных трудов на каком-то прииске рабочий-раскайловщик филевой свалки обнаружил самородок весом в двадцать пять килограмм. Начальник прииска заверил этого рабочего, что поставит в известность начальника Дальстроя и будет просить того похлопотать о частной амнистии нашедшему эту драгоценность. Однако все это осталось без последствий, и дарование свободы, которую пророчили нашедшему слиток многие приисковые старатели, не состоялось. Бездушные эксплуататоры, наоборот, стремились до конца жизни не выпускать с приисков подобных ему опытных старателей, как необыкновенно полезных для их дела людей.

Такой огромный самородок смог попасть в филевые выбросы из-за того, что на полигоне стали работать бульдозе-

ры. В минувшие годы, пока на приисках еще не было бульдозеров, рабочие, набрасывая лопатами золотосодержащий грунт в тачки, сразу же выбирали из них все камни и выбрасывали за отвал, обнаруживая в то же время попадавшие им под руку самородки различной величины. Бульдозеры же сталкивали в жерло бункера весь грунт подряд вместе со всякими камнями, в том числе и огромные булыжники.

Вращающийся корпус скрейбера имеет сходство с сельскохозяйственной зерноочистительной машиной, которая сортирует зерно по длине и толщине. Он пропускает сквозь имеющиеся в его корпусе круглые отверстия загруженный золотосодержащий грунт вместе с камешками диаметром до пяти сантиметров, а более крупные вместе с булыжниками спроваживает в свалку, куда попадают и золотые самородки, превышающие размер отверстия. Так был выкинут и тот двадцатипятикилограммовый золотой самородок.

Впоследствии случаи обнаружения самородков в свалке филевых выбросов стали достаточно частым явлением на всех приисковых полигонах.

На наш прииск скрейбер привезли и установили не особенно давно, но все равно навал филевых выбросов был уже довольно значителен. Рабочий-раскайловщик, разбирая этот навал, нашел самородок весом в один килограмм семьсот грамм и отдал его начальнику прииска. Тот, рассмеявшись похвалил его, похлопал по плечу и дал за эту находку как премию пачку махорки. Через два или три дня этот рабочий опять обнаружил самородок почти такой же величины и опять показал его начальнику прииска. Тот восторженно воскликнул:

— Ох, какой же ты счастливчик! — и хотел было взять из рук рабочего найденным им самородок.

Но тот, несколько отстранившись, плюнул на этот самородок и, сказав: "Не мне и не вам!", — бросил самородок далеко-далеко за грань отвала.

Начальник поднял тревогу: остановил работу скрейбера, всех рабочих согнал за отвал в то место, куда был заброшен самородок, ибо знал цену этой находке, заставил всех разыскивать ее... но напрасно — самородок как сквозь землю провалился.

Рабочего, выбросившего самородок, в наручниках увели в зону и там зверски избили. Несколько дней он проболел и умер.

Довольно продолжительное время работа на полигоне шла без особых приключений. Но вот еще один раскайловщик нашел самородок весом чуть больше полкилограмма и решил пронести его в концлагерь. По окончании рабочего дня, когда бригаду пропускали в зону через вахту, дежурный надзиратель почему-то вздумал произвести всем обыск и обнаружил в кармане телогрейки рабочего спрятанный самородок. Хотя обладатель этой ценности и утверждал в свое оправдание, что нашел самородок в начале дня и, положив в карман, совсем забыл про него, однако его избили так же, как и того, который выбросил самородок за полигонный отвал.

Война и новые тяготы

Быстро прошло северное лето, и приблизилась суровая заполярная зима. А когда начались метели, промысловая деятельность закончилась и все бригады переключились на шурфовочные работы.

В тот период все-таки стали в воскресные дни давать отдых измученным за лето приисковым труженикам, но концлагерное начальство находило всевозможные предлоги, чтобы хоть на короткое время, но вывести заключенных на бытовые внутрилагерные работы. То заставят засыпать землей все чердачные перекрытия жилых помещений, то дополни-

тельно натягивать и укреплять колючую проволоку, то погонят носить дрова из леса или сгребать снег... И так всю зиму.

При наступлении нового промыслового сезона, который начинается обычно в середине июня, когда несколько оттаивает земля и начинают течь ручьи, дающие возможность осуществлять промывку, вновь загромыхал скрейбер и рабочие забегали по трапу с тачками, нагруженными доверху золотосодержащим песком.

В первые дни промыслового сезона 1941 года вдруг пронеслась весть о начале войны с Германией.

В душе каждого из томящихся за высокими заборами концлагерей рабов-кабальников поселились глубокая забота и беспокойство о судьбах страны и о своей собственной. Каждый стал по-своему рассуждать о будущем. Всем было понятно, что в случае бедственного положения на фронте кровожадная свора чекистов, не задумываясь, сразу же истребит всех политических заключенных, как только получит приказание на то от своих повелителей.

И вот вскоре после начала войны было получено указание о запрещении освобождения из-под стражи заключенных, осужденных по политическим статьям, до окончания войны. Многие невольники, принадлежавшие к этой категории людей, были в давние годы солдатами армии Колчака, в конце гражданской войны попавшие в плен к красным и приговоренные к десяти годам лишения свободы. В 1931 году, когда они отбыли этот срок наказания, им прислали новые приговоры, вынесенные закрытыми совещаниями троек ОГПУ, назначив опять десять лет лишения свободы с исчислением начала срока со дня объявления нового приговора. И вот теперь, в 1941 году, при окончании своего двадцатилетнего срока заключения они очутились на положении бессрочных кабальников.

В первые дни войны во всех концлагерях усилили охранный режим: запретили зажигать огни по всем зонам,

топить печки во всех помещениях, даже и в сушилках, не смотря на то что в ту пору шли проливные дожди, так что рабочие не имели возможности переодеться в сухую одежду.

Кто бы мог представить себе бедственное положение приисковых тружеников, во время проливного дождя безостановочно бегавших с тачками по трапам, подвозя и вываливая грунт в жерло этого не знающего усталости и не замедляющего своего круговоротного движения громающего скрейбера?! Струйки холодной дождевой воды текли по всему телу, стекали в кордовые ботинки, из которых во время бега выплескивались наружу. Вымокшая до нитки телогрейка, прилипая к спине, вызвала во всем теле какую-то нервную дрожь. А приисковое начальство, обутое в резиновые сапоги, одетое поверх теплой одежды в брезентовые или прорезиненные плащи с откидными капюшонами, лупило метровыми палками по плечам и спинам замедливших свой бег кабальных тружеников, покрикивая:

— Живее, живее! На прииске дождя нет! На прииске дождя нет!

На полигонах более чем на треть прибавили нормы выработки и до крайности удлиннили рабочий день. Убавили норму питания: хлеба стали выдавать лишь по девятьсот грамм при условии перевыполнения нормы на сто десять процентов. Почти наполовину убавили котловое довольствие по выдаче мяса, рыбы, животных и растительных жиров, а также крупы и муки, заменяющих овощи. Больше чем наполовину сократили норму выдачи сахара, оставив всего лишь пятнадцать грамм в день. За сто процентов выполненной нормы хлеба стали выдавать семьсот грамм и на две трети сбавили котловое довольствие. На кухне стали варить только лишь одно первое, причем в двух котлах — в первом и во втором. Перевыполнивших норму выработки довольствовались по первому котлу, а выполнивших ее толь-

ко на сто процентов довольствовались по второму, невыполнивших производственную норму довольствовались штрафным пайком, наливая им по полчёрпака из второго котла и выдавая только пятьсот грамм хлеба.

Через неделю в концлагере все ощутили последствия ежедневного недоедания и изнурительного труда. Все прежде валявшиеся засохшие куски хлеба на окнах барачков, под нарами и даже в мусорном ящике были подобраны и съедены. С этого времени началась явная и скрытная борьба за свое существование. Кем-то из шарлатанской клики были во всеуслышание сказаны слова: "Спасайся кто как может!" Это изречение передавалось из уст в уста, а потому, кто наглее и сильнее, те стали выискивать возможность при всяком удобном случае одолевая слабых и простодушных, чтобы отнять у них скудный порцион, при этом приговаривая: "Ты умри сегодня, а я умру завтра". Через две-три недели оголодание среди лагерников усилилось и началось ужасное воровство, а потом и грабеж. Пайки хлеба стали выдавать из каптерки по бригадам, а потому для получения их приходили по несколько человек от каждой бригады, принося с собой одеяла, в которые складывали получаемый хлеб. Из предосторожности заключенные стали носить с собой крепкие дубинки и, держа их в руках, сопровождать до барака несущих в одеяле хлеб.

Как-то утром из-за угла одного из лагерных помещений вдруг выбежала целая шайка грабителей. Их было гораздо больше, чем охранявших драгоценную ношу, и они, не опасаясь ни увечья, ни контузии от обрушившихся на их головы дубин, сумели вырвать из рук несущих одеяло с пайками хлеба и скрылись в тумане раннего утра, оставив всю бригаду голодной.

День ото дня положение становилось все нетерпимее из-за подобных ограблений то одной, то другой, то третьей бригады. Рано утром все бригады стали приходить к окну

хлеборезки, и каждый рабочий стал получать свою пайку непосредственно из рук хлебореза и тут же старался целиком съесть ее, а если кто мешкал, то обнаглевшие грабители выхватывали пайку прямо из рук.

Начальник лагеря дал указание делить пайку хлеба на три части и выдавать три раза в день. Только тогда грабеж прекратился, потому что каждый получивший порцию в двести или триста грамм успевал ее тут же быстренько съесть.

Как-то во время утренней раздачи хлеборез на одной непонятно написанной фамилии несколько сбился и стал пристально всматриваться в ведомость, притом бывшую у него в руке порцию хлеба положил на стол. Грабитель, притаившись возле раздаточного окна, быстро просунул руку в оконце, вознамерившись было схватить эту положенную на стол порцию, а хлеборез, не растерявшись, в мгновение ока так метко рубанул своим широким хлеборезным ножом по руке грабителя, что три пальца: указательный, средний и безымянный — отлетели от нее.

Более каверзные явления происходили на кухне.

Повар в присутствии надзирателя по установленной мере наливал воду в кухонные котлы, закладывая в них положенную на складе норму продуктов и начинал варить. После приготовления пищи на кухню снова призывался надзиратель, который измерял специально имевшейся у него линейкой глубину содержащейся в котлах порции, чтобы быть уверенным в том, что повар не добавил в котлы лишнего количества воды сверх лимитированного. И только после этого начиналась раздача пищи.

Первыми за получением сваренной пищи приходили домоседы, то есть те лагерники, которые находились в зоне на хозяйственных работах. Все числящиеся в штате хозяйственной obsługi, в том числе и конторские служащие, должны были питаться из второго котла, а потому на них выпивалась половинная норма продуктов. Однако во время

дележа пищи получалось далеко не так, как должно было бы происходить.

Прежде всех получали пищу конторские служащие, у которых имелся свой дневальный, который выполнял обязанности уборщика, сторожа и получателя на всех котлового довольствия. Повар, находившийся в содружестве со всеми конторскими служащими, выручавшими его в трудные минуты перед начальством, не оставался перед ними в долгу. Приняв от дневального ведро, он открывал крышку не второго, а первого котла и, взяв черпак, начинал со дна зачерпывать самый густой и сытный слой сваренной им порции. До краев наполнив ведро, вмещающее в себя более чем в четыре раза положенную им норму, он отдавал его дневальному и тот уносил ведро в контору.

Затем в кухню заходил заведующий баней-прачечной и отдавал повару его белье, чисто выстиранное и даже выглаженное, чего не делалось ни для одного лагерника. Повар и его ведро наполнял доверху со дна первого котла.

Вслед за банщиком приходил дневальный из сапожной мастерской. Повар помнил их постоянную внимательность по отношению к нему и то, что сапожники перед началом каждой зимы шили ему бурки, подшивая на внутреннюю сторону подошвы мягкую, теплую кошму, весной же, когда они шили сапоги для солдат военизированной охраны и лагерного начальства, умели выкраивать из принесенного им материала и на пошив сапог для повара. За это он рассчитывался с ними ежедневно, в течение всего года наполняя их ведро также со дна первого котла.

Дневальный из портновской мастерской тоже подавал свое ведро. Повар помнил и их услуги, что в начале каждой зимы там трогательно беспокоились о его одежде. Полученный им лагерный бушлат стандартного покроя и небрежного пошива они распарывали и перекраивали соответственно гражданскому индивидуальному пошиву, не-

сколько укорачивая его и делая на нем ряды мелких стежек, которые придавали бушлату оригинальный красивый вид. Шили также и душегрейку-безрукавку. Всем лагерникам к зиме шили простые матерчатые простеганные шапки, для военизированной охраны шапки изготовляли из искусственного набивного меха. И при выполнении этого заказа портные умели экономить материал для пошива меховой шапки повару. Весной они шили ему кепку вместо обыкновенной лагерной фуражки. Летний пиджачок, полученный им на вещевом складе, перекраивали и шили из него куртку. За все это повар щедро рассчитывался с ними так же, как и с сапожниками.

В определенное время, задолго до начала обеда, приходили со своими посудинами посыльные от лагерной группы административно-хозяйственного персонала, потом из пекарни, за ними из парикмахерской и, наконец, из санчасти. И всех их повар наделял с избытком помимо нормы.

Спустя некоторое время, когда с полигона в зону шли на обед приисковые рабочие, в кухню с заднего входа входил со своим ведром посланец от шайки воров-рецидивистов, которых было семь человек. Вслед за ним в кухню приходил человек с кастрюлей — прислужник прославленного среди преступного мира бандита по кличке Федя-босовило, имеющего на своем счету множество нераскрытых убийств и крупных ограблений. Его порцию повар дополнял припрятанными мясными либо рыбными консервами, иногда салом, иногда топленым сливочным маслом. Весь этот паразитический элемент, находясь в концлагере, каждое утро исправно выходил на развод и потом с бригадой рабочих шел в строю на полигон, однако весь день сидел там, не ударяя пальцем о палец. Бригадиры производили на них начисления в своих рапортчиках за счет исправных тружеников. Эта сплотившаяся шарлатанская клика, ненавидимая и проклиная втихомолку всеми лагерни-

ками, держала всех заключенных в повиновении и покорности себе, и ни один житель зоны не мог освободиться от этой зависимости. Они во все вникали, все знали, все видели и слышали через сочувствующих им единомышленных мелких шарлатанишков, которые не были причтены к своре привилегированных уголовников, но только лишь пользовались их благоволением.

Итак, приисковые труженики еще не ели, а третья часть первого котла, предназначенного для них, была уже расхищена и съедена. Кухонный рабочий большим черпаком переливал содержимое из второго котла в первый. Повар на глазок наливал в котел около четырех ведер горячей воды, перемешивал, затем ставил возле раздаточного окна бачок. Рабочий по кухне ведром переносил в бачок из первого котла эту разбавленную баланду, затем, выйдя из кухни в столовую, раскрывал двери и впускал рабочих. Начиналась раздача обеденной пищи, разливаемой черпаком в миски.

На кухню заходил надзиратель, заглядывал в котел, видел примерно столько же сваренной пищи, сколько и прежде, и, полагая, что все в порядке, удалялся.

После обеда кухонный рабочий собирал со столов опорожненные миски, заносил их в посудомойку и мыл горячей водой. Вода в посудомойном корыте как была, так и оставалась чистой, потому что оголодавшие люди пальцами вычищали всю внутренность мисок.

Рабочий по кухне выливал воду из корыта в помойное ведро, которое возле кухонных дверей ожидала уже целая толпа исхудавших голодных людей со своими мисками, жадно выпивавшая эти помои. Эти изможденные труженики еще три месяца назад, в начале промывочного сезона, имели вид нормальных людей, но в конце сезона напоминали скелеты, обтянутые кожей. При упадке своих физических сил они не в состоянии были выполнять требуемые

нормы выработки, за что их ежедневно держали на штрафном пайке, чем и доводили до крайней дистрофии и полной утери трудоспособности.

В один из дней, незадолго до окончания рабочей смены, два человека легли на землю, сказав, что не имеют сил идти в зону. Конвоиры заставили рабочих нести их на себе. Истомившиеся от тяжелой работы труженики, сами еле таская ноги, понесли их на себе. Шествие это продолжалось полтора часа. На следующий день этих еле двигающихся людей начальство снова выпроводило на полигон.

Многие рабочие совсем обессилели. Тачки, нагруженные едва наполовину, возили уже по двое: каждый держался за одну ручку. Третий, наполняющий тачку, поддевал на совковую лопату не более как с пригоршню грунта и, бросив его в тачку, сам, как пьяный, теряя равновесие, падал на землю. Так это продолжалось в течение всего дня, а по окончании работы кого-нибудь опять всей бригадой несли на себе в зону: то двух, то трех, а то и пятерых абсолютно обессиленных.

Повалил снег, начались метели, стало неимоверно холодно. Промывку золота стали производить в тепляке, а по окончании рабочего дня все так же несли на себе до крайности ослабевших тружеников. Рабочие неистово проклинали ослабленных и сквернословили, понуждая их не выходить из зоны, хотя вполне сознавали, что лагерные погонщики пинками и подзатыльниками заставят всех выйти на объекты.

Ночью у одного из этих ослабевших тружеников наглые шарлатаны украли рукавицы вместе с варежками, и он, оставшись с голыми руками, отказался от выхода на работу. Староста лагеря, решив, что он умышленно спрятал рукавицы, стал бить его палкой, которую всегда носил с собой, и потом сильно толкнул, заставляя идти к вахте. Рабочий, упав от этого толчка, не сразу поднялся, и старо-

ста, схватив его за ноги, выволок через проходной помост вахты за зону. В это время к вахте подошел начальник лагеря и, видя лежащего рабочего, спросил у него о причине невыхода на полигон. Тот стал было рассказывать о своем бедственном положении, но староста, перебив его, начал уверять начальника в своем подозрении о симуляции. Начальник, поверив лжесвидетельству, сказал рабочему, что в тепляке рукавицы совсем не нужны, и велел надзирателю увести его на полигон. Но рабочий остался лежать на снегу возле вахты, повторяя, что без рукавиц он на полигон не пойдет.

Мимо проезжал верхом на лошади солдат из военизированной охраны, сзади у седла была приторочена веревка. Начальник остановил его и велел волоком тащить отказчика на полигон. Солдат, поспешно соскочив с лошади, отвязал от седла веревку, сделал на одном ее конце петлю, набросил эту петлю на обе руки лежащему рабочему и затянул ее. Другой конец привязал к седлу, потом, взобравшись на лошадь, при сорокаградусном морозе потащил истощенного человека за оголенные и перетянутые веревкой кисти рук на полигон.

Во время этого волочения у страдальца, за что-то зацепившись, слетела с ноги одна чуня вместе с обмоткой, и нога осталась босой. Дотащив рабочего до тепляка, солдат сдал лежащего на снегу человека с босой ногой и голыми руками под надзор бригадному конвоиру, и уехал. Приволоченный рабочий попытаться подняться на ноги, но это ему не удалось. Подошедший на помощь бригадир принес из тепляка два сухих обрывка от суконных полотнищ, вынутых когда-то из желобов проходнушек, обмотал ими босую ногу, поднял страдальца и увидел, что все пальцы на обеих руках побелели — обморозились. Он и двое подошедших рабочих попытались оттереть их снегом, но бестолку — пальцы были уже омертвевшими.

Надзиратель увел пострадавшего в зону. Лекпом, глянув на его руки, немедленно потребовал увезти его в больницу. На прииске имелись только две грузовые автомашины, и обе находились в разъезде. Лекпом, отпросившись у вахтера, вышел за зону и спешно пошел к дому начальника прииска.

Начальник, осознав серьезность положения, велел шоферу имевшейся у него резервной полулегковой автомашины спешно везти больного в районную больницу. Пока собирались да ожидали машину, потом замешкавшегося конвоира...

В результате обмороженного доставили в больницу поздно вечером, где врачу немедленно пришлось ампутировать ему обе конечности рук до кистевых суставов. На другой день, записав со слов больного историю болезни, врач составил акт и передал его в следственные органы.

Через неделю на прииск приехал следователь. Первым был вызван на допрос солдат, как главный виновник совершенного преступления.

— На основании каких соображений ты решился совершить этот варварский поступок? — спросил его следователь.

Солдат ответил:

— А если б мне приказали застрелить его, то я, ни на минуту не задумываясь, сделал бы так, как мне приказали, потому что я подчиненный человек, исполнитель.

С него больше не было и спроса. Вся вина, разумеется, легла на начальника лагеря. Следователь арестовал его и увез с прииска.

Через три с половиной месяца после окончания следствия состоялось судебное разбирательство этого уголовного дела, и суд приговорил начальника к восьми годам лишения свободы, но... с отправкой на фронт.

Через довольно продолжительное время он прислал с фронта письмо своим прежним друзьям, в котором откоро-

венно раскаивался: “Я только здесь вполне смог осознать тяжесть совершенного мной преступления: по моей вине несчастный тот человек на всю жизнь остался калекой”.

Смертность

В конце 1941 года из Москвы поступило новое указание уменьшить нормы питания заключенным. В соответствии с этим предписанием и без того мизерный рацион сбавили уже до последней крайности. За стопроцентное выполнение установленных норм выработки хлеба выдавали, как и прежде, по семьсот грамм. За перевыполнение нормы до ста пятинадцати процентов к семьсотграммовой пайке стали прибавлять по сто грамм ларькового хлеба за наличный расчет. Перевыполнившим норму до ста двадцати пяти процентов ларькового хлеба отпускали по двести грамм. Норматив котлового довольствия сбавили на одну треть как по первому котлу, так и по второму.

Вследствие уменьшения нормы питания при бесконтрольном распределении на кухне котлового довольствия между трудовым и нетрудовым народом среди лагерников увеличилась смертность от истощения.

Первым в нашем лагерном пункте умер высокообразованный математик, бывший в прошлом деканом какого-то факультета Московского университета. Он в последнее время, исхудав от ежедневного недоедания, превратился в скелет, обтянутый кожей. До этого состояния его в основном довели презренные шарлатаны. У него была сильная близорукость, поэтому он всегда ходил в очках. И вот эти мелкие паразиты в вечернее время, как только он зайдет снаружи в темный тамбур барака, срывали у него с лица очки и быстро убегали в противоположную секцию. Оставшись без очков, он начинал взывать ко всем живущим в бараке:

— Отдайте мне мои очки! Кто их взял у меня? Я дам за них триста грамм хлеба.

За эту цену ему возвращали его дорогостоящую потерю, а через какое-то время опять срывали с лица очки, и он снова выкупал их у шарлатанов. И так это происходило многократно.

Наконец он тяжело заболел — у него опухли ноги, и легком положил этого немощного человека в стационар. Перед смертью он говорил:

— Вот они, большевики, поистине великие губители душ человеческих! Начали усиленно претворять в жизнь свою бредовую идею построения коммунизма, создав прежде всего драконище всесоюзной тюремщины. Эти адские коммуны есть не что иное, как монастыри сатаны, проявившиеся в облике концлагерей, разбросанных по всей Сибири.

В начале 1942 года началась ужасная смертность от крайнего истощения. Стационар еле вмещал полуживых заключенных. На сплошных двухъярусных нарах, пристроенных ко всем четырем стенам стационара, люди лежали вплотную один возле другого только на одном боку, не имея возможности повернуться на спину. Каждую ночь умирало по двенадцать, тринадцать, четырнадцать человек. Утром санитар стаскивал умерших с нар и клал на пол, а обреченные на смерть с хладнокровным безразличием взирали на мертвецов и время от времени, проходя мимо них к туалетному бачку, запинаясь об их протянутые ноги и падали со сквернословием возле них на пол. Затем, поднявшись, забирались на нары и смотрели, как санитар спешно снимал с неподвижных тел белье и голыми утаскивал волоком в мертвецкую.

У умерших были грязные неумытые лица, так как в лагере не хватало воды на бытовые нужды. Среди дня приходил человек из спецчасти и навешивал на шею каждому

умершему дощечку с фамилией, именем, отчеством, годом рождения и статьей уголовного кодекса, по которой тот был осужден. Снятое с мертвецов белье простирывали и клали в фонд сменной одежды.

Пока еще не было такой большой смертности, санитар успевал на примитивных санках по ночам увозить умерших на кладбище и там складывал их в общую могилу. Когда же смертность увеличилась, то санитару пришлось возить на санках за один раз по два трупа, связывая их веревкой. Однажды он выбился из сил и решил одного покойника оставить на полдороге к кладбищу. Он поставил труп в снежный сугроб недалеко от приисковой золотой кассы, второго же мертвеца поспешно повез дальше. В те часы в кассе находилась жена начальника прииска, принимавшая приносимое с полигона золото. В ту ночь она задержалась на работе намного дольше обычного. Выйдя за дверь, она наткнулась на стоявшего по колено в сугробе голого человека и, вскрикнув от испуга, упала в обморок. Возвращавшийся с кладбища санитар увидел ее, поднял и занес в помещение кассы, там они вдвоем со сторожем привели ее в чувство. Он проводил кассиршу до дома и, вернувшись к поставленному им в сугроб мертвецу, увез его на кладбище. И так он продолжал возить покойников целую ночь.

Утром надзиратель зазвал санитару на вахту и вдвоем с вахтером стал нещадно его избивать за то, что тот до полусмерти перепугал жену начальника.

— Но как же можно было поступить в моем положении? — обратился санитар к избивающим его солдатам. — Возле того места дорога идет в гору, а мертвецы, которых я вез, были крупной комплекции, и у меня не хватало сил затащить их на подъем, потому я и оставил одного там, где мне стало невмоготу.

После этого вразумительного объяснения его перестали бить и выпустили из вахтенного помещения.

Кроме всего прочего, на санитаря была возложена обязанность сопровождать больных в баню в определенные дни каждого месяца и производить им санитарную обработку: стричь волосы и ногти, прожаривать все имеющиеся у них вещи: белье, верхнюю одежду, одеяла, матрацки. В бане больные получали металлические кольца, сделанные из стальной проволоки, и нанизывали на них свои вещички. Банщик уносил все это в дезинфекционную камеру, где горела докрасна раскаленная железная печка, и там развешивал.

Как-то во время очередной прожарки, надо полагать по недосмотру банщика, из какой-то связки вещей повешенное на кольцо одеяло развернулось, спустилось и, коснувшись раскаленной печки, загорелось, от него загорелись и прочие находившиеся там вещи. Санитар случайно вышел во двор и почувствовал запах горячей ваты. Они с банщиком, забежав в дезкамеру, быстро выбросили из нее все загоревшиеся вещи, но при этом не осталось почти ни одной неповрежденной одежины. Больные остались ни с чем и сидели в бане голыми до поздней ночи, пока растерявшийся санитар бегал то туда то сюда, разыскивая кладовщика, у которого смог раздобыть кое-какую ветхую сменку для погорельцев из одежды прежде умерших лагерников. В ту ночь ему некогда было спать, потому что снова пришлось возить покойников на кладбище.

За зиму на кладбище образовалось восемнадцать братских могил. Они были выкопаны слабосильными рабочими и получились мелкими — не глубже полутора метров. Весной, когда растаял снег, медведи, почуяв запах мертвых тел, стали ночью приходить на кладбище, разрывать могилы и утаскивать в свои берлоги похороненных людей.

Солдаты поставили на кладбище возле одной из разрытых могил два ружья с натянутыми тетивами. Убить удалось только одного медведя, несшего похищенный им из мо-

гилы труп. Смертельно раненный, он бросил свою ношу и, пробежав около пятидесяти метров, лег на брюхо и издох. Возле оставленного им трупа солдаты нашли валяющуюся на земле дощечку с фамилией Турчанюк. Предприимчивость солдат не отпугнула медведей от кладбища, они продолжали свои набеги, поэтому пришлось заставить плотников построить на кладбище сторожевое помещение и разделить в нем на жительство сторожа.

Слабкоманда

В конце зимы в концлагере случился недостаток дров, а потому из зоны выпроводили в лес на их заготовку одну бригаду в двадцать пять человек, неспособных по слабосилию работать на шурфовке. Место этой дровозаготовки было довольно далеко от лагеря. Утром откомандированные лесоповальщики, пока еще имели свежие силы после ночного отдыха, хоть и медленно, но дошли до лесной делянки и работали там до поздней поры. Когда же конвоир повел в зону, то, пройдя не более полукилометра, восемь человек пожилого возраста сказали ему, что не имеют сил идти дальше. Солдат дал им коробку спичек с наказом, чтобы они разожгли костер и сидели в ожидании его, пока он доведет остальных до концлагеря, а после возьмет кого-нибудь в помощь и приедет за ними.

Пока он довел медленно бредущих дровозаготовщиков до лагеря, пропустил их через вахту в зону, поужинал в солдатской столовой, сходил на конюшню, где ему не спеша запрягли двух лошадей, и поехал в лес, прошло немало времени. И когда он с возчиками доехал до нужного места, то всех оставленных людей нашли уже замерзшими. Костер они разжечь не смогли: им нечем было разгрести снег и в темноте они не смогли разыскать сухого дерева для рас-

топки. Совсем обессилевшие за минувший рабочий день, они оказались неспособными даже и на самосохранение. Возчики сложили их на сани и привезли в мертвецкую.

В течение зимних месяцев 1941/42 года в лагере умерло двести пятьдесят человек, что составляло почти половину от всего находившегося там контингента заключенных. Умирали в основном приисковые рабочие, при том крупной комплекции, обладавшие большой физической силой. Они-то и двигали при своей, казалось, неиссякаемой энергии все самые трудоемкие виды золотомойных приисковых работ, и для них, по естеству, требовался усиленный норматив питания по сравнению с низкорослыми и от природы слабосильными людьми, но их стали кормить наравне со всеми и потому загубили.

Безбедно перезимовали, не ощутив и малейшего упадка физических сил, лагерники, находившиеся на подсобных хозяйственных работах внутри зоны: конторские служащие, портные, сапожники, дневальные, а также и шарлатанская клика воров, бандитов, аферистов, ведших паразитический образ жизни за счет приисковых тружеников. Сохранили свой вид нормально упитанных людей и обслуживатели конной базы, благодаря тому что лошадям выдавался со склада суточный порцион овса. Сделав небольшую примитивного устройства мельницу-крупорушку, состоящую из двух цилиндрических жестяных терок, вставляющихся одна в другую, конюхи размалывали овес на мелкую крупу, потом, смочив, заквашивали, отжимали из нее раствор овсяной муки и варили кисель.

В начале весны в концлагерь приехала врачебная комиссия и стала проводить медицинский осмотр оставшихся в живых приисковых рабочих. В результате все приисковые труженики по причине крайней истощенности были освобождены от тяжелых физических работ, что угрожало крахом золотомойному производству приближаю-

щегося сезона золотодобычи. Начальник прииска обратился к членам врачебной комиссии:

— Как же быть при создавшемся положении? На прииске нет легких работ.

Врачи пошли на уступку, установив обессилевшим труженикам выполнение производственной нормы всего лишь на двадцать пять процентов. Но и это был не выход.

Врачи понимали, что, для того чтобы восстановить силы этих заморенных людей, нужно было при малой производительности труда предоставить им усиленное питание. Но при тех ограничениях, какие были установлены в то время, не было никакой надежды на восстановление сил этих крайне исхудавших рабочих. Единственное, что они могли сделать и сделали, — освободили от работы абсолютно изможденных тружеников и поместили в отдельное барачное помещение, назвав эту обособленную группу “слабкомандой”, и установили для них диетический рацион с добавлением на каждого человека к основному полагающемуся им нормативу продуктов по десять грамм сгущенного молока, десять грамм сахара, десять грамм животных жиров, десять грамм растительного масла и пятьдесят грамм рыбных консервов. Семьсотграммовую пайку хлеба стали выдавать двумя порциями: пятьсот грамм черного и двести грамм белого. Пищу для диетиков стал готовить в походной кухне, установленной на колесах среди зоны, повар из числа слабкоманды. В первый же вечер при раздаче сваренной каши, когда вся группа диетиков стояла возле котла и получала свой ужин, в зону стали пропускать пришедших с полигона рабочих. Они, увидев походную кухню, целой оравой подбежали к ней, столкнули повара с площадки и начали расхватывать содержимое котла: каждый поспешно нагребал себе в шапку кашу и убегал в барак, а люди из слабкоманды, как идиотики, в растерянности стояли вокруг кухни и смиренно смотрели на эту происходившую перед их глазами сцену.

Врачебные комиссии за короткое время сумели объехать все концлагеря, на территории четырех горнопромышленных управлений Колымы, и повсюду произвели свою комиссовку контингента заключенных, находившегося на золотомойных полигонах, освободив от работы по причине крайней истощенности почти половину лагерников из числа занятых на тяжелых грунтовых работах.

По окончании медицинского осмотра все врачебно-комиссионные группы, возвратившись в Магадан, составили надлежащий акт, передав его начальнику Дальстроя. Тот спешно телеграфировал в Москву: "По причине ежедневного недоедания за период зимних месяцев в концлагерях золотомойных приисков Колымы умерло 50 тысяч заключенных. Половина оставшихся рабочих золотомойных полигонов освобождена от тяжелых приисковых работ врачебными комиссиями ввиду их крайней истощенности. Приближающийся золотопромывочный сезон под великой опасностью срыва выполнения плана золотодобычи". В ту же неделю из Москвы было передано распоряжение, на основании которого заключенным прибавили хлебный паек и удвоили норму котлового довольствия. С того дня питающимся по первому котлу стали выдавать по килограмму хлеба, а питающимся по второму котлу — по девятьсот грамм. После этой незначительной добавки смертность прекратилась, но люди все равно чувствовали большой недостаток нужного питания, а потому находились в прежнем истощенном состоянии.

Вскоре из Москвы поступило дополнительное указание о выдаче лагерникам через ларек за наличный расчет по два килограмма кондитерских изделий в месяц.

Из-за неимения в то время на Колыме иного ассортимента кондитерской продукции пустили в продажу шоколадные конфеты "Ласточка" и "Чио-Чио-сан". И несколько позднее, уже почти перед самым началом промывно-

го сезона, было позволено также за наличный расчет через ларек получать ежемесячно по килограмму перетопленного сливочного масла. Для небольшого числа приисковых рабочих, которые не были еще в крайне истощенном состоянии, это было большим подспорьем. Минувшей осенью, да и зимой они, сколько могли, работали на полигоне, и им начисляли и выплачивали все-таки кое-какие гроши в виде премиального вознаграждения, на которое они смогли теперь выкупать из ларька предназначенную для них продовольственную поддержку. Тех же, кто в короткий срок сделался нетрудоспособным, начальники приисков, вместо того чтобы допустить для них некоторую уступку, стали ежедневно изнурять штрафным пайком. Вследствие этого большинство тружеников были заморены до смерти, а малая часть из оставшихся в живых перешла в разряд крайне слабосильных людей, пребывающих в слабкоманде. По этой причине они не имели ни копейки денег и не могли выкупить из ларька причитающийся им ассортимент усиленного питания, оставаясь поневоле по-прежнему изнуренными.

Зайцеловы

С первых же дней войны морской пролив Лаперуза между островами Сахалин и Хоккайдо, через который проходили наши суда из Владивостока в Магадан, был заминирован японцами. Один пароход Владивостокского торгового флота, наткнувшись в проливе на мину, взорвался и затонул. С того времени морское транспортное сообщение с Колымой прекратилось, а потому пополнения рабочей силы для приисков ждать было неоткуда. На геологоразведчиков была возложена задача: во что бы то ни стало разыскать между сопок сухопутный проход на

берег реки Алдан, откуда вскоре должно было начаться строительство автопроезда на "большую землю".

Слова "большая земля" или "материк" жителями Колымы употреблялись, конечно, в условном значении из-за того, что выезд с Колымы на территорию обжитых областей России возможен был только морским путем. Однако почтовое сообщение с Колымой, да и вообще со всем северо-востоком в зимний период все годы интенсивно поддерживалось с помощью оленетранспорта от города Якутска до поселка Зырянка и далее во многих направлениях. По рекам и речушкам были проторены нартовые дороги, по которым на расстоянии двадцати пяти километров один от другого находились почтовые станки (станции), в которых жили каюры — либо якуты, либо тунгусы, быстро переправлявшие почту на оленьих упряжках. Вместе с почтой они доставляли из Якутска для промысловиков-охотников порох, капсюли, ружья, пули, дробь и прочее. В обратную же сторону, в Якутск, увозили отгруженную из факторий пушнину.

Геологоразведчикам удалось в кратчайший срок отыскать между сплошными сопками нужный проход на Алдан к якутскому поселку Хандыга. Они расставили вешки и сделали засеки по тем местам, через которые запроектировали проведение автопроезда от Колымской автодороги. Отсыпка автопроезда должна была начаться с обоих концов, и прежде всего со стороны основной Магаданской автотрассы, начиная ответвление близ поселка Кадыкчан. Навстречу должны были идти дорожники со стороны Хандыги, расположенной на правом берегу реки Алдан. По всей протяженности будущий автопроезд, начиная от Кадыкчана, был разделен на пять дорожно-строительных участков: Энтыгейский, Оймяконский, Кюбюминский, Хандыгский и Алданский.

Поздней осенью 1941 года в Хандыгу с верховий реки Алдан в закрытых баржах был привезен этап заключен-

ных численностью пять тысяч человек. Прибывшие в большинстве своем были из Комсомольска-на-Амуре.

При начале войны этапникам, находившимся в пересыльных концлагерях, был установлен хлебный паек в пятьсот двадцать пять грамм, тогда как в предвоенные годы норма выдачи была по килограмму, но и та норма тогда была недостаточной. По этой причине в конце этапного пути у заключенных оставались лишь кости, обтянутые кожей. За три месяца этапирования им ни разу не предоставили возможности помыться в бане, прожарить белье и верхнюю одежду, поэтому у них завелась тьма-тьмущая вшей. И только по прибытии в Хандыгский пересыльный лагерь им в бане провели тщательную санитарную обработку, затем выдали зимнее обмундирование и, сгруппировав, повели по временному зимнему пути, проторенному трактором, к местам, намеченным для построения дорожных прорабств.

На земле уже лежал полуметровый слой снега. Этапируемые, поздно вечером дойдя до цели, надеялись обрести там какое-то жилье или пристанище... Но увы! Там было пустое место, и только на снегу лежал заранее привезенный на лошади кухонный котел да несколько мешков с крупой. Так начался для вновь прибывших страдальческий, горше прежнего, образ жизни под открытым небом среди снегов.

При наступлении дня всем было велено носить из леса, срубая где найдут, толстые жерди и строить высокий забор (зону) со сторожевыми вышками. Гвозди и плотницкий инструмент утром привезли на санях. Проработав весь день, ночью спали, сидя возле костров. После огораживания зоны начали строить карцер, потом приступили к постройке пекарни. Окантованные в лесу плотниками бревна притаскивали к месту стройки волоком. По завершении этой постройки стали делать помещение для военизированной охраны, потом — стационар и уже в последнюю очередь, в ноябре, начали постройку жилых барачков.

В декабре из Москвы поступило распоряжение о крайнем сокращении нормы питания для заключенных, и вскоре после этого душегубного повеления началась массовая гибель людей от истощения. Рабочие стали умирать целыми бригадами, а тут еще резко понизилась температура.

На метеорологической станции в поселке Оймякон термометр показал минус семьдесят три градуса — это было своего рода стихийное бедствие. Над поверхностью земли нависла пелена сплошного тумана, невозможно было различить предметы, находившиеся на расстоянии двух метров, трактор среди дня ходил с зажженными фарами. Люди, выходя на улицу, чтобы не обморозиться, надевали на свои лица маски, сшитые из суконной ткани, в которых были прорезаны три небольших отверстия: два перед глазами и одно над ртом. При такой низкой температуре замерла вся жизнь: в лесах не осталось ни единой птички, реки промерзли до дна, родниковая вода, выходящая кое-где из-под сопки, разливалась по межгорным долинам, образуя обширные многокилометровые наледи.

А в концлагерях повсюду воцарился ужас смерти от чрезмерного истощения. Умерших невозможно стало хоронить по причине лютого мороза, ими заполнили до отказа все мертвецкие. Из-за неимения иных помещений мертвецов стали штабелями складывать снаружи, у стен стационаров, накрывая сверху обрывками брезента. Многие лагерники, что выходили из барачков на рытье могил, после зимы оказались с ампутированными большими пальцами на ногах, потому что были обуты очень плохо. Человек, лишившись опорного пальца, уже не мог бегать, да и ходил-то все время ковыляя.

Так из привезенного осенью в Хандыгу пятитысячного этапа заключенных в зимние месяцы 1941/42 года умерло две тысячи триста человек.

Но ведь можно было бы по другому решить вопрос продовольственного снабжения и не морить голодом людей,

тем более, что Алданский участок предоставлял для этого большие возможности. Но эти возможности не использовались по своему неразумию приставленные к начальствованию над заключенными бездарные и жестокие люди.

Дело в том, что от реки Алдан и до начинающегося с северной стороны сплошного массива сопки тянулась болотистая равнина протяженностью около ста километров, по которой начинали строиться запланированный автопроезд и восемь дорожных прорабств с жилыми помещениями для рабочих. В этой долине водилось множество зайцев. По широким тропам, натоптанным ими повсюду, люди ходили, не проваливаясь, как по торной дороге. Еще осенью во всех дорожных прорабствах солдаты военизированной охраны, сделав петли из стальной проволоки, расставляли их вдоль этих троп, и каждую ночь в них попадалось много зайцев. И если бы начальники строительства автопроезда были благоразумными и сознательными людьми, то они допустили бы соответствующую уступку и разрешили бы выпускать из зоны на каждом прорабстве по пять, а то и по десять человек ставить петли. Лагерные кухни были бы снабжены этими местными продуктами питания, и народ был бы спасен от ужасной дистрофии. Но начальствующим дельцам подобное мероприятие представлялось какой-то преступной безалаберностью, они не могли по собственной инициативе снять с основной работы по несколько человек на каждом прорабстве. И так, хотя или нехотя, но они остались безучастными в деле спасения вверенного им народа от смерти. И когда люди стали умирать целыми бригадами, они об этом ничуть не пожалели, уповав на то, что в стране имеются неисчислимы резервы дармовой рабочей силы.

Позднее, когда началась весна, растаял снег и бригады стали работать на отсыпке автопроезда, рабочие увидели с высоты сделанной насыпи, что рядом, в лесу между де-

ревьями, прыгает множество зайцев. Они были еще белыми, и поэтому их далеко было видно.

На другой день два человека из бригады принесли из зоны обрывок стального троса, оставшегося еще с осени, когда городили забор, расплели его и сделали несколько петель. Перед концом рабочего дня они отпросились у конвоира в лес, чтобы прикрутить эти петли к деревьям. Затем они расставили петли в нескольких местах над заячьими дорожками. Ночью в петли попалось пять зайцев. Бригадир, освободил зайцеловов от работы и сказал:

— Наделайте как можно больше петель и расставьте их везде по лесу.

В течение дня они, расплетая трос, изготовили из него еще пятьдесят петель и расставили петли повсюду. За ночь в них попалось тринадцать зайцев. Ободрав, промыв и зарубив зайцев, они разожгли костер, взяли у рабочих котелки (каждый лагерник имел собственный трехлитровый котелок, сделанный из консервной банки) и сварили пойманных зайцев, изготовив для всей бригады сытный обед.

И так стали делать ежедневно на каждом прорабстве. Во всех бригадах были выделены зайцеловы, которых содержали за счет рабочих бригад, они каждое утро проверяли расставленные ими петли, приносили пойманных зайцев, готовили обед, а потом работали вместе со всеми на отсыпке автопроезда. Так длилось всю весну, лето и осень, пока полностью не закончились дорожно-строительные работы на всем Алданском участке. Благодаря этой находчивости весь рабочий народ, находившийся на отсыпке автопроезда со стороны Хандыги, нормально питался.

А вот со стороны Кадыкчана, на ответвлении от основной Колымской автотрассы, по всему Энтыгейскому дорожно-строительному участку повторялась та же история, что и на приисках: изнуренному народу не предоставили возможности собраться с силами из-за скудного питания.

Спектакль для американца

Критическое положение, создавшееся из-за крупных поражений на фронте, оскудение материальной базы тыла и недостаток в новейшей военной технике — все это заставило Москву обратиться к президенту Соединенных Штатов Америки Рузвельту. Сталин просил его оказать продовольственную помощь северо-восточным областям страны, и особенно населению золотомойных приисков Колымы, которое из-за военных действий в Японском море осталось не обеспечено материально-продуктовыми запасами. В ответ на эту просьбу президент Рузвельт сделал Сталину довольно странное предложение, понуждая его сдать Колыму Соединенным Штатам в аренду на пять лет, за что обещал прежде всего провести шоссейную дорогу от Берингова пролива до города Иркутска. Далее следовало условие, чтобы в период аренды на приисках работал советский народ. И какой бы он там ни был — заключенные или вольнонаемные, Америка обязывалась всем одинаково платить, одинаково снабжать продуктами питания, одеждой, обувью, техническими материалами и всем прочим. За сдачу Колымы в аренду президент обязывался удовлетворить все наши запросы, имея в виду, конечно, обеспечение военным снаряжением, и в заключение предусматривалось, что после окончания срока аренды Америка оставляла на Колыме всю свою золотомойную технику.

Сталин призвал консультантов, сведущих в золотодобывающем деле и изложил им суть предложения президента Рузвельта. Они ответили: "Если только мы отдадим американцам в аренду Колыму, то они через пять лет при помощи своей техники вымоют там все золото и после этого оставят нам на приисках одни филевые свалки и в придачу к ним подарят всю свою золотомойную технику, которая теперь без дела находится у них на Аляске потому, что там

нет уже золотосодержащих песков. А после пяти лет аренды она будет без дела лежать и ржаветь у нас на Колыме”.

При очередных переговорах с президентом Сталин сообщил: “Мы признали более целесообразным для интересов государства уплатить вам в будущем за ваши поставки в долг золотой валютой, нежели сдавать Колыму в аренду, ибо у нас на Колымских приисках имеется богатое содержание золотых россыпей”. Президент Рузвельт запросил, есть ли на Колыме аэродром, который смог бы принять тяжелый военный самолет, и объяснил: “Мы намерены откомандировать к вам своего министра торговли для переговоров по данному поводу непосредственно на месте”.

Рузвельт, не доверяя нашим заверениям относительно богатства золотых недр Колымы, захотел удостовериться в действительном положении вещей через свое доверенное лицо, чтобы не попасть впросак при поставке материальных ценностей в долг. Он не особенно был уверен в том, что Советский Союз сможет в будущем оплатить свою задолженность.

В Москву из Магадана доложили, что местный аэродром подобный самолет принять не сможет, но его можно направить в поселок Сеймчан, и сообщили координаты сеймчанского аэродрома, расположенного более чем в шестистах километрах от Магадана.

Из Москвы Никишову в те же сутки спешно передали обширную инструкцию по поводу будущей встречи вице-президента Соединенных Штатов товарища Уоллеса — американца, человека, разделявшего советские идеи. От Никишова требовалось, чтобы он со своими сотрудниками использовал любые представившиеся возможности, дабы вызвать сочувствие, благосклонность и расположение этого высокопоставленного зарубежного представителя. Никишову также предлагалось скрыть нищету и убожество, царящие в концлагерях и особенно среди приисковых ра-

бочих. Доверенному лицу американского президента также требовалось продемонстрировать все богатство якобы неисчерпаемых золотых россыпей на Колымских приисках, чтобы Америка не скупилась на свои поставки в долг. Это была нелегкая задача.

После срочного заседания из города Магадана понеслось по селектору распоряжение Никишова начальникам концлагерей: “Немедленно убрать все сторожевые вышки, повалить и разобрать заборы всех концлагерей, снять кончюю проволоку и смотать ее в клубки. Разобрать все помещения сторожевых вахт и карцеров. После разборки весь строительный материал унести на большое расстояние от разрушенных зон и сложить штабелями наподобие запаса дров. Внутренность жилых бараков привести в надлежащий вид: выбросить из них сплошные верхние нары, а оставшийся нижний настил нар переделать, придав им вид одиночных коек со свободными проходами возле каждой из них. Выскоблить и вымыть добела все столы, полы и предметы барачного обихода. Всех исхудавших заключенных этапировать далеко в глубь сопок. Всех людей, освободившихся из концлагеря по окончании срока заключения и имеющих истощенные бледные лица и оборванный или неопрятный внешний вид, изолировать от общества граждан в тюрьму. Всех солдат военизированной охраны переодеть в гражданскую одежду и заставить работать на приисковых полигонах вместо этапированных заключенных...”

После получения начальственного распоряжения враз всколыхнулось все несметное полчище заключенных, военных и гражданских людей. Рушились и разбирались лагерные зоны, приводились в порядок бараки, в которых устраивались односпальные топчаны. Столы, полы и прочие деревянные предметы, находящиеся в бараках, выскобливались и даже выстрагивались скобелями и рубанками. Жены приисковых и конторских начальников вешали на

оконца и двери барачных шторочки, столы накрывали белым материалом под вид скатертей. На каждое колючее устройство были положены матрацки, набитые сеном, вместе с подушечными наволочками, поверх разостланы простыни и суконные одеяла. Всех лагерников, бывших прежде обитателями этих барачных, увели на пять километров в сопки, и там они находились под открытым небом в течение многих дней, скрытые от взора ожидаемого американского посетителя.

В самом Магадане милиция оцепила рынок и всех оборванцев и исхудавших людей изолировала в тюрьму. Вследствие этой предусмотрительности все камеры тюрьмы, коридор и тюремный двор были переполнены до отказа временно задержанными. То же самое происходило и по всем поселкам во всех четырех горнопромышленных управлениях.

Вместо уведенных в сопки исхудавших приисковых тружеников на полигонах временно стали работать заключенные, не утратившие нормального среднеупитанного вида, в основном из лагерного штата: канцелярские служащие, сапожники, портные, бригадиры, банно-прачечная обслуга, санитары и лекпомы. Вывели на полигон, заставив работать, и паразитирующую клику шарлатанов всех мастей и рангов, прежде тунеядствовавших за счет приисковых тружеников. Вместе с заключенными стали работать и солдаты воензированной охраны, переодетые в гражданскую одежду. Приехал откомандированный из Магадана целый отряд военнослужащих, также переодетых. Наконец, примчался на легковых автомашинах весь главк управления Дальстроем под начальством Никишова — человек двадцать. Никишов, прежде носивший генеральский китель и брюки с широкими красными лампасами, тут же, как хамелеон, преобразился, надев гражданский костюм обыкновенного человека с шелковой сорочкой и галстуком, а на голову — шляпу. Также и

прочие его сотрудники облеклись в штатскую одежду. Служителей зла устало это неожиданное известие о скором появлении на территории Колымы в самых отдаленных концлагерях постороннего человека, могущего стать свидетелем всех тех ужасов, которые они в течение многих лет так тщательно утаивали от всего мира.

На другой день на сеймчанском аэродроме совершил посадку тяжелый военный самолет "летающая крепость", из которого спустился на землю интеллигентного вида человек, внешне очень похожий на встречающих его переодетых генералов. Позади шел сопровождавший его переводчик. Никишов, подойдя к прилетевшему посланцу, низко поклонился и сказал:

— Имею честь вам представиться: директор Дальстроя Никишов.

Переводчик перевел. Уоллес, улыбнувшись, также поклонился в ответ, представился и протянул Никишову руку для рукопожатия, а потом поочередно и всей находившейся при нем свите.

После взаимных приветствий Уоллес, окинув взглядом собравшихся, сказал:

— Господин директор и все присутствующие, прежде всего должен сказать, что меня прислал к вам господин президент Рузвельт для обсуждения с вами многих деловых вопросов обширного торгового характера, которые, разумеется, должны решаться непосредственно на месте при ознакомлении с существующими обстоятельствами и выяснении тех или иных преткновений, которые, надеюсь, будут устранены в ходе наших переговоров, после чего представится возможность к достижению согласованных действий при торговых взаимоотношениях наших государств на взаимовыгодной основе. Я имею поручение от господина президента побывать на ваших приисках, хоть, может быть, и не на всех, но постараюсь все-таки обозреть

большую часть из них, чтобы составить собственное суждение по интересующим господина президента вопросам, на решение которых в данном случае он уполномочил меня. Сам же лично я желал бы ознакомиться с бытом ваших людей, проживающих на этой окраине абсолютно неведомой мне до сего дня области северного материка с его особыми климатическими условиями. И сейчас хотел бы пройтись с вами по этому поселку, который увидел издали через иллюминатор с борта своего самолета и где наконец очутился после многочасового перелета из-за океана.

Взяв под руку Никишова, он попросил увезти его в увиденный им поселок. Они подошли к легковой автомашине и сели на заднее сидение. Шофер повез их в поселок Сеймчан. Следом ехали на легковых автомашинах и все сотрудники Никишова. Выйдя из автомашины, Уоллес опять взял Никишова под руку и вместе с ним пошел по поселку в окружении сопровождающей их свиты, беседуя со всеми через идущего рядом переводчика. Больше всего, конечно, он говорил с Никишовым, задавая интересующие его вопросы, возникавшие при обозрении деревянных домов поселка, в большинстве своем барачного типа. Подойдя к одному дому с вывеской и несколько выдававшемуся из строя прочих построек, Никишов, обратясь к Уоллесу, предложил:

— Зайдем в это помещение, здесь находится поселковый магазин.

Уоллес кивнул головой в знак согласия, и они вошли в магазин, в окна которого прежде находились крепкие железные решетки, но перед прилетом американца спешно выброшенные вон. В магазине были оба отдела: продуктовый и промтоварный. Уоллес внимательно осмотрел висевшие на вешалках швейные изделия: две или три мужские цигейковые полудухи, несколько мужских костюмов, два дамских пальто с воротниками из черно-бурых лисиц, несколько шелковых женских платьев и мужских шелковых сорочек,

галстуки, две-три каракулевые шапки, несколько пар фетровых валенок. Он смотрел на эту бутафорию глазами простодушного человека, всему верящего и все принимающего за чистую монету, не подозревая наглой лжи и обмана, заключавшихся в том, что все эти вещи были принесены в магазин из домов начальников и некоторых конторских служащих.

В то время, когда Уоллес с сопровождавшей его свитой зашел в магазин, там находились три женщины, покупавшие продукты. Одной из них продавец на глазах иностранца завернул в бумажную обертку огромный кусок сливочного масла, другой дал большую буханку хлеба, а третьей насыпал в кулек килограмма три или четыре сахара. Уоллес, видя это, спросил у одной из покупательниц через переводчика:

— А что, у вас продукты продаются без нормы?

Женщина, растерявшись от неожиданности, ответила:

— Да, без нормы.

Тогда он с сомнением спросил, обратясь к Никишову:

— А как же тогда вы говорите, что у вас все нормировано?

За Никишова быстро ответил продавец:

— Нет-нет, все по норме, но только у нас большие нормы.

Здесь шельмецы по неподготовленности женщины попались было впросак, но все-таки сумели ловко вывернуться из затруднительного положения. Однако после этого конфуза женщины поспешно ушли, но, когда Уоллес со свитой вышел из магазина, они вернулись и возвратили продавцу все полученные ими продукты. И эту наглую инсценировку заставили разыграть людей, которые коротали свои дни на полуголодном ежемесячном рационе, и трепеща от одного взгляда этих народных начальников, изобретателей лжи и обмана, говорили и делали все то, к чему их принуждали.

Продолжая свою прогулку по поселку, Уоллес со свитой приблизился к довольно большому длинному помещению барачного типа. Никишов снова спросил:

— Не желаете ли познакомиться с бытом наших рабочих?

Гость оживленно ответил:

— Да, да!

Тогда они всей компанией зашли в это здание с длинным коридором посередине, в который выходили двери квартир. Но на всех дверях, за исключением двух, висели замки. Никишов пояснил, что все жильцы находятся на работе, затем сказал:

— Зайдемте хотя бы вот в эту не замкнутую квартиру, — и деликатно постучал в дверь.

Из квартиры выглянула хозяйка и, увидев необыкновенную группу людей, которых она ожидала с утра, распахнула дверь настежь, промолвив:

— Добро пожаловать!

Вся компания зашла внутрь. Уоллес улыбнулся, взглянув на шикарное убранство квартиры, состоявшей из двух комнат. Посреди первой комнаты стоял массивный стол, сделанный из дорогостоящего ясеневоего дерева, накрытый бархатной скатертью, окаймленной часто привешенными кисточками, возле стен стояли мягкие стулья, сделанные из такого же дерева. На стенах были навешены красивые персидские ковры, пол застлан набивными дорожками половиков, на окнах висели тюлевые шторы. Косяки окон были оклеены шпалерной бумагой, прикрывавшей пробоины от гвоздей, которыми несколько дней назад закреплялись находившиеся в окнах железные решетки. Во второй комнате пол был также застлан половиками, по стенам тоже навешены персидские ковры, в углу стояло фортепиано, чуть поодаль — шифоньер, и возле его находился застекленный буфет с виднеющейся в нем посудой, около другой стены стоял просторный диван под белым чехлом.

Уоллес задал хозяйке квартиры вопрос, которого никто из присутствовавших не ожидал:

— Кем работает ваш муж?

Она ответила:

— Автослесарем в гараже автобазы.

— Какой же месячный оклад он получает?

— Тысячу рублей, — сконфуженно ответила женщина, но Уоллес, видимо, не заметил на ее лице смущения. Он, по всей вероятности, полагал, что на золотомойной Колыме оплата труда производится золотой валютой или бонами, заключая по убранству этой квартиры. Сопоставление этой цифры с американской валютой составляло примерно тысячу триста долларов, что по их меркам представлялось значительной суммой. И остался вполне удовлетворен ответом хозяйки.

Ему неведомо было, что по нашему счету при бесконечной инфляции это была нищенская сумма. К тому же бухгалтерия из этой суммы отчисляла подоходный и военный налоги и налог за бездетность или малосемейность. Так что труженику выдавалось из кассы только семьсот рублей, из которых вычиталась оплата за коммунальные услуги, что составляло более ста рублей. Чтобы выкупить в магазине на две продуктовые и две хлебные карточки (рабочую и иждивенческую) продовольственный паек, который выдавался на полугодное месячное существование, нужно было потратить четыреста рублей, и в результате выявлялся упрямый факт, что автослесарь на свою заработную плату едва-едва мог содержать жену, не упоминая уже о семье. И это на Дальнем Севере, где шла удвоенная оплата труда по сравнению со средней климатической зоной!

Побыв в квартире с полчаса, вся компания вышла в коридор. Уоллес направился было к выходу, но Никишов, приостановив его, предложил:

— Зайдем еще и в эту квартиру, — и указал рукой на дверь, где не было замка и в которую вежливо постучался.

Дверь приоткрылась, из квартиры выглянула женщина. Никишов спросил:

— Не позволите ли нам войти в вашу квартиру?

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответила хозяйка и растворила дверь — все вошли внутрь.

Там тоже было две комнаты и такое же убранство, как и в первой квартире. Так же был покрыт пол половиками, посреди первой комнаты стоял массивный стол, накрытый красивой скатертью, возле стен стояли мягкие стулья, над ними развешены персидские ковры. В другой комнате около одной стены стояла двуспальная кровать, застланная голубым шелковым одеялом в белоснежном пододеяльнике, на котором лежала горка больших подушек. Над кроватью висел большой портрет Сталина в массивном обрамлении, на окнах висели тюлевые шторы, косяки окон тоже были оклеены шпалерной бумагой.

Уоллес и здесь полюбопытствовал у хозяйки, кем работает ее муж? Она ответила:

— Трактористом.

— Сколько получает?

— Тысячу сто — тысячу двести, в зависимости от выполнения нормы, — и пояснила, что у него сдельная оплата труда.

Побыв там несколько минут, посетители направились к выходу и продолжили свою прогулку по улице.

Вскоре, чтобы не напороться на нежелательные встречи и разговоры, Никишов предложил Уоллесу отправиться на прииск.

Отряд военнослужащих, заранее прибывших из Магадана и переодетых в рабочую одежду, быстро разделился на две группы и, пока Никишов водил гостя по поселку, разъехался по двум приискам, на которые в первую очередь должны были привезти американца.

Когда Уоллес со свитой уехал из поселка, к тем квартирам, куда они заходили, немедленно подъехали три кузов-

ные автомашины с рабочими, которые стали выносить из комнат всю находившуюся там шикарную бутафорию, оставляя там лишь голые полы и стены с пробоинами от гвоздей. Всю эту бутафорию увезли в поселок Ягодный, куда для обозрения приисков Северного горнопромышленного управления Никишов должен был привезти Уоллеса. Но в пути следования, когда машины выехали на основную Колымскую трассу, через оперативный пост, который они проезжали, шоферам велели всю поклажу везти в Магадан и возвратиться туда, откуда она была получена. А вместо нее получить новый набор бутафории с иным видом мебели и иной расцветкой и уже ее везти в Ягодный.

Вечером пришедшие с работы мужья тех женщин, которые встречали в своих квартирах Уоллеса и разыгрывали перед ним спектакль, изображавший богатое убранство жилищ вольнонаемных колымских тружеников, со сквернословием стали стаскивать с чердаков запрятанную туда голодранческую мебель, состоявшую из столов, сделанных на крестовинах вместо ножек, на таких же крестовинах устроенные деревянные топчаны с множеством клопов во всех щелях, скамейки с впиленными с боковин ножками, табуретки, со всех сторон скрепленные дощатыми распорками и сбитые гвоздями. Все это они заносили в свои опустевшие комнаты и расставляли на тех местах, где недавно стояла шикарная мебель.

Приехав на прииск, Уоллес сразу обратил внимание на множество работавших людей. В основном там были мужчины, но между ними виднелись и женщины в рабочей одежде, насыпавшие лопатами грунт в тачки, который по трапам отвозили мужчины и высыпали в бункер. Женщины эти, взявшие в руки лопаты, были женами приисковых начальников и конторских служащих и в эти часы разыгрывали перед американцем роль золотомойщиц. Уоллес спросил Никишова:

— Что это за люди: заключенные или вольнонаемные?

Никишов с деланным возмущением ответил:

— Что вы, что вы, заключенных у нас на Колымских приисках вообще нет, это завербованные рабочие, приехавшие сюда еще до начала войны и так здесь и оставшиеся.

Затем он махнул рукой скрейберщику, находившемуся на высоком помосте, тот выключил мотор, и скрейбер остановился, вместе с ним остановилась и вся работа прииска. Никишов с Уоллесом по лестничному устройству поднялись на водосточную площадку, где пролегал подскрейберный золотоудерживающий желоб. Вслед за ними туда же поднялись начальник прииска, маркшейдер, горный мастер и четверо золотосъемщиков с огромной бадьей, сделанной из железной бочки, перепиленной пополам, и стали производить съемку намытого золота.

За семь дней до этого Никишовым было дано распоряжение всем начальникам приисков по всем горнопромышленным управлениям Колымы, чтобы все золото после съемки не подвергалось никакой обработке и хранилось в золотых кассах в естественном виде до определенного времени. И вот в тот день перед прибытием Уоллеса на прииск оно из золотой кассы было принесено на полигон и ссыпано в золотоудерживающий желоб. Золотосъемщики стали вынимать из желоба суконные полотнища с россыпью золота, бывшего либо в больших, либо в малых самородках или еле заметных золотых значках, сгребая все это в принесенную бадью. Во время съемки Уоллес взял из бадьи один довольно большой самородок и стал его пристально рассматривать, а потом спросил у Никишова:

— Почему же оно не имеет блеска?

— Потому что оно не подвергалось еще должной обработке с переплавкой, — ответил Никишов и, взяв самородок, разрезал его ножом. В месте разреза обнаружился его истинно золотой цвет. Потом взял второй самородок и тоже разрезал ножом, и тот обнаружил свой золотой блеск.

Уоллес после произведенной пробы заулыбался.

По окончании золотосъемки Никишов с гостем спустились вниз, за ними стащили на землю и бадью с золотом. Четверо рабочих проделали в дужку бадьи толстый рычаг и, подняв ее с большим усилием на свои плечи, понесли в золотую кассу. От такого изобильного съема золота Уоллес, судя по выражению его лица, остался под большим впечатлением. Никишов сказал:

— В этой бадье будет около ста килограмм чистого золота после его окончательной обработки с переплавкой. И это намыв дневной смены. Примерно столько же намыют и ночью.

В данном случае, конечно, это был наглый обман, но... было время, когда действительно такое количество золота снималось почти с каждого скрейбера за одну смену, а потому во избежание утечки золота в филевые выбросы съемка производилась по четыре раза в сутки: в полдень, вечером, в полночь и утром. Но, увы, все оно спроважено было и тогда, и после за границу — в эту распроклятую бездонную прорву — на нужды иностранных революций и на “бескорыстную” помощь некоторым странам. Так в результате безотчетного растратничества этих несметных золотых сокровищ наши люди вместо прироста общенародного капитала при былых чудовищных намывах золота на приисках Колымы остались с астрономической цифрой государственных долгов, легших тяжелым бременем на плечи трудового народа по вине преступной клики государственных растратчиков.

Сойдя со скрейберного помоста, Уоллес изъявил желание побывать в рабочем поселочке, видневшемся невдалеке и состоявшем из нескольких бараков и таежного вида временных жилых помещений. Никишов услужливо открыл дверцу автомашины, и шофер привез их в переоборудованный концлагерь. Американец побывал там

почти в каждом помещении, видя чистоту и опрятность убранства каждого из этих жилищ, где, как ему думалось, располагались приисковые труженики, которых он во множестве встретил на полигоне. Побывал он и на кухне, где варилась пища с вкусным запахом. Заглянул и на пекарню, стоявшую несколько в стороне от поселочка. Походив еще немного по окружающей территории, он поехал на соседний прииск, находившийся в двадцати пяти километрах от этого.

Там Уоллес увидел аналогичную картину: множество оживленно бегающих с тачками по трапам приисковых тружеников, громыхающий скрейбер, длинный золотоудерживающий желоб с его беспрерывным водостоком... Никишов, как и на первом прииске, приостановил весь ход золотопромывки, и при них началась съемка золота, намытого за день. Его оказалось столь же много, как и на предыдущем прииске.

Пробыв на этом месте не более часа, Уоллес изъявил желание поехать на третий прииск. И когда его повезли туда, то все военнослужащие, изображавшие бригаду приисковых рабочих, погрузились в кузова грузовых автомашин и помчались на четвертый прииск.

Прибыв на третий прииск, Уоллес глянул на свои часы, поставленные по нью-йоркскому часовому поясу, и сбился во времени, но ничего не сказал об этом Никишову. Он предполагал провести ночь в своей "летающей крепости", но Никишов после окончания съемки золота посадил его опять в свою автомашину, и они со свитой помчались в Сеймчан.

Поздним вечером, забыв о том, что на Крайнем Севере в тот период стоят белые полярные ночи, Уоллес чувствовал себя как днем. Шофер привез их к обширному норвежского типа деревянному дому дирекции. Никишов, взяв гостя под руку, повел его в салон-ресторан этого красиво-

го здания, богато убранного и обставленного мягкими креслами, предназначенного для приема высокого начальства. Вслед за ними прошла туда и вся сопутствовавшая свита. И начался банкет с приглашением тостов в честь высокого представителя Соединенных Штатов господина Уоллеса и его переводчика, занимавшего тоже некий пост в одном из государственных департаментов. Банкет затянулся далеко за полночь, и по окончании его Уоллеса, сильно захмелевшего, увели в шикарно убранную комнату-спальню с занавешенными окнами, и там он после многочисленных впечатлений уснул уже в начинавшиеся часы раннего колымского утра.

А к его "летающей крепости", вскоре после того, как он уехал со свитой в поселок, подъехала грузовая автомашина со штабелем всякого формата ящиков: широких и узких, высоких и низких, больших и маленьких, содержащих в себе весьма богатый ассортимент всяких вин и съестных снадобий. Из кузова выпрыгнули три человека, один из которых был переодетым военным в чине старшего лейтенанта, знавшим английский язык. Он громко обратился к летчикам:

— Давайте, друзья, поднимем бокалы в честь нашего дорогого гостя господина Уоллеса!

Летчики, мгновенно вникнув в смысл его слов, весело рассмеялись, не догадываясь о причине столь неожиданного визита.

После того, как все привезенное было занесено в самолет, туда поднялись и трое приехавших, и началось распечатывание и опоражнивание бутылок, раскрытие банок с мясными и рыбными консервами, разрезание балыков, изготовленных из лучших пород лососевых рыб и раскладывание по тарелкам кетовой икры. Это затянулось на долгие часы. Летчики опьянели до бесчувствия и свалились, а трое наших забулдыг спустились на землю и, шатаясь из стороны в сторону, ушли в поселок. Им было поручено ответст-

венное задание: напоить летчиков до такого состояния, чтобы они не проявили желаний прогуляться в поселок.

На другой день, когда протрезвевшие летчики сидели на площадке передвижной лестницы, приставленной к дверце самолета, к ним опять поднялись трое вчерашних собутыльников, и все началось сызнава мало-помалу: сперва опохмелка, а потом и захмеление до крайнего опьянения со сваливанием с ног. И так это продолжалось все дни, пока Уоллес находился на Колыме.

Проснувшись в отведенной ему спальне довольно поздно, Уоллес вышел в салон-ресторан. Там в полном сборе сидела ожидавшая его свита во главе с Никишовым. Он, несколько смутившись, заторопился с умыванием, одеванием и бритьем, приводя себя в надлежащий вид. После общей легкой опохмелки турне продолжилось. На каждом очередном прииске Уоллес после посещения скрейбера и съемки намытого за день золота обязательно заезжал в рабочий поселочек, где изучал условия быта приисковых рабочих. Так это продолжалось в течение семи дней, пока он не объехал все прииски этого горнопромышленного управления, после чего Никишов повез гостя в поселок Ягодный.

Прибыв туда, Никишов в первую очередь предложил прогуляться по улице этого поселка, желая опять показать американцу бутафорное убранство квартир вольнонаемных рабочих, но Уоллес с извинениями отказался от прогулки, сказав, что его более всего интересуют прииски, ради чего он, выполняя поручение президента Рузвельта, и приехал на Колыму.

Никишов сразу же повез его на прииски Северного горнопромышленного управления. Переодетые в гражданскую одежду военнослужащие, работавшие напоказ на приисках Северо-Западного управления, теперь всем отрядом приехали и в Северное, чтобы и там изображать вольнонаемных тружеников.

Затем гости и хозяева перебрались в Западное горнопромышленное управление. Уоллес уже начинал тяготиться своей далекой северной командировкой.

При обозрении одного из самых больших приисков, Мальдяка, находившегося в Чайурьинской долине, Никишов вознамерился разыграть новую инсценировку, для которой из Магадана в Сусуман был спешно вызван премьер драматического театра со своим коллегой по сцене. Оба этих артиста были заключенными. Как только они приехали на прииск, Никишов обратился к Уоллесу:

— Не желаете ли поприсутствовать на общем собрании приисковых рабочих, которое должно состояться сегодня в конце рабочего дня по случаю окончания первой половины промывочного сезона?

Уоллес заинтересованно откликнулся:

— Да-да, непременно!

Вечером в обширном бараке собрался весь коллектив прииска, состоявший из переодетого в гражданскую одежду магаданского отряда военнослужащих, упреждавшего повсюду американского гостя. Все расселись по стоявшим в бараке койкам, сели на одну из таких коек, поближе к столу докладчика, и Уоллес с Никишовым.

Вышедший для выступления с приготовленной заранее речью магаданский артист, окинув взором собравшихся, стал с воодушевлением говорить:

— Товарищи, закончилась первая половина промывочного сезона, но наши успехи по намывам золота весьма неутешительны, ибо данный нам Москвой план остался несколько невыполненным. Нам нужно напрячь свои усилия и без малейшей поблажки по отношению к себе трудиться, трудиться и трудиться, помня, что от наших подвигов на трудовом фронте будут зависеть успехи на войне с коварным врагом, вероломно напавшим на нашу родину — это первое в мире пролетарское государство рабочих и кре-

стьян, где управляет делами страны сам народ. Наша страна — это одна великая семья, один сплоченный коллектив с единством воли при нерушимой дружбе народов. Коварный враг, втянувший нас в войну, приостановил этим интенсивное движение нашего народа по пути к коммунизму, которое так успешно совершалось в прежние мирные предвоенные годы под руководством коммунистической партии, вооруженной гениальным учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Наш народ за весь период Советской власти при всем своем победоносном социалистическом строительстве не знал того тяжкого ига эксплуатации человека человеком и всех тех несправедливостей, что творятся в капиталистических странах на всех кабальных работах у предпринимателей при нищенской оплате труда. В предвоенные годы в нашем социалистическом государстве был полностью открыт безграничный простор для развития производственных сил и были созданы все условия для полного расцвета человеческой личности, но враг своим нападением отвлек нашу кипучую энергию от грандиозного завершения всеобщих социалистическихстроек. Товарищи, мы не должны поддаваться унынию или растерянности в своей трудовой деятельности, слыша о некоторых успехах врага на фронте. Наш вклад в общую сокровищницу страны — это труд, труд и труд. Государству нужно золото, за которое будет покупаться в дружественных странах новейшая военная техника, с помощью которой решится исход войны.

Уоллес внимательно слушал все, что ему переводил вполголоса переводчик, не сводя взора с докладчика, и потом спросил у Никишова:

— Кто он, этот человек?

Никишов ответил:

— Горный мастер.

А горный мастер как раз сидел сзади них и слушал этого постороннего человека, выступавшего с речью под его

именем. Докладчик продолжал убежденно говорить, пытаясь довести до сознания каждого свои слова, сопровождая их драматическими жестами:

— Товарищи, мы победим, мы непременно победим! Враг будет разгромлен! И тогда вся наша великая страна снова пойдет по прежней колее, устремляя свое движение к единой цели, а цель эта — коммунизм, к которому влекутся все советские люди, ибо у нас нет иного пути, кроме этого. У всего нашего советского народа нет увлекательнее бесед, чем рассуждения о коммунизме, этой высшей форме социального бытия. У него нет радостнее надежды, как только на это недалекое будущее, которое предопределено для него. На фабричных и заводских собраниях рабочих и служащих партийные агитаторы с заботливостью всевают в умы трудящихся, доводя до сознания каждого из них, понятие о неоспоримых преимуществах коллективизма над индивидуализмом, подготавливая этим народ к общественному образу жизни. И все здравомыслящие люди свободное от работы время проводят в разговорах только об эре светлых годов в нашей стране ожидаемого коммунизма, который непременно должен быть построен.

Заканчивая свой доклад, выступающий возгласил:

— Да здравствует коммунизм — заветная мечта всего прогрессивного человечества! Да здравствует наша славная Коммунистическая партия и вождь всего советского народа, инициатор и вдохновитель трудовых побед великий Сталин!

После этих слов в бараке начались бурные аплодисменты. Вместе со всеми стал аплодировать и Уоллес.

Докладчик отошел от стола, вместо него к столу подошел его коллега. Он, как и прежний оратор, стал говорить о недостаточности трудовых успехов на золотомойном полигоне, отвергая якобы имевшие место оправдания рабочих, ссылавшихся на дождливые первые месяцы золотомойного сезона, из-за чего они не могли трудиться в пол-

ную силу. Докладчик ставил всем в пример солдат на линии фронта, которые во время проливных дождей ведут ожесточенные бои с противником, подвергая свою жизнь смертельной опасности.

— Мы же, находясь вдали от полей кровопролитных военных действий, не разделяем с нашими братьями и родственниками тех тягот и опасностей войны, которые ежедневно испытывают они. Нам выпала легкая доля. От нас же требуется только одно — наш ударный труд, который приблизит день победы над врагом. Помните, что каждый килограмм намытого нами золота — это наш сокрушительный удар по врагу!

Уоллес опять, не сводя взгляда с докладчика, тихо спросил у Никишова:

— А этот кем работает на прииске?

Никишов ответил:

— Бригадиром.

Оба приисковых бригадира сидели на самой последней койке возле входной двери в барак, а обе их бригады измученных и истощенных людей находились в глубине распада сопки под открытым небом.

После собрания Никишов увез Уоллеса и его переводчика в сусуманский дом дирекции, где они в уютных спальнях комнатах провели ночь, а утром поехали в Тенькинское горнопромышленное управление, находившееся в самых верховьях Колымы и ее довольно обширного притока Кулы. Там Уоллес уже не стал разъезжать по многим приискам, как это он делал прежде. Ограничившись посещением нескольких приисков да тепловой электростанции, находившейся на речке Неруч, он заторопился с вылетом в Соединенные Штаты.

На другой день Никишов привез Уоллеса на сеймчанский аэродром, где стояла “летающая крепость”. Поднявшись в самолет, он увидел, что его летчики лежат до бесчув-

ствия пьяные. Увидел он и целый штабель разного формата ящиков, заполненных опорожненными и неопорожненными бутылками. Вырвав из своего блокнота листок бумаги, он написал на нем: “Наутро приготовьте самолет к вылету!” Положив этот листок на видном месте, он спустился на землю. Никишов увез его в дом дирекции.

Утром, подъезжая к аэродрому, вся сопровождавшая Уоллеса компания издали услышала рев моторов “летающей крепости”. Выйдя из автомашины Уоллес и переводчик распрощались со своими спутниками и взошли на площадку примкнувшей к самолету лестницы. Уоллес, сняв с головы шляпу, помахал ею оставшейся внизу свите, все замахали ему в ответ руками. Дверца самолета захлопнулась, и через минуту “летающая крепость”, промчавшись по аэродрому, поднялась в воздух, описала круг над местом, где она простояла довольно продолжительное время, взяла курс по направлению к Берингову проливу и через несколько минут скрылась из виду.

Оставшаяся на аэродроме группа людей некоторое время постояла, глядя вслед улетающему самолету, потом все расселись по машинам и уехали в Магадан. В тот же день по селектору было передано распоряжение Никишова всех заключенных, находящихся в сопках, возвратить и разместить по концлагерным баракам.

Началось спешное переоборудование бутафорских помещений обратно в бараки, настилание в них сплошных верхних и нижних нар. И вернувшиеся люди впервые за долгое время уснули по-человечески, вытянувшись во весь рост, а не так, как спали в тайге, в сидячем положении на низеньких чурбачках возле костров. На другой день стали снова огораживать высокими заборами территории всех концлагерей, натягивать колючую проволоку, устанавливать сторожевые вышки, строить вахтенные помещения и карцеры. Вновь на приисковых полигонах стали возить на бункер

тачки с грунтом исхудавшие, одетые в латаную-перелатаную одежду люди. Началось прежнее понукание и бесцеремонное погоняние в тычки для ускорения темпов работы. Опять потекли дни за днями полуголодного существования для подневольных людей при изнурительной работе.

Однако служебную командировку Уоллеса надо признать явлением из числа невероятных случайностей, происшедших по провидению свыше, поскольку этот факт оказал благотворное действие на бедствующих заключенных, томившихся в концлагерях Колымы. Это было осознано значительно позже, но все от души впоследствии благословляли это длительное пребывание американца на Колыме. Суть заключалась в том, что уведенному в сопки истощенному люду была предоставлена полная свобода без малейшего режимного ограничения. В то время появилось уже великое множество грибов и ягод, и люди с утра расходились во всех направлениях на поиски этого подножного корма. К полудню каждый набирал сколько ему было нужно луковых перьев и грибов, приносил все это к своему временному местожительству, очищал и перемывал их и начинал варить густую грибницу в своем большом котелке. Лагерный повар в примитивной кухне, состоявшей всего-навсего из одного котла, установленного на большом тагане, готовил у всех на виду обед и на виду у всех раздавал его. Здесь не было уже ни одного дармоеда, который пожирал бы предназначенное для тружеников котловое довольствие, как это делалось в зоне, ибо всех их вывели на полигон. Поэтому каждый из находившихся среди сопки полностью получал полагавшийся ему порцион пищи, содержащий вдвое больше концентратов белков, жиров и углеводов. Получив черпак сваренной пищи из общего котла, каждый выливал ее в свою грибницу, и у него получалось особого вида и вкуса варево в количестве около трех литров. Такой же огромный котелок съедался и вечером, и люди были сыты

ежедневно. К тому же в самое тяжелое сезонное время бесправные труженики были освобождены от каторжной приисковой работы и, несмотря на то что они находились в суровых климатических условиях, лица их значительно посвежели, а здоровье окрепло.

Уоллес же после своего возвращения в Соединенные Штаты стремился везде и всюду разубедить критически настроенное общественное мнение соотечественников. Как глашатай правды, он обрушивался на прежние информационные сообщения американских газет, изобличая их во лжи и клевете относительно изображенного ими положения дел на Колыме, будто бы там томятся в концлагерях на тяжелых изнурительных работах многотысячные армии заключенных, размещенных по золотомойным приискам и ежедневно сотнями умирающих от недоедания и кабальных трудов. Его беседы и высказывания, как известного всем государственного деятеля, постоянно печатались в прессе. Он ставил на вид тот факт, что Колымские прииски — обыкновенная золотомойная гражданская организация, находящаяся под начальством директора Дальстроя господина Никишова и его гражданских сотрудников, что там работают завербованные в России вольнонаемные труженики: молодые мужчины и женщины, изъявившие желание поехать на заработки. Уоллес тоном, исключая малейшие сомнения у слушателей, высказывал свои личные замечания и наблюдения — впечатления человека, только что побывавшего в тех местах. Он рассказывал, что, находясь в поездках по приискам Колымы и ее притоков, не встретил ни одного солдата, ни одного человека, облаченного в военный мундир, не видел ни одного концлагеря даже с самолета. На каждом прииске он обязательно посещал и его поселок, заходя во все жилые помещения. Да, дома этих поселочков в большинстве своем представляют собой большие бараки, построенные по типу временных таежных жилищ. Но все

эти прииски — временное явление. С выработкой приисков будут заброшены и эти рабочие поселочки. Снаружи бараки имеют захолустный вид, но внутри — чистота и опрятность. Среди приисковых тружеников он не видел ни одного истощенного человека или хотя бы с бледным лицом — все они были жизнерадостными молодыми людьми с избытком трудовой энергии. И так далее и так далее...

Государственные деятели, разумеется, догадывались, что Уоллес был введен в заблуждение. Но как и каким образом? Этого не понимал никто.

Маленькое послесловие

Давным-давно миновали былые годы, и надо с сожалением признать, что померкли уже в памяти нашего народа воспоминания об ужасах бесчеловечной тирании того времени. Современные молодые люди знают о ней лишь понаслышке и только то, что передавалось в прошлом с великой предосторожностью, тихим шепотом старыми людьми — очевидцами небывалого за всю историю России кровавого террора, учиненного злейшими врагами русского народа, послушными орудиями дьявола в деле осуществления бредового замысла: мирового переворота и построения светлого будущего для всего человечества посредством нескончаемой цепи революций во всех странах мира.

Запаленное революционерами всепожигающее пожарище народного мятежа превратилось в гражданскую войну, принесшую неисчислимые бедствия народу, который, в свою очередь, стал оказывать некоторое сопротивление правящему режиму. Да и в самой партии коммунистов возникли оппозиционные настроения и несогласия.

Чтобы сломить и подавить это народное возмущение, осатаневшие изверги решили прибегнуть к актам жесто-

чайшего террора посредством преступной чекистской клики, сотрудники которой изъявили добровольное желание стать гнусными палачами своего народа.

По всей стране производились массовые расстрелы несогласных и инакомыслящих, чтобы запугать трудовой народ и сломить его волю к сопротивлению. Наряду с этим была создана многомиллионная армия заключенных, которая должна была восполнять все материальные издержки и поставлять огромные финансовые суммы, потребные для свершения мировой революции, которую в те годы безуспешно пытались начать с Китая.

Некоторые интеллигенты-одиночки, по счастливой случайности сумевшие перебежать зорко охраняемую государственную границу и укрыться в каком-либо из иностранных государств, осмелились описать в заграничной прессе мизерную частичку из происходивших в то время событий, сокрытых от взоров человечества. Тогда чекистские мстители заочно выносили им смертные приговоры и откомандировывали из своей среды оголтелых изуверов, которые в составе какой-нибудь торговой миссии или делегации выезжали в то государство, где была опубликована изобличающая их статья, отыскивали приговоренных к смерти людей и уничтожали их.

Память о кровавых злодеяниях в те и последующие годы с особой тщательностью глушилась совершителями узурпаторской политики. Они опасались, как бы эта тайная информация не осталась запечатленной в истории России и не стала бы в последующие века свидетельствовать против них.

После смерти Сталина новый правитель, назначенный кучкой людей из так называемого Политбюро, в своем первом же обращении к народу, транслировавшемся по Всесоюзному радио, с воодушевлением сказал: "Товарищи, мы строим в Китае четыреста семьдесят пять новых

крупнейших промышленных предприятий...” Как будто бы наш народ должен был испытывать несказанную радость от строительства где-то в Китае... Спрашивается, а что же они, правители, построили в своей стране?

За несколько послереволюционных лет они построили для своего народа несметное количество тюрем и концлагерей, в которые упрятали девятнадцать миллионов человек — лучших представителей трудового народа, образовав целое тюремное государство, поставлявшее извергам колоссальные финансовые суммы, щедро расточаемые на нужды иностранных революций и на “бескорыстную” помощь слаборазвитым странам.

Обо всем этом, увиденном и пережитом, и попытался рассказать молодому поколению многогрешный монах Меркурий в своих воспоминаниях.

Монах Меркурий незадолго до своей кончины (1997)

Отворилась дверь, вошли трое, и дежурный, подойдя к отцу Парфению, обратился к нему со своим обычным вопросом: “Как твоя фамилия?” Отец Парфений, поспешно встав, ответил: “Аксёнов. — И добавил: — Не надевайте мне наручники, я спокойно пойду туда, куда вам нужно, я давным-давно ожидаю этого желанного часа”. Слова эти, произнесенные спокойным голосом, крайне озадачили конвоиров, и они с полминуты в недоумении стояли возле него.

Отец Парфений... встав на колени, земно поклонился братьям-монахам и сказал: “Простите меня, любезные отцы и братья, может быть когда-либо по неведению погрешил против кого из вас... а потому, не помня зла, помолитесь обо мне”.

“Помолись о нас и ты, отец Парфений, когда будешь пред престолом Всевышнего, — ответили они, — чтобы и нам, как воинам Христовым, сподобиться с мужеством воспринять мученическую кончину”.

Дверь затворилась, все смолкло... Арестанты сидели не шелохнувшись. Я подумал с удивлением: с каким спокойствием ушел к месту казни этот духовный человек, не потеряв ни на минуту присутствия духа... И сравнил свой вчерашний выход из камеры, при котором я затрясся всем телом, как самый обыкновенный плотской человек, забыв даже попросить прощения и святых молитв у оставшихся в камере братьев-монахов.

